

Наконец у нашего правительства появилось понимание того, как надо начинать решать проблемы дальнейшего развития Арктики. До министерства экономического развития России, кажется, дошло, что только отраслевыми программами Север нам не обустроить. Нужны ещё и грамотные территориальные программы. Надо развивать не только так называемые долготные пути сообщения, но и широтные. А в перспективе нам нужна надёжная транспортная артерия от Заполярья до Чукотки, может быть, чуть ли не рядом с Северным Ледовитым океаном – этакий арктический Транссиб.

задел. Есть круглогодичные порты, разведаны большие запасы редких металлов, имеется кое-какая инфраструктура. Другими словами, регион обладает всеми возможностями для организации в кратчайшие сроки качественного морехозяйственного сервисного центра, который позволит дать новый толчок для развития экономики во всей стране. Но чтобы всё успешно заработало, надо оперативно снять административные барьеры и ведомственные препоны.

Для руководителей профильного департамента Минэкономразвития сейчас задача номер один – разработать новые удобные инструменты по развитию опорных

Начало положено. **НО ЧТО ДАЛЬШЕ?**

Опасность забалтывания серьёзной арктической программы

Вспомним, как развивались на Севере в прошлые столетия. Разве – ненцы или тунгусы, чуть что, спешили решать свои проблемы в Тобольск или Иркутск? Нет же. Местные жители легко передвигались из Большеземельской тундры на Ямал, а при необходимости и на Таймыр. Так же как и долганы, обживавшие Анабар на северо-западе Якутии, без проблем добирались до Хатанги. А в начале двадцатого века даже шурышкарские ханты, проживающие на Ямале, к своим казымским соседям зачастую вынуждены добираться не напрямую, а окольными путями – в основном через Тюмень. Разве это дело?

Пора, давно пора создать на территории российского побережья Северного Ледовитого океана взаимосвязанную сеть транспортных, навигационных и иных стратегических объектов.

Первые шаги к этому уже сделаны. Пример показали военные и пограничники, заново начавшие обустройство многих арктических островов, а также Амдермы, Тикси, мыса Шмидта и других важных точек на карте Севера. Понимая, что Арктика не терпит дилетантов, Минобороны создало в Благовещенском военном училище специальный факультет, на котором курсантов готовят к службе в условиях Заполярья. Одновременно промышленность развернула выпуск новых образцов оружия, учитывающих особенности Севера.

Теперь важно синхронизировать действия военных и гражданских администраций. Арктику надо обустроить сообща, всем миром, делая её привлекательной для жизни и работы.

Понятно, сразу на всё у страны сейчас нет ни денег, ни производственных мощностей, ни квалифицированных специалистов. Значит, надо правильно определить приоритеты. Минэкономики не случайно предлагает сделать ставку на опорные зоны. Всего разработано для Арктики восемь таких зон. Но пока решено создать всего две зоны: Кольскую и Северо-Якутскую.

Почему для первых экспериментов выбран Мурманский регион? Во-первых, там уже создан неплохой

зон. Не будет новых экспериментов – всё останется по-старому и никакого прорыва не случится. Люди по-прежнему будут чувствовать себя в Арктике неуютно.

Что внушает сейчас опасения?

Первое. Очень бы не хотелось, чтобы опорные зоны повторили судьбу особых экономических зон. Вспомним, сколько копьев было сломано вокруг подобной зоны на Северо-Востоке России. В 1999 году правительство согласилось дать статус этой зоны не всей Магаданской области, как этого добивался тамошний губернатор Цветков, а только областному центру – Магадану. Что сделал тогда Цветков? Он перекроил административные границы и присоединил к Магадану сотни километров Охотского побережья. Да, зона получила тогда кучу налоговых льгот. Но жизнь от этого на Охотском побережье не улучшилась, а в чём-то даже ухудшилась. Как бы и теперь всё не ограничилось получением льгот, которые позволят лишь пополнить карманы местным олигархам.

И второе. У нас сейчас судьбу Арктики решают политики, которые много лет витают в облаках и далеки от реалий сегодняшней жизни. Кто теперь возглавляет госкомиссию по Арктике? Правильно, Дмитрий Rogozin. А что знает он о Севере? Ему в своё время президент с нуля поручил курировать создание космодрома на Дальнем Востоке. И чего Rogozin добился? При нём бандюганы своровали десятки миллиардов рублей, а пуск первой ракеты пришлось несколько раз переносить. Rogozin так и не понял, что твердить много лет правильные лозунги – это одно, а умело координировать работу сложнейших отраслей – совсем другое. Вот и Арктикой он, похоже, управляет лишь с помощью одних речей. Окружив себя политиками разных мастей, Rogozin до сих пор игнорирует североведов-профессионалов и классных специалистов по территориальным проблемам экономики. Как бы теперь такой правительственный вельможа не погубил бы все наши разумные арктические проекты.

Вячеслав ОГРЫЗКО

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва)
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

Обложка
Дмитрий УТКИН (1–4)

Подписано в печать
30 июня 2016 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.
Тел./факс: 8 (495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 1174к

СОДЕРЖАНИЕ

- 1** **ОТКРЫВАЯ НОМЕР**
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Начало положено. Но что дальше?
- 3** **РЕГИОН ПОД МИКРОСКОПОМ**
Олег ХИМАНЫЧ.
Амдерма: нерентабельная песня
- 20** **НАША ГОРДОСТЬ**
Сергей ИГНАТЬЕВ
Екатерина ВОЛКОВА-КОВАЛЁВА.
Ледоколу «Красин» 100 лет
- 26** **НА ГРАНЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ**
Александр ЛАТКИН.
По направлению к бездне
- 29** **ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ**
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Рыцарь золотого руна: Василий Ажаев
- 40** **ЭКРАН**
Владислав ВИНОГРАДОВ.
Я добывал золото на Колыме
- 42** **СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ**
Ольга ИЖЕНЯКОВА.
Любимое дело Сергея Фатеева
- 44** **ЛИЧНОСТЬ**
Марат ВАЛЕЕВ.
Таёжная кровь
- 46** **ВОКРУГ СВЕТА**
Леонид ПАСЕНЮК.
Иду по Командорам
- 48** **МОЯ МАЛАЯ РОДИНА**
Юлия НАКОВА.
Сыновья красавицы Соби
- 50** **ПРОЗА**
Екатерина ЯКОВЛЕВА.
Тайна больших людей
- 54** **ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ**
Анатолий БИЛОКОНЬ.
По следам Ходжи Насреддина,
или Что хотел сказать
в своих повестях Леонид Соловьев

Олег ХИМАНЫЧ

Так выглядит заполярная Амдерма
в иллюминатор вертолѐта

Амдерма: нерентабельная песня

*«При преобладании северо-западного и северного ветров лёд
задерживается у посёлка Амдерма до середины сентября»*

(Из лоции Карского моря)

А вышли мы из Архангельска в рейс на Амдерму в самых первых числах августа. Судно наше – сухогруз, лесовоз «Мезеньлес» той навигацией в Северном пароходстве числился едва ли не вторым, кого направили от Бакарицы с грузами Арктикснаба в Амдерму. От Мудьюга и до Канина дорога морем оживлённая. Встречные суда здесь попадают часто, и, конечно, обычная переключка по радио – кто и куда наострил.

– «Мезеньлес», я – «Парголово». Куда идёте?

Отвечаем:

– В Амдерму.

Некоторая пауза и потом:

– «Мезеньлес», я – «Парголово». Не понял, куда вы идёте...

Мы:

– В Ам-дер-му...

«Парголово»:

– Шутите? Кто послал туда «ваш самолёт»?!

...Наш «Мезеньлес» был из серии газотурбоходов, и потому имел маневренную особенность – машина его, в четыре тысячи лошадей, полной мощностью работала только на

движение вперёд, а задний ход был очень слабым, и попади судно в приличные льды, застряло бы точно. В общем, «самолѐтом» нас обозвали, и не только с мостика «Парголово», за отсутствие равноценного заднего хода. Вероятно, в пароходстве в ту страдную каботажную пору понадеялись на тёплый август, мол, в переделку с тяжѐлым льдом «Мезеньлес» уже не попадѐт. Одним словом, послали...

1.

До Югорского Шара путь выпал ровный, без приключений. Одна вахта сменяла другую, все – внешне похожи. Дали «полный» у Чижовки, и ручка телеграфа так и оставалась в том же положении до самой Амдермы. Белым морем шли далековато от берега – он тянулся справа ровной жѐлто-зелѐной полосой. Если и возникало на нём что-либо приметное, то различалось исключительно через бинокль. Потом Канин и Колгуев укрылись от нас туманом, но к первому створу Югорского Шара мы внезапно выскочили из зыбкого марева, сняли пеленг и, не сбавляя хода, побежали дальше.

Солнце, неожиданное и звонкое, заливало пролив. Слева и справа антрацитово-чёрные скалы сбегали к морю, поверх них – зелёное покрывало тундры. Никаких отдельных примет. Сырые, неряшливо разбросанные домики Хабарово и Варнека стремительно ушли за корму. Как и постройки полярной станции Югорский Шар, особого впечатления они не оставили.

Как-то очень резво мы в тот раз бежали. В 16.40 бухнули якорь на рейде Амдермы, но далеко от берега, а ближе нельзя – мелко. Нас уже ждали – сразу к трапу подскочил скуластый кантовщик с грузчиками и портовым начальством. И часа не прошло, как сезонники взялись снимать брезент с палубных грузов – спешили.

Коварство местной погоды я оценил позже, а пока с крыла мостика рассматривал посёлок. В бинокль, конечно. Вёл его, и всё – холмы, холмы, холмы. Тёмно-рыжие и тёмно-зелёные. Но без солнца грязными виделись те холмы. Несколькими днями позже председатель поселкового Совета Амдермы Владимир Кириллович Рябов заметил:

– Москва, как вы знаете, на семи холмах стоит, а наша Амдерма – на девяти...

Не считал я холмов, но постройки на них не улучшали общего вида, выглядели хаотичным нагромождением. Над крышами

Рейд Амдермы. В августе здесь льдом не удивить

то тут, то там торчали трубы котельных. Ближе всего к нам оказались строения портопункта, без привычных крановых конструкций, но с бетонно-брусковой стенкой то ли мола, то ли пирса. Поодаль и выше жилых домов, и тоже вразброс, маячили стального и бурого цвета цилиндры хранилищ ГСМ. Различались частокотлы столбов и столбиков, вдоль них изредка передвигались автомашины. Общую панораму справа дополняли две приметные антенны станции радиорелейной связи на сопке в пяти с половиной милях западнее посёлка.

Если на чём и задерживался взгляд, так на длиннющей полосе аэродрома и самолётах. Вокруг них, военных и гражданских, реактивных и винтовых, всё двигалось – люди, грузовики, бензовозы, «газики», автобус. Сами же самолёты одни стояли или рулили по бетонке, другие садились и взлетали. Не скажу, что один за другим, но оживлённо как-то получалось. Хорошо различались ангары, постройки технической службы, приличный вокзал, и конечно, здание застеклённой «колоколенки», откуда, как нетрудно догадаться, руководили всеми полётами и перемещениями. Другими словами, аэродром выглядел средоточием всех дел в Амдерме. В общем-то, так оно и было.

Сначала с нашей палубы на плашкоуты стали перегружать тяжеловесы: грузовики, самосвалы, трактор, автогрейдер, тягач-вездеход... До самого массивного – экскаватора массой в двадцать семь тонн очередь не дошла. Вернее – не успела дойти. Ветер с севера погнал сначала барашковые волны, а следом расходилась зыбь. На ней неуправляемые плашкоуты опасно заёрзали у борта «Мезень-леса», их поспешили отшвартовать...

Кроме нас, на рейде выгружались «Иван Болотников» и «Салават Юлаев». Они пришли в Амдерму с углем. Тот же случай – буксиры подхватили и отвели от них плашкоуты, чтобы спрятаться с ними в порту.

До Югорского Шара путь выпал ровный, без приключений. А на выходе из пролива нас уже встречали первые льды

2.

«Пятнышко родимое» – такой поэтический образ придумал посёлку Михаил Пляцковский в стихах для песни Давида Тухманова. Там такая строчка: «Амдерма, ты пятнышко родимое у Карского моря на обветренной щеке...» Пел её популярный в своё время певец Владимир Макаров. Но это в 70-х было, и четыре десятка лет Амдерма жила, пока не родились упомянутые поэтический образ и песня. В жизни заполярного посёлка сорок лет – целая эпоха. На административной карте Архангельской области Амдерма появилась в 1936-м.

«Посёлок Амдерма расположен в 9,5 мили к ESE от мыса Танкерный с восточной стороны устья речки Амдерма... На низкой косе к W от посёлка оборудован аэропорт Амдерма», – так сказано в лоции.

Первая местная легенда – откуда название такое – Амдерма. Так вот, будто бы плыл морем на лодке вдоль берега некий самоед-охотник и заметил здесь крупную лёжку моржей. Тогда и воскликнул – «Амдерма!», что, собственно, и означает в переводе на русский – «лежище моржей». Отсюда якобы и наименование пошло.

Одни краеведы утверждают, что до той поры, как возникло здесь небольшое поселение (1933), правда, без официального статуса, местная коса оставалась без малейших признаков жилья. Другие говорят, что временные становища кочевников всё же были, да и проезжие ненцы время от времени на берегу появлялись. С одним из таких путников связано второе местное сказание – о «радужном камне».

Якобы однажды ненецкий почтальон вёз почту из Хабарово в Усть-Кару, и, опять-таки случайно, нашёл в тундре камень необычных, радужных расцветок. Эту диковинку отправили в Москву, а уж оттуда отрядили геологов – сразу несколько партий – для поиска плавикового шпата. Ценного флюоритового сырья в Советском Союзе на тот момент не было, и его приходилось закупать за границей. И здесь упомянем третье местное предание – о том, как порой везёт и как не везёт.

Геологических партий, посетивших тогда район Амдермы, было две – А.С. Пастушкова и П.А. Шрубко. Пастушков первым прибыл к месту, но залежи флюорита (1932) обнаружил не он, а пришедший сюда позже Шрубко. Так получилось.

Инициатором строительства рудника на берегу Карского моря стал известный в Заполярье горняк Е.С. Ливанов. До этого Евгений Сергеевич основал рудник «Раздельный» на острове Вайгач. Памятный знак этому человеку установлен в посёлке. К тому же, его имя ещё и увековечено в камне, причём,

Архангельский газотурбоход «Мезеньлес» на рейде Амдермы. К левому борту уже поданы плашкоуты

в самом прямом смысле – амдерминцы назвали в его честь мыс и скалы недалеко от посёлка.

Порт в Амдерме строить не стали – совершенно открытое место, вдающихся в сушу бухт нет, очень малые глубины. Поэтому сочли за благо организовать здесь портопункт с рейдовой выгрузкой.

Зато местный аэродром вышел на славу! Здесь морской берег для взлётно-посадочной полосы подошёл идеально – пологий, устланный огромными и ровными каменными плитами. Иван Дмитриевич Папанин и один из первых наших полярных лётчиков – Михаил Васильевич Водопьянов упоминают Амдерму в своих мемуарах как промежуточный аэродром дальней авиации. Рассказ о нём тоже бытует в истории.

В июне 1937-го Отто Шмидт и наши герои-авиаторы возвращались с Северного полюса, и нужно было поменять самолётам лыжные шасси на колёсные. Беда оказалась в том, что снег на тот день растаял по всему Карскому берегу. Что делать?! В посёлке объявили тотальную «мобилизацию» – стар и млад возили снег грузовиками и санками оттуда, где он ещё сохранился – из тундровых оврагов и распадков. Всем миром строила Амдерма тот «зимний аэродром». На него-то и приземлились наши покорители полюса, прежде чем добраться до Архангельска и Москвы.

В войну аэродром тоже числился за посёлком, наряду с портопунктом и рудником. Позже, в конце сороковых, когда плавиковый шпат нашли и на большой земле, ближе к промышленным центрам, рудник закрыли. Аэродром же вскоре стал центром всего местного бытия – его прибрали себе военные. Сначала от них потребовали закрыть небо над новоземельским ядерным полигоном, а потом выставить воздушный кордон для всего

западного сектора Советской Арктики. Так в Амдерме стал на долгий постой авиационный полк. Взлётно-посадочную полосу удлинители и расширили для тяжёлых машин, а в тундре, на окрестных сопках, появились строения мощных радаров и станций дальнего обнаружения целей.

В посёлке проживали ещё и полярники местной метеостанции, учёные комплексной мерзлотной лаборатории, служба местного портопункта. В 80-х добытчики возобновили свои работы на флюоритовом руднике. И, кстати, ходили в связи с этим слухи, что за драгоценной его продукцией, запечатанной в особый контейнер, якобы раз в год, по осени, прилетал транспортный самолёт, забирал этот груз специально для нужд ленинградского ЛОМО.

Однако расширялась Амдерма, крепла, одевалась в бетон и кирпич благодаря военным. Мне в 80-х довелось засвидетельствовать, можно сказать, «золотое время» заполярного посёлка. И тот памятный август выдался «золотым», в смысле самым тёплым, ясным и многоцветным из всех местных месяцев.

3.

...На берег я попал случайно. Старпом Николай Иванович Сазанов и боцман Николай Яковлевич Конечный отправились в посёлок

Рейдовая выгрузка.
Так с палубы на плашкоуты
опускают «тяжеловесы»

по надобности – капитан дал им поручения: оформить приход и получить часть зарплаты экипажу в местном «Сбербанке». Я напросился за компанию. Перебрались с палубы на попутный буксирчик, тот подцепил гружёный плашкоут и потащил. Стояли мы на корме, любовались своим «Мезеньлесом» в закатных лучах и уж никак не ждали коварного подвоха от тоненькой белой полоски на горизонте. И трёх часов не прошло, вернулись мы на причал, а «тоненькая белая полоска» уж обошла крупнобитым льдом наш «Мезеньлес». Да так стремительно, что портовых грузчиков едва успели снять с борта!

Диспетчер рейда предложил нам «протолкаться». Буксирчик, на чью палубу мы прыгнули, резво выбежал навстречу льдинам, ткнул в одну, другую, поискал чистых разводий и на том энтузиазм его шкипера иссяк. Мы вернулись. К ночи льдины втугую забили весь рейд. Ещё раньше «Мезеньлес» снялся с якоря и пошёл к Югорскому Шару искать чистую воду. Так втроём мы оказались тундровыми сидельцами на пять суток. Мне такое дело обернулось корреспондентским интересом, а старпом и боцман знакомились с Амдермой поневоле...

Первые впечатления о самом посёлке. Архитектура – в целом и двумя словами – парад эклектики! Тут и здания обычного заштатного среднеполосного городка, и деревянные дома, и бараки, и сараюхи. Последние поражали своей стойкостью – как не рассыпались при здешних ударных ветрах?! Однако же высылось и с десятком каменных, трёхэтажных зданий. Имелось постройки совершенно банальные и «неформат». Всё опиралось, естественно, на сваи – о нулевом цикле с котлованами в мерзлотном грунте разве могла б идти речь?! Фасады не радовали. Штукатурка на многих домах вымерзла и отлетела – то тут, то там на стенах торчали рёбра арматуры или же сетки речной обшивки. Улицы без асфальта, конечно, но со множеством шлага (видимо, из местных котельных), и всё разъезжено, смято, разбито – глубокие рубцы от гусениц и колёс. Само собой, никаких тротуаров. В некоторых проулках имислужили дощатые коробатеплотрассы – трубы не закапывали из-за той же мерзлоты. Под коробами текли ручьи талой воды со стоками примитивной канализации. И на всю Амдерму ни единого деревца или кустика! Умом-то понимаешь отчего, но всё равно такая картина угнетала.

Нашим поселковым экскурсоводом стал Дима. Годков за тридцать я бы ему дал. Весело блестящие глаза, вздёрнутый, как у подростка, нос в конопушках, чёрные, плоские и растрёпанные волосы, усы и лохматая борода, которая чуть удлиняла лицо. На самом

На улицах посёлка можно было встретить и автомобили, и олени упряжки

деле он был не толст и не широк в плечах, скорее таким его делала куртка на размер больше и крупной вязки чёрный свитер под ним. В вязаной шапочке и вконец побитых сапогах своим обликом он более походил на плотника-бетонщика, но представился так:

– Будем проще – Дима, на время навигации бич – бывший интеллигентный человек. Заведую механизмами в порту...

Мы стояли на крыльце управления порта и гадали, куда теперь нам, отставшим от судна, держать курс. На постой нас определили в гостиницу, однако, где она располагалась, мы не ведали. Вот тогда-то и явился Дима, неожиданно, можно сказать, образовался ниоткуда и вызвался проводить. С чего бы нам отказываться?! Но сначала попросили его показать Амдерму. Дима от такого предложения лишь лишь оживился.

Сначала оказались у Дома офицеров. Здание типового проекта – такое же, как и в отдельных гарнизонах на материке. Перед входом, на небольшом постаменте – отлетающий своё краснозвёздный истребитель, кажется, МиГ-15 – монументальный символ местного авиаполка. Пространство перед ДОФом Дима определил как «административный пятак» – площадкой, которая условно считалась поселковым центром или чем-то вроде того. Сделал он это, поставив одну ногу на конусообразную верхушку старого ацетиленового баллона, на две трети закопанного в землю. Таких, к слову, торчало десятка три, кое-где между ними провисали цепи, и потому из этого множества вырисовывалось нечто вроде вытянутой вдоль улицы парадной оградки...

– Танцы у вас, наверное, каждый день? – поинтересовался старпом.

– Нет, не каждый... – пояснил Дима. – Чаще по праздникам. А если в будни вдруг, так одни дамы, танцуют друг с другом.

– А мужики-то, где и что? – спросил боцман.

– Какой с нас прок?! – искренне удивился Дима. – Местных холостячек мало, почти нет. У офицерш дома свои мужики имеются. Посёлок маленький – как деревня, каждая дама на виду, все и всё про каждую знают. Разве тут загуляешь?!

Мы даже опешили от такого комментария.

– Холостым мужикам в ДОФе один интерес, – с некоторой печалью подытожил Дима, – бильярд!

Мы прошли несколькими улочками окрест порта, побывали и в так называемой верхней части посёлка, спустились ближе к центру, зашли на почту и снова оказались у отделения «Сбербанка». По правде, банк этот «впечатлил» нас ещё утром: крохотная косоватая хибарка, больше похожая на голубятню. Непрезентабельным, вроде сарайчика, оказался и винно-водочный магазин рядом с управлением порта. Справа от крыльца и у тыльной дощатой стенки громоздились-высились ряды пустых ящиков. Зато улицы, дворы и проулки Амдермы были с избытком завалены стеклотарой... Признаться, нигде до этого я не видел таких залежей бутылок – битых и целых. Порой их скопления между теплотрасс образовывали внушительные пирамиды. Как и пустые консервные банки из тонкой жести. С ними, видимо, тоже не знали, что делать...

– Понимаете, на материке пол-литровой бутылке – 12 копеек красная цена, – вслух рассуждал Дима. – Во что она станет, если везти её отсюда в трюме, тем более – самолётом? То-то и оно! Наши снабженцы так говорят: «Предмет, завезённый в Арктику, становится золотым». Стеклотара тоже...

– Азиатчина какая-то! – не выдержал боцман.

– Ей-богу! Все мы – скифы и сарматы, пол-России – азиаты, – продекламировал в ответ Дима.

Мы переглянулись.

– Если принципиально разбираться, то все мы тут азиаты, – снова оживился наш провожатый. – Символический знак «Европа-Азия» поставлен на Вайгаче. Мы – восточнее, уже в азиатской части Союза, а, значит – азиаты! – и довольный собой бывший интеллигентный человек Дима рассмеялся...

Так ведь и прочих свалок в Амдерме без счёта! Вернее, их даже никто не считал – не было в том нужды. Изъеденные коррозией остовы автомобилей, тракторов и бульдозеров маячили по всему посёлку. Они дополнялись такими же ржавыми и раскуроченными цистернами, бочками, резервуарами, контейнерами, металлическими конструкциями самых разнообразных видов. Запомнился крупный фрагмент фюзеляжа – будто летел самолёт домой, не дотянул до полосы, свалился прямо на посёлок.

Вселенский развал, разор, бедлам – не знаю, что в данном случае точнее – царил не только в посёлке, но и обильно выплёскивался на сопки и болотца окрестной тундры.

Конечно, местные воспринимали такие картины, как беспорядок, но и как некую неизбежность – приемлемого способа вывозить на Большую Землю отслужившие металл и стекло ещё не придумали. За те дни нашего скитания на берегу с кем мы только не говорили об этой экологической напасти – в управлении порта, в авиаполку, на «релейке», в службе ледовых проводок и поселковом Совете, пока не убедились – с годами к этой беде люди как бы привыкли, и потому обходилось у них без буйного раздражения.

Председатель поселкового Совета Владимир Кириллович Рябов в один из дней пояснял мне:

– Всего в Амдерме порядка 100 тысяч тонн таких железяк. Беда! Кто спорит?

Мы ж не слепые! Откуда и почему этот хлам, понятно. Найдут способ металл вывезти. У ГДР уже есть проект морских плавучих утильзаводов (действительно, разговоры такие ходили – Прим. О.Х.), два-три таких – и за пару-тройку навигаций они всё здесь «перемелют». Эх, улыбнётся ещё миру наша Амдерма! Дай только срок...

Наконец, добрались до гостиницы – одноэтажного, серого, обшарпанного барака, с немывыми стёклами окон и входными дверями на хлипких петлях.

Ключ от «номера» вручила молчаливая женщина: молча, неизвестно откуда она явилась, молча исчезла неизвестно куда. Наш номер: обычная комната, окно с двойными рамами, между ними – приличный слой песка и шлаковой пыли, четыре кровати, столько же стульев и тумбочек, одно зеркало. Умывальник и все «прочие удобства» – в конце общего коридора...

За стенкой под изрядным хмельком компания сезонников затянула что-то песенное про мальчишек, которым хочется сбегать за морошкой, но время для этого ещё не пришло. Таким был запев. Потом громче, но выразительно и обречённо:

– Амдерма! Амдерма! Ты пятнышко родимое у Карского моря на обветренной щеке...

– Здравствуй, здравствуй, меланома злопоярная! – мрачно отозвался наш боцман. Видно, был он под впечатлением от увиденного по дороге.

– Конечно, это не Салерно, – осторожно намекнул ему старпом.

«Мезеньлес» до нашего рейса в Арктику четыре года возил в итальянский порт Салерно красное дерево из знойной Африки. Городок на берегу Тирренского моря, всего в 65 километрах от Неаполя, практически

По тундре проездом через Амдерму

всегда радовал своей южной яркой улыбкой. Амдерма, вообще-то, тоже могла улыбаться. Но только в августе! Только в солнечную погоду. И непременно в тундре! Но пока о другой тундре.

4.

Офицеры со станции тропосферной радиорелейной связи зазвали нас в гости и пообещали уже следующим днём свозить к Югорскому Шару. В Амдерме их часть именовали проще – «релейка». Оседлала она самую высокую сопку на западе, в двенадцати километрах от посёлка. Очень приметным было её главное «хозяйство» – две высоких, кажется, метров под двадцать, прямоугольной формы антенны. В хорошую погоду штурмана различали их с моря, едва оставив по корме Югорский Шар.

Из посёлка до «релейки» можно было добраться исключительно гусеничным ходом. Для подобных и прочих вылазок по разомлевшей тундре имелись лёгкие вездеходы – ГТС, и тяжёлые – ГТТ. До Амдермы, к слову, были они для меня на один манер.

Конечно, мы согласились. Встретились у здания почты, куда ГТТ прилязгал в клубах сизого дыма. Водителя звали Феликс – худой,

долговязый, нескладный солдатик, коротко стриженный, рыжий, с очень простодушным лицом и редкостный молчун: за два дня – ни единого слова! В кузов с брезентовым тентом нас с попутчиками уместилось человек восемь. Тягач взревел, снова окутался выхлопными дымами, и мы поехали.

За околицу Амдермы выкатились быстро, а дальше... Феликс сосредоточенно дёргал рычаги, вездеход рывками полз по немыслимой хляби... Нет, не полз – плыл! Справа поначалу потянулся редкий частокол из аккумулятивных столбов, высотой не больше двух метров. Между ними – струны проволоки – что-то наподобие ограждения. Слева – беспорядочные отвалы грунта, торфа, изредка щебёнки. Возможно, здесь что-то пытались строить или проложить траншею. Вскоре столбы кончились и начались свалки – не промышленного или бытового мусора, а нескончаемые залежи металлолома. Раскуроченные компрессоры и насосы, какие-то механизмы прямо на станинах, части трансформаторов и другого оборудования, остовы автомашин, тракторов, трубы, баллоны, резервуары, контейнеры... Но более всего валялось бочек из-под ГСМ. Порой они образовывали внушительные скопища, и тогда не кончались и за ближайшими холмами тундры... Я посмотрел на своих спутников – старпом и боцман молча, растерянно озирались по сторонам – в Салерно такого, конечно, не увидишь...

Слева рукотворные рвы и канавы перешли в холмы и овраги, чуть покрытые тщедушной травкой... Тундра – мерзлота, мерзлота, мерзлота. Дернина здесь, как естественный теплоизолятор. Вскроешь слой, лёд под ней сразу тает – тут же просадки и провалы. Гусеничный трактор или вездеход всего лишь раз проедет и, считай, оставит на двадцать лет две не зарастающие мхом канавы. Это в лучшем случае. В худшем – глубокий овраг. А, если экскаватор приложится своим ковшом к дернине, так в перспективе жди провального озера...

– Крайний Север, регенерация медленная, – кричал мне прямо в ухо прапорщик, он сидел рядом и будто бы в оправдание добавил, – вы же сами видите, на колёсах далеко не уедешь... Ничего другого, кроме гусениц, не придумали... Всякие воздушные подушки – это всё научные фантазии...

Наш ГТТ карабкался на сопку по широченному безжалостно взрытому рву. Навстречу, то слева, то справа, будто селевые потоки, стекала изувеченная тундра.

– Это летом дороги у нас такие, – снова, что есть мочи, кричал мне в ухо прапорщик. Слышал я его с трудом. Единственный, на ком из нас не было ни шлема, ни шапки-ушанки, только пилотка набекрень –

водитель Феликс, но он лишь застенчиво улыбался. Движок ревел диким зверем. Ехали мы минут сорок, а мозги мои потом, признаться, звенели сутки. Даже во сне. Мне тогда посочувствовали:

– На ГТТ – танковый двигатель... У вас акустическая контузия...

Но и обнадёжили:

– День-другой и привыкнете...

Феликс при этом снова молчал и опять же – застенчиво улыбался.

Иными словами, «дорога» на сопку и впечатлила, и оглушила. Мы не подъехали к «релейке», а, расталкивая носом вездехода буро-зеленоватую жижу, причалили к деревянной площадке на свайных столбиках. Настил её был не выше, не ниже, а точно вровень с дверцами ГТТ – перрон, а скорее, пристань или что-то вроде того. От этой площадки разбегались в стороны сразу несколько мостков, и болотина зеркальцами воды посверкивала под ними. Мостки вели к большой синей постройке на сваях у высоких конструкций антенн, и к каждому, как мне показалось, из беспорядочно расставленных кунгов. Выгрузились...

Встречал нас замполит Слава, капитан. Он и представился так просто – по имени и сразу попросил, чтобы обращались к нему неформально, упуская и звание, и должность. Простое, русское интеллигентное лицо – я бы так сказал. Возможно, и нечто другое, сразу неуловимое, выдавало в нём исконно городского жителя. Так оно, к слову, и оказалось. Аккуратный, ладный, даже молодцеватый – в хорошо подогнанном кителе и в начищенных сапогах. Любой на моём месте обратил бы внимание на них – всё-таки тундра кругом, а не плац.

Слава провёл нас к одноэтажному зданию. Мы вошли в него и затем пару минут плутали за своим провожатым по безоконным коридорам, пока не поняли, что они состыкованы и переходят один в другой. На низких потолках жёлто теплились неяркие лампочки в плафонах, стены с множеством дверей были скромно обшиты либо фанерой, либо деревом. Оказалось, единого здания, как такового, у «релейки» нет, состояла она из нескольких объединённых блоков и кунгов.

Наконец, пришли. Разместились в комнате, опять же, без окна, с одним продолговатым столом и тремя кроватями вдоль стен.

– Переночуете здесь, – сказал нам Слава, – а пока ужинайте, чем Бог послал...

В тот вечер «тундровый Бог Весако» послал нам: жареного гуся-табака – он едва уместился на огромной сковороде, блюдо фрикаделек из оленины, блюдо ломтиков солёного гольца, противень жареных грибов и горку пирожков с морошковым вареньем.

Эти местные кулинарные изыски разом внесли в комнату и мгновенно расставили на столе дневальные солдатской кухни. Любой тут смутился бы! Однако Слава пояснил:

– Всё лучшее – гостям! На «релейке» новый человек всем в диковинку, а гость, знаете ли, почти, как инопланетянин...

Потом уже ко мне:

– Секреты, конечно, есть. Но вы же не за нами приехали. Если хотите поговорить с личным составом, то, пожалуйста, до отбоя время будет, беседуйте, с кем захотите...

Собственно дальше, весь вечер все наши разговоры, за ужином и после, вращались вокруг одного – как служится здесь людям, прижатым тяготами 70-й параллели, у студёного океана. Слава знакомил нас с «релейкой»...

– Вольных людей здесь нет – куда послали, там и служат... – это он сказал, когда вошли в главное помещение станции, точнее – в оперативный зал – настолько оно было просторным, или же так показалось после коридоров и комнат казармы. Множество приборов и аппаратуры – светло, чисто, я бы даже сказал – по-домашнему опрятно. Как раз заступала на дежурство новая смена. Доклады, ответы, команды – строго по уставу...

– Народ разный и непростой. Но сейчас так, по-моему, везде, – поделился Слава, когда мы снова углубились в переход – Наша часть хотя и небольшая, но срочники отовсюду: и с Украины, и с Кавказа, прибалты и казахи, даже туркмены как-то служили... Природа и мозги разные, и образование, и воспитание. Но устав, служба, знаете ли, всех нивелирует в нужном порядке, даже москвичей...

– Москвичей?

– Да, москвичей. У них однозначно самомнение зашкаливает. За это их и не любят. Везде... – убеждённо заключил Слава и продолжил. – Здесь кто в грешную землю с лёта физиономией, а кто, напротив, выпрямляется и растёт. Тем, кто растёт, обязательно зачтётся – после дембеля такие от трудностей не попятятся...

Вышли на свежий воздух, остановились на небольшом дощатом помосте – подобии крыльца, дальше не пошли – от последней ступеньки начиналась влажная, сплошь из бурых рытвин тундра. И неясно было, куда она уходит – горизонт растворяла мелкая морось. В ближнем круге на редких невысоких холмах среди болотины ветерок трепал хилые стебельки жёлтых трав. Слева от нас грудились десятка три ржавых бочек из-под ГСМ, а справа, видимо, располагался пищеблок, потому как рядом над алюминиевым баком сутились дневальные в белых хэбешках...

– Нынче ещё до призыва дисциплинарными излишествами стращают, нарядами

вне очереди и всё такое прочее... – заметил Слава. – Сначала объяснили бы, что оно такое – наряд? По уставу: «наряд назначается для поддержания внутреннего порядка», и не наказание это, а повседневная работа... В тундре жизнь тяжёлая, знаете ли, ещё труднее служба. Какое оно лето, сами видите. А зимовка?! Мороз – к сорока, метели по восемь дней кряду... Вы, я слышал, на подлодках бывали, знаете про службу в замкнутом пространстве... «Релейка» – не подлодка, но в автономки ходит. Снега навалит выше крыши, щёлочки не сыскать, куда б его не набило! А часть в режиме круглые сутки, и офицеру смену не отменить, и дизеля должны исправно ток выколачивать, без остановки... Значит, надо откапываться. Траншеи в сугробах – на КП, между кунгами, к ДЭС, к антеннам и гаражу... Лопатой так намашешься, что хребет всю ночь ломит! А в помещениях, в столовой, на кухне прибраться?! Помой вынести или сортир почистить? В армии, знаете ли, прислуги нет – всё сами, в порядке очереди... Хотя, если наряд вне очереди? Да, пожалуй, сойдёт за взыскание... Так и что?! И любящая мама дитя по попе шлёпнет. Для пользы...

Спустя час, может, чуть больше, мы снова вышли на улицу, на этот раз оказались рядом с опорами высоких антенн, задрали вверх головы и тут заметили – восток, будто бы, уже взялся веселить небеса голубой акварелью, а запад дышал на них розовой.

Ровно, без усталости стучал дизель местной электростанции...

– Безделье человека губит, а в Арктике, знаете ли, намного быстрее, – посетовал Слава. – Это я у Нансена и Амундсена прочёл. Они в экспедициях нарочно каждому дело придумывали, плотно руки и мозги грузили, чтоб не оставалось времени на философию и сентименты. Но и там, на «Фраме» свободное время было. А на «релейке» чем досуг занять?! Зубрёжкой устава?! От шахмат-шашек с души воротит! Фильмы, не так часто, но привозят... Кино – дело вкуса, иногда и надоедает... «Культпоходы» в ДОФ – большой праздник, и по погоде... А с поощрениями, не знаешь, что и придумать... Скажем, служит солдат хорошо, в городе ему увольнение, а здесь куда? В Амдерму? Дорогу сами видели. В тундру? Чтоб заплутал или на медведя нарвался?!

– Часто к вам медведи заглядывают?

– Эти с моря нашу стряпню за тридцать вёрст чувят. Гостят постоянно, – оживился Слава. – Мамки ещё и своих ребят приведут – нам развлечение. А если бедокурят, ракетницей отогнать можно... Своё ружьишко почти у каждого офицера имеется, знаете ли, но стрелять нельзя... Да и удовольствия-то от такой «охоты»? Пускай, живут, если родина у них тут...

Ружья держим для перелётных гусей и уток... Или когда совсем уж немоготу, организуем турнир: кто самый меткий. «Вильгельму Теллю» – ящик сгущёнки... Японцы, я читал, лупят дубинками манекены боссов – нервная разгрузка у них такая, а мы тут из ружей палим по консервным банкам...

Долгим был наш разговор. Мы временами переходили с одной темы на другую, многое услышали интересного и занятного, перемежали серьёзное с анекдотичным, и верно, скоротали бы время до утра. Однако замполит Слава или не хотел показаться излишне докучливым, или, в самом деле, прочёл усталость на наших лицах.

– Эх, ухайдакал вас Феликсов вездеход! – огорчился он. – Вы уж отдыхайте. Подъём в семь...

Дверь за ним закрылась. Ещё минуты через три Слава вернулся с... двухстволкой:

– Разгрузимся, на ночь глядя?

На следующий день поехали к Югорскому Шару. Солнце с утра вверх выкатилось, не жаркое, но доброе, глянуло с безоблачных высот на бескрайнее царство пологих сопков, приземистых скал и одиноких валунов, стелющихся ив и карликовых берёзок.

Говорливые речки, малоприметные речушки, ручьи и ручейки, ещё недавно заколдованные злым и могущественным шаманом, сейчас, в августе, уже скинули его чары, очнулись, бежали весело, искристо, нет им покоя.

А озёра! Их просто не счесть! От раздольных до тех, кому нет и десятка метров в диаметре. Одни с густо поросшими берегами, другие, напротив, окаймлены голым камнем вековых гигантских чаш. Когда с озёр поднимались пугливые стаи птиц, крик их слышался то звонким, то протяжным, то близким, то удаляющимся.

Зенит арктического лета. Всё в тундре ловило этот миг. Даже по чёрствым скалам разбегались цветы. Показали мне их – камнеломки жёлтые, и камнеломки снежные. Во всём они разные, непохожие, в одном единичии – в жизнелюбии и упорстве, отсюда и название.

Не силён я в ботанике, но на осыпях речных берегов узнал поросли песчанки в её крохотном белоцветье. Собственно, на том мои познания флоры иссякли, и прочее местное изобилие растений виделось мне полевыми незабудками-лютиками микроскопической величины. Чего не увидел, так полярного изыска, называемого здесь в просторечии альпийскими розами. Удача, если найдёшь их. Говорят, отцветая, они становятся багряными, и тогда скопления их образуют на теле тундры «лужи», схожие с разлитой

кровью. Наверное, как намёк, мол, тундра может быть и безжалостной. Может, конечно, и бывает она такой нередко.

Тишина в безветренной тундре хрупкая и настороженная, как и всё живое в Арктике – а вдруг снова нагрянет зима?! Ледовитый нрав у океана. Во власти зимы, пусть и на пару часов, нагрянуть в здешнее лето – шквалистым, ветром, хлётским дождём или снежным зарядом.

И всё же тундра в августе как невеста полярного дня! Цветёт радостно, сколь Север позволит ярко. Но не в белом наряде она – обернулась в расцветающую кулису. И не коврики разнотравья ловят летний миг на бескрайнем скалистом панцире, а широченные, под горизонт, полотна. В тысячах озёр недвижно стоит лиловая, а то и чёрная вода, но издали глянешь – синь глубины и выси сошлись – небо в них купается.

Нет Амдермы без тундры!

Нет Амдермы и без моря, откуда на дрейфующих льдинах испокон веку навевываются белые медведи. Амдерма для них, наверное, как для нас Евпатория – курорт. Море по обыкновению хмурое и злое, ветра с него студёные и хлёткие – в часы ненастья бьют в стены так, что те трещат. Но, случается, в ясные дни жжёт море взоры удивительно ровной и густой синью. Но больше жжёт холодом. Всё ж таки полярное оно, Карское море.

Опять же немного местной экзотики. В гостиницу к нам утро влетело с позывными местного радиозла. Следом текст: «Здравствуйте, товарищи! Сегодня такое-то число... Температура воздуха... Ветер...» Тут же и постскриптум: вчера у свалки на восточной окраине посёлка были замечены два белых медведя. Будьте бдительны, товарищи!». И так каждое утро. Медведи, вероятно, были всё те же, а свалки всякий день другие.

– Беда нам с этими медведями, – сетовал председатель поселкового Совета Владимир Кириллович Рябов. – Они же «краснокнижные», стрелять их разрешается в крайних случаях, и разрешает не кто-нибудь, а Верховный Совет Союза. Раз пожаловал в посёлок медведь, потом выяснилось, старый и больной. Два дня Амдерму терроризировал, шатался по самому центру. Мы – звонить в Москву, Москва – то да сё, позвоните завтра. Сутки просидели в осаде. Звоним назавтра – они нам про Красную книгу начинают рассказывать... Я их тогда матом чуть не послал – а если ребёнок под лапу попадёт?! В те дни занятия в школе пришлось отменить. На третий день – ушёл медведь, звонят из Москвы, голос недовольный – так уж и быть, разрешаем – стреляйте. Нашли мы того шатуна за окраиной, уже в тундре, сам издох...

Мы сидели за столиком поселкового кафе. Здесь Владимир Кириллович предложил пообедать. Не помню, с чего мы о хищниках заговорили.

– Вам белые медведи, видать, в диковинку, – продолжил Рябов. – Если будут наши, местные рассказывать, как с ними запанибрата, не верьте! До тонны мышц! Когтищи вот такие! И резвее быка!

В этот момент отворилась дверь, и в кафе вошёл новый посетитель – мужчина – среднего роста, в куртке на меху, капюшон, сапоги, направился к гардеробу, а как снял шапку, повернулся – четыре полосы-шрама от виска и до подбородка обезображивали лицо.

– Вот и пример самолично пожаловал. – Владимир Кириллович кивнул на вошедшего. – Однажды бродила у нас медведица с двумя медвежатами, один у поселковой столовой отстал. Был мужик выпивши, ещё и компания развесёлая подначила – давай, фото на память, он и полез лобызаться. Кошка, собака пьяного запаха не выносят, а тут будущий медведь! Повезло мужику – мог бы и скальпа лишиться. Его теперь «индейцем Навахо» зовут, прозвище такое...

5.

О чём разговаривают взрослые мужчины, собравшись вечером в тёплой, но не пьяной компании, в комнате барака, именуемого гостиницей, и стоящего метрах в двухстах от берега океана? Бытует мнение – о женщинах и о футболе. Может быть. Нас было трое моряков и трое авиаторов. О женщинах и о футболе речи не шло. Мы коротали очередной свой вечер в обществе экипажа гражданской авиации. Ребята летели откуда-то из-под Воркуты, сели в Амдерме, и на ночь их определили к нам, в соседи...

Это были увлечённые своим делом, преданные авиации легуны. Таких, вероятно, и воспевал Экзюпери. Я подумал, возможно, тех и других по-своему роднило ещё и то, что летали они над безжизненными пространствами. У героев Экзюпери под крыльями плиты африканские пустыни, а у полярных авиаторов пустыни Арктики. Мне даже показалось, в облике новых знакомых проскакивало нечто от известных героев «Планеты людей» – лётчиков, не отрекавшихся от профессии даже под тяжестью непомерного напряжения. Часа три, как спустились они с ледовитых небес, но небеса, похоже, их так и не отпускали. Рейс, верно, выпал тяжёлым, им они были озабочены, охвачены, разогреты и остывали медленно, постепенно. Порой, на секунды, они как бы выпадали из разговора с нами, вдруг перебрасывались меж собой несколькими фразами, имевшими отношение к

последнему полёту, и тогда сыпали профессиональными терминами. Мы особо и не вникали в те их слова, но, и получаса не прошло, уже знали, что у амдерминского аэропорта класс «В», взлётно-посадочная полоса вытянута в широтном направлении на 2500 метров, а посадочный курс: 254 – 74 градуса...

На вид – всем за тридцать. Командира звали Николаем. Штурман Володя и бортмеханик Сергей, как оказалось, одногодки. И дальше все они, будто на подбор – выше среднего роста, ладно скроены, русоволосы. Разве что у Николая в шевелюре проблескивали первые сединки. А на лицо, конечно, разные. У Николая широкие брови вразлёт, нос с горбинкой, чуть заострённые скулы и выразительный подбородок – такие, говорят, у волевых людей. У простодушного Володи взгляд живее, рыжеватая щетинка на щеках. Темноокий смугловатый Сергей, показалось, не столько замкнут, сколько застенчив. Ещё Володя был разговорчивей командира, а Сергей тот больше молчал.

Вот уж не знал до того вечера, что у лётчиков, как и у моряков, второй стопкой принято поминать погибших...

Три года назад в Амдерме разбился Ан-24. Наши новые знакомые знали его командира и бортмеханика. Самолёт шёл из Архангельска ночным рейсом. Взлетели второго сентября, а сели уже третьего... Что там случилось перед самым снижением, теперь уж никто не скажет, но штурман-инструктор почему-то ушёл из пилотской кабины, был в салоне с пассажирами, доверил свое дело стажёру. А ночь, местность, как говорят лётчики, – безориентирная, стажёр не справился: Ан-24 до срока снизился и задел сопку... Страшная история: скорость 200 километров в час, камнями срезало оба винта, самолёт перевернулся и упал на песчаный берег моря. Чудом выжили бортпроводница и трое пассажиров...

А через полгода – новая катастрофа, там же – в Амдерме. И снова при посадке. Погиб молодой военлёт тяжёлого перехватчика. Об этом наши газеты, конечно, не написали, и потому я расспросил...

– Капитан авиации Александр Валеев, – начал штурман Володя, но тут же поправился, – Саша Валеев, наш знакомый, мы его знали... В марте восьмидесятого были большие учения, назывались «Небесный щит»... Они базировались в Талагах, а тут перелетали в Амдерму. На перехватчиках в экипаже двое – командир и штурман. Саня – командир, «тушку» пилотировал, но был из молодых. Потом только и говорили: мол, не хватило Сане лётной подготовки. Может, и так. Не зря же ему тогда в пару самого опытного штурмана дали... Сидели вечером, на погодном минимуме: облака низкие, плотные,

с тундры сильный боковой ветер. Километров десять оставалось, когда поняли – «тушку» вправо снесло – по линии берега это поняли. Саня стал доворачивать. Штурман ему подсказывал – успевали они ещё на второй круг. А Саня будто в ступор впал, заикнулся! Вот и получился «козёл» с большим углом тангажа...

Штурман Володя замолчал, а командир Николай пояснил:

– Это же носом резко пошли вниз... Удар такой, что передняя стойка шасси отлетела. Дальше вразнос: основные шасси не выдержали, «тушку» вправо понесло, она крылом кабель освещения полосы задела, порвала... Так в темноте и развалилась... Штурман – тот опытный, катапультировался. Это же с нулевой высоты отстрелился и живым остался! Как?! Бог его знает! Лётчику личное оружие полагается. У Валева рукоятку пистолета смяло, обойму согнуло вот так – под 90 градусов... Разве тут выживешь? Саню всего переломало... Это же на десятый день, как он женился...

– Видел я, как вывалились они из облаков над Поляркой, это по правую сторону Амдермы, – снова заговорил Володя. – Там склады ГСМ, большие ёмкости – приметный ориентир... Хотя чего сейчас говорить? Только поминать...

Помянули.

А третья была – за тех, кто в небе...

Время было уже позднее, но где-то раз в полчаса стёкла в окнах нашей гостиницы начинали дребезжать от грохота, что сваливался сверху. Это в местном аэропорту продолжались полёты. Амдерма без устали отправляла в небо и принимала на свою аэродромную полосу тяжёлые перехватчики...

Как водится, пришла очередь историй из жизни. Начал их Николай, которого, к слову, товарищи чаще называли уважительно – Петровичем. Он и начал серьёзно:

– Выпьём за самый надёжный в мире самолёт – Ан-2. Его часто обижают и называют «кукурузником»...

Тут, как за святое дело, выпили. Дальше рассказ:

– Кукурузы в тундре нет. Это же все понимаете, – сказал нам Николай, – а самолёт Ан-2 и в самом деле очень надёжный биплан. Вот ежели переобуть, поставить его с колёс на лыжное шасси, он против любого ветродуя сядет вообще без пробега. Проверено на практике. Ветра у нас, сами знаете, какие. А прошлый год январём замело очень сильно, все рейсы отменили – видимость ноль! Это же сидим в аэродромной столовке и в телевизор пялимся – делать-то нечего. Вдруг служебный народец засуетился, забегал. Что такое? Говорят, какой-то приبلудный Ан-2 с Варан-

дея аварийную посадку запросил. Посадку ему дали, а сел самолёт или нет, неясно – пилот не доложил. Вдруг разбился?! Оседлали «газик», военных подняли, тоже на «газике», и давай разъезжать, полосу прощупывать – это же с диспетчерской «колокольни» не видно ничего! Нашли. Стоит Ан-2 метрах в двадцати от обочины. Сел... поперёк полосы – это же по лыжному следу рассмотрели! Винт не крутится, и никаких признаков жизни на борту! Дверь кое-как открыли, в салоне – пусто! Дёрнулись в кабину – там лётчик... спит. Это же – сильно пьяный он. На следующий день, естественно, – разбор полёта: как, зачем и почему пьяным за штурвал сел? А ежели б чего?! Лётчик: «Боюсь на Ан-2 трезвым летать...»

Потом разговор продолжил бортмеханик Сергей. Мы так поняли, был он из местных:

Аэропорт Амдермы в своё время принимал пассажирские Ил-18 из Москвы

– Давно, когда ещё летали в Амдерму Ил-18, работал в аэропорту один механик, большой любитель пошутить. Фамилию его не помню, а прозвище ему – Голубчик. Вот как-то объявили посадку на рейс до Москвы. Пассажиры уже на трапе, а Голубчик встал на конец крыла и начал раскачиваться, вроде как на батуте. Пассажиры остановились, смотрят – в диковинку им такое. У Ил-18 конструктивная особенность – для борьбы с флаттером – это резонансное явление такое, крыло делали как бы эластичным. Раскачался Голубчик на крыле, потом колебания погасил и сделал вид, будто докладывает по радиации:

– Степаныч! Болты на крыльях ослабли. Будем затягивать или нет? Что?! И так сойдёт? Ладно...

Народ с трапа как ветром сдуло! Рванули все в зал ожидания – крик, ор, отказываются лететь на самолёте с незатянутыми болтами. Начальник службы бегаёт и понять ничего не может, какие-то такие болты на крыльях?! Бред! Потом разобрались. Заставили Голубчика признаться пассажирам, что он пошутил. Если не считать квартальной премии, легко отделался...

72-й Полоцкий авиаполк. Если полностью, то – 72-й гвардейский Полоцкий ордена Суворова III степени истребительный авиаполк. Славная у него история: сформирован на второй месяц Великой Отечественной в подмосковных Люберцах, назывался поначалу 17-м истребительным, потом – 485-м, и только в 1943-м стал 72-м гвардейским. Тогда же за ратные отличия полк поименовали Полоцким, а в апреле 1945-го наградили орденом Суворова. В Амдерму его перебазировали в 1956-м.

О полке тоже ходила легенда: будто бы один из его лётчиков, уже в мирное время сбил нарушителя-американца. И правда в том была, и неправда. Позже я докапывался до истины в архивах. Выяснилось, такой факт имел место. В 1960-м – наш, советский лётчик сбил над Баренцевым морем самолёт-шпион SR-71. Разразился большой скандал: американцы утверждали, что их самолёт не нарушал границы, а наши доказывали обратное. И доказали, подняв обломки на поверхность моря в наших территориальных водах.

Однако, во-первых, было это в 1960-м. Во-вторых, истребитель МиГ-17 относился не к 72-му гвардейскому, а совсем к другой воинской части на Кольском полуострове. Путаница же, а затем и сама легенда возникла, когда несколько истребителей того кольского полка временно базировались в Амдерме.

Старший лейтенант скромно представился Володей. Комполка поручил ему ознакомить меня с перехватчиком Ту-128. Самолёт стоял у одного из строевых технико-эксплуатационных частей, и, кажется, ему предстоял регламентный ремонт.

– Товарищ корреспондент, вы о В-52 – оружии американского агрессора слышали? – для начала осведомился Володя.

– Слышал, конечно, ещё и видел во вьетнамской кинохронике...

– Эти «тушки» им в противовес. Скорость 1660 километров в час, в воздухе держатся больше трёх часов...

В сторону от главной полосы амдерминского аэродрома бетонка вела на своего рода площадку «аппендикс», а там – небольшое, в два этажа, зданье и там же самолёты дежурного звена в полном боевом снаряжении. Их я ещё с «Мезеньлеса» в бинокль заметил, а потом и с дороги, когда ехали в полк.

Словно прочитав мои мысли, Володя постучал по плоскости крыльцевого пиллона:

– Здесь, на подвесках четыре ракеты: две с полуактивным наведением, две с инфракрасным...

Никто в Амдерме и не скрывал, что главной задачей полка был перехват американских бомбардировщиков В-52 – им через полюс свои «посылки» нам нести – самая короткая дорога. Уж и не помню, кто в последующие дни жаловался мне на скромную маневренность этих «тушек», на слабую защиту и средства РЭБ, в конце концов, на плохой обзор из пилотской кабины, но всегда находился тот, кто поправлял: Ту-128 для перехвата стратегов, а не для боя с истребителями.

– Володя, не спец я в вашем деле, но «Аэрофлотом» летаю часто. Не такие ли стоят в Талагах?

Старший лейтенант расцвёл:

– Так точно. Такие же, но другого полка. С их ребятами мы часто пересекаемся.

Машина впечатляла. Стреловидные крылья с обтекаемыми гондолами для шасси, вытянутое тело с воздухозаборниками, «уходящими» в фюзеляж, мощное, как мне показалось, хвостовое оперение, там же и спаренные сопла реактивных двигателей. Застеклённые фонари кабин лётчика и штурмана придавали перехватчику черты звездолёта из фильмов о космосе.

– Самолёт прост в управлении, надёжен, взлетит и сядет в любую погоду, – комментировал Володя и даже перешёл на высокий слог. – В обиду Родину не даст...

Я обошёл машину ещё раз, потянулся вверх и провёл ладонью по её носовому конусу, потом, уже на крыле – по шву из заклёпок, и тут поймал себя на мысли, что металл отчего-то не холодит. Будто прикоснулся к огромному,

странному, но живому существу.

– Если честно, этот их В-52 я тоже видел только на фото и в кинохронике, – вдруг признался Володя. – На учениях их «изображают» наши Ту-95, а так, вживую он пока не попадался...

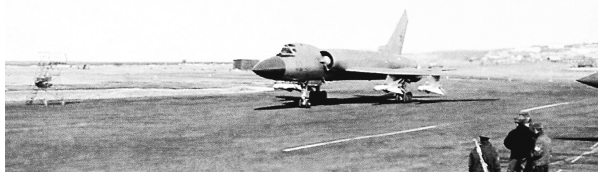
Сказал виновато, так мне показалось, но затем неожиданно рассмеялся:

– Зато SR-71 видел. Слышали о таком?

Крылатые шпионы SR-71 в арктическом небе появлялись часто. О них рассказывал мне комполка подполковник Валерий Яляев, разговор был уже в кают-компаниях

Вот такие могучие красавцы-ракетноносцы Ту-128 базировались полком в Амдерме, чтобы охранять наше небо над Арктикой

«Мезеньлеса». С его слов, на подходе к нашей границе американцев всегда «встречали». Они занимали эшелон километрах в пяти от неё, а наши перехватчики параллельный, но по свою сторону. Так и летали.

– Козней не строят, не шакалят, провокаций нет. Поэтому хлопоты не весть какие, но лучше, если вообще без них, – заключил тогда Валерий Гельмутдинович.

Картинка с натуры. В полку день полётов. Один за другим уходят в небо перехватчики. Разбегаются, отрываются от полосы и поначалу летят низко. От грохота шатаются хлипкие сараюхи посёлка, а уж стекло оконных рам, точно – по всей Амдерме жалобно дзинькает. Ту-128 – машина изящная, стремительная, масса у неё за сорок тонн, но снизу в такие мгновения походит на чудовище! Под крыльями – ракеты, на плоскостях – красные звёзды, бортовые номера. Местные мальчишки, задрав головы:

– Дядя Витя полетел... И дядя Саша за ним....

В Амдерме всё и про всех знали, даже, кто и на чём летает стеречь супостата...

Обломки старого льда полностью забили амдерминский рейд, и порт в тот вечер снова простаивал. Мы зазвали к себе в гости Диму – нашего первого знакомого и провожатого по Амдерме. «Бывший интеллигентный человек», как он поначалу себя представил, явился в совершенно ином образе – при аккуратной стрижке, с ровной, подбритой бородкой, в модном, молодёжного покроя джемпере, рубашке и... галстук! Теперь он более походил на сотрудника НИИ. Впрочем, так оно и оказалось. Дима пожаловал не с пустыми руками, с пакетом вяленой оленины и трёхлитровой банкой солёного гольца – яствами местной кулинарии. А мы, конечно, накануне привернули в амдерминскую «казёнку». Из остатков прежнего завоза в её подсобке печально звякали бутылки «Имбирной» и «Померанцевой». Обе настойки по цвету напоминали плохо заваренный чай. Один только запах той и другой выворачивал нутро наизнанку. Однако на прилавке имелся ещё и овейный легендами «Спирт питьевой». Его и взяли. С него-то, по сути, наши доверительные разговоры и начались. Точнее, с неожиданного поэтического предисловия. Дима взял в руку наполненный стакан, встал и выразительно продекламировал:

*«Мы сто белух уже забили,
цивилизацию забыли,
махрою лёгкие сожгли.
Но порт завидев, – грудь навывкат!
Друг другу начали мы выкаты
и с благородной целью выпить
со шхуны в Амдерме сошли.
Мы шли по Амдерме, как боги,
слегка вразвалку, руки в боки,
и наши бороды и баки
несли направленно сквозь порт;
и нас девчонки и салаги,
а также местные собаки
сопровождали как эскорт.
Но, омрачая всю планету,
висело в лавках «Спирту нету»,
и как на немощный компот,
мы на «Игристое Донское»
глядели с болью и тоскою
и понимали – не возьмёт...»*

Тут Дима кивнул на содержимое стакана: «А этот, ей-Богу, возьмёт...» – резко, шумно выдохнул и выпил... Мы тоже. Боцман первым перевёл дух и, как мог искренне, выразил своё восхищение:

– Ну, ты, брат, даёшь!

Глаза Димы тихо и весело засияли:

– Не я... Не я, ей-богу! Евгений Евтушенко... Его «Баллада о выпивке»...

Весь вечер мы говорили. Вернее, больше говорил, рассказывал Дима. От него мы услышали про флюорит – добывать его возобновили на амдерминском руднике. И про трубопровод на озеро Тоенато, откуда посёлок воду пьёт – он пролёг над тундрой – на сваях, ряжах, а то и на треногах, ведь в мерзлоту трубу не закопаешь... Узнали мы и про «мерзлотку» – лабораторию, где ставят уникальные научные опыты... И про автобус единственного маршрута, что ходит в посёлке без кондуктора, и нет его, кондуктора как такового – бесплатный в Амдерме общественный транспорт...

Что-то нам невероятным представилось, о чём-то и раньше слышали, было и то, что по хорошему умиляло. Как, скажем, тронуло нас в первый день название детского садика – «Солнышко» – в краю, где властвует полярная ночь! Было и то, над чем мы смеялись, и сам Дима рассказывал и смеялся:

– Однажды летел в Амдерму высокий сановник. Из Москвы долго лететь, он хорошо «принял на грудь», и жарко ему стало. Самолёт сел, стал к морю тем бортом, где выход из салона... Понимаете, октябрь, мороз, но лёд от берега отнесло и было солнечно... Чин шагнул на трап, узрел пейзаж и сразу указание: «Какой чудесный пляж! Надо оборудовать лежаками и кабинками для переодевания...» Ей-богу! С того и поехало по Амдерме: наш пляж...

Мы пили тот самый спирт, который непременно должен был «взять», он и в самом деле нас забирал, но мало-помалу, мягко грел изнутри, и языки нам развязал, но хмель этот не угнетал мыслей. А Дима всё рассказывал:

– Сгорел в Амдерме дом. Жильцов расселяли, куда могли. Некоторых до лучших пор приютили в «балках» – таких бытовках цилиндрической формы. Один прапорщик, жена и дети у него, к новому жилью так прикипел, ну ни в какую не хотел съезжать! Представляете – так и прокантовался «в бочке»... тринадцать лет! Наши прозвали его – Диоген. А он, ей-богу, не обижался...

Много местных прозвищ и поименований, ироничных, насмешливых услышали мы в тот вечер. Без желчи и ехидства, не то, чтобы грубости или злобы. Как правило, обретались они в анекдотичных житейских случаях или же на работе, по службе, и не было в них ничего из того, что бы замутило человеческие отношения.

– Не там живу, – вдруг сказал Дима, голос у него был ровный, но уже не радостный. – Понимаете, ребята, какая незадача вышла... В Москве родился, в Москве учился, в Москве женился... Миллионов семь так живут – на всех один сценарий...

Дальше Дима заговорил взволнованно, горячо:

– Понимаете, мёртвый город! Ей-богу, придуманный город, купеческий... Даже в фальшивом выгоду ищет... Камень в нём живое придавил... И корысть сверху! Не верите?! Везде: этому подыграй, тому поднеси, а другому так прямо – на лапу дай... Куда ни сунься, правды не скажи – себе дорожке... Людей хороших ещё поискать...

Дима даже переменялся лицом, и эту неожиданную перемену в нём заметил не только я, и старпом, и боцман. Мы замолчали, поняв, что Диме надо выговориться. Он и говорил, будто со словами боль отбрасывал:

– Я механик... Между прочим, «красный диплом»... Отец при высоком стуле, ещё в силе был, меня в НИИ пристроил – за счастье считалось! Хитрая она, «контора» наша, – пятое колесо у министерской телеги. А работа? От бумажной пыли непродых... Диссертации липовые, КПД – ноль! Про то все знают, но молчат – кто тёплое место сдаст?! И суета! Думаете, только на вокзалах и в метро толчея?! Одни – деляги, карьеру на чужом горбу городят, другие – купцы, за рублём в погоне. А рубль такой на шее удавкой... Ей-богу, не так мне всё виделось, не так, понимаете?!

Прежде Дима походил на весёлого, ироничного добряка, может, даже чуть бесшабашного, и познакомились-то мы с ним всего три дня назад, и никак не ожидали от него такой исповеди.

– Хотел уйти, место искал... И на заводах искал... Немногим лучше: если без блата, так заваливающая контора или у чёрта на куличках. А Москва, она «дистанция огромного размера» – тремя автобусами два часа в одну сторону... – Дима не без труда переводил дыхание. – Меня в Амдерму с командировкой послали, чудом каким-то, ей-богу! Так первый раз попал, пять лет назад... Сначала удивлялся. Очень всему удивлялся, круглыми глазами глядел, да скоро обвыкся... Работы много, особенно на завозе, с августа рейд не пустует. Так я от работы не бегаю... Понимаете, не только в работе дело...

Дима вытряхнул из пачки сигарету, другой рукой пошарил в кармане брюк, вытащил зажигалку, защёлкал – не срабатывала она. Пьяным он не был – это точно, но пальцы его дрожали. Боцман чиркнул спичку, поднёс прикурить...

– Поначалу думал – блажь наехала, пройдёт... А не проходит! – снова заговорил Дима – Я б насовсем уехал, ей-богу! А не могу... Про жену не говорю – давно чужие люди... Родители держат – престарелые они... А мне уж вполювину за тридцатник натикало! Годы уходят... Понимаете?! С июля по октябрь здесь... Отгулов столько в «конторе» и за год не скопить, отпуска маленькие... За свой счёт беру... Спасибо, что дают. Но как на психа глядят – летом народ в Анапы и Гагры рвётся, а я – сюда... Как же: Север, тундра, мерзлота! Против быта московского, так и нет здесь никакого быта! А люди лучше! Мзды не кланчат... Без жлобства... Камней за пазухой не носят... Всякий здесь, как на ладони – грязное нутро не спрячешь... Север, тундра, мерзлота... А душе светло...

Дима замолчал и посмотрел в окно. Мы тоже повернули головы. За посеревшим невымытым стеклом, на улице было светло, хотя и моросило...

6.

С берега обратно на борт «Мезеньлеса» мы, что называется, прошмыгнули. Или даже юркнули. Потому что воспользовались «окном»! Утром, только проснулись, к гостинице на дежурном ГТСе подкатил Слава-замполит. Забежал в комнату:

– Парни, живо собрались! У Танкерного обещали окно часа на четыре... Ваши напротив закорчились...

«Окно» – по-местному – просвет в облачности и ослабление ветра. Мы – полупрыжками из гостиницы на улицу, а там под брезент в кузов ГТС и помчались по самому краешку амдерминского берега.

Танкерным поименован почти голый тундровый мыс к западу от посёлка. Потому что

там, в акватории, полуприкрытой островом Местный, шлангуются танкера с авиационным керосином, и есть рейдовый моторный катерок, чтоб к судну подскочить.

И мы подскочили к борту «Мезеньлеса» в последний момент, уже на горбатых, злящихся волнах. Нам сбросили штормтрап, и мы, как перемахнули планширь, уже на палубе огляделись. Лёд сплошняком подступал к Местному...

За Югорским Шаром синоптикам не доверяют. За новоземельскими проливами погоду чаще не предсказывают, а ждут. Утром можно до нитки вымокнуть под обильной моросью, к полудню – обсохнуть и даже погреться на редком солнышке, к вечеру – продрогнуть на зябком ветру и лечь спать под влажный шелест снегопада.

Ночь коротали в проливе Морозова – снова пережидали. В 3.40 нам пообещали просвет и разреженный лёд на рейде Амдермы. Снова: «боцмана – на бак!», чтоб выбрать якорь. Первыми в нашей «зимующей компании» засуетились угольщик «Кондратий Булавин» и прижатый к его борту самоходный плашкоут «Ровдино», тоже посланец Архангельска. Они поспешно пристроились в кильватер за ледоколом и малыми ходами направились к порту. А мы уж за ними следом, чуть правее.

На трассе Севморпути бились суда: давили, кололи, резали лёд. За горизонтом переговаривались «Петрозаводск» и «Пётр Стрелков». В их диалог вторгались суда на подходах к Югорскому Шару – запрашивали ледовую обстановку в проливе. «Василий Прончищев» вёл наш караван и тоже делился информацией, деликатно напоминая нетерпеливых на трассе близ Карских Ворот, что сейчас он занят, но вот-вот освободится...

Подшли к Амдерме. Порт в тот ранний час уже готовился к работе. На связи начальник грузового участка Геннадий Васильевич Потанин беседовал с «Булавиным», выяснял, смогут ли моряки организовать выгрузку своими силами, сказал, что большинство плашкоутов направит к «Мезеньлесу»...

Наш капитан Игорь Гришин и старпом Николай Сазанов были на мостике, слышали разговор, удовлетворённо переглянулись. Едва ли пара минут прошла, как «Булавин» закрыл связь, Игорь Васильевич сам вызвал порт. Тот сразу отозвался. Поздоровались.

– Как с погодой?

– Прогноз плохой, – огорчил Потанин, – ветер северный... до 10 метров...

Мы поняли, что, скорее всего, выгрузки толком снова не будет, и опять придётся ждать «окна». Так и получилось: мы опустошали свои трюмы часов семь. Затем, будто из-под воды, всплыли льдины, нервно

задвигались и заполнили весь рейд. Мы спешно выбрали якоря и отошли подальше от каменистой банки.

Вечером сквозь мгlistую круговерть дождя и снега на связь вышел капитан-наставник Александр Васильевич Мизонов – диспетчер движения на нашем участке Карского моря. Самая правильная моряцкая выучка: деликатно осведомился, не нуждается ли судно в чём-либо, посочувствовал нам по поводу погоды, извинился, что не может порадовать благоприятным прогнозом на ближайшие сутки, пожелал экипажу «спокойной ночи», а штурманам «спокойной вахты»...

Мы легли в дрейф. Сумерки были жестоко исхлестаны снежными зарядами. В бинокль едва различили силуэт крупного теплохода: он подкрадывался к нам самым малым ходом...

– Я, «Сегежалес». Судно в трёх милях северо-восточнее Скалистого, ответьте...

– «Сегежалес», я – «Мезеньлес». Слушаем вас...

Знакомая пауза...

– Я, «Сегежалес»... Скажите, кто послал сюда «ваш самолёт»?

После объяснений и обмена штатной информацией:

– «Сегежалес», извините, у вас картошки нет? Каши поперёк горла – уж и не лезут...

– «Мезеньлес», сейчас посмотрим...

Мелко потрескивал эфир. Между теплоходами было чуть больше мили. Мы блуждали во льду уже вторую неделю, а они только что прибыли...

– «Мезеньлес», я «Сегежалес». Извините, картошки нет – вчера последнюю доели... Можем дать морковки, капусты, ещё рыбки...

С картошкой в августе на Севморпути прямо-таки – беда! И так сказать, беда общая. Один из первых вопросов к нам из диспетчерской порта, ещё на подходе к Амдерме:

– Картошку везёте?

– Нет, не везём...

– Жаль... С мая сидим без неё... Хоть стреляйся...

Не может русский человек без картошки.

– А вот если б не ввёз её в Россию Пётр I, что б тогда? – озадачился вслух старпом Сазанов.

Экипаж «Мезеньлеса» отправлялся в Амдерму с чемоданным настроением: сходим дней на десять, потом сразу же – в Архангельск, на вторую лесобиржу за балансом, и с ним – на юг, в Италию, в Салерно, к которому уже привыкли... А тут четырнадцатый день – всё то же Карское море, мутная полоска заветренного берега, слева – лёд, справа – лёд. В августе! И вот ещё драма – картошку съели...

Пронзительный ветер. На грузовой палубе – белым-бело! Снег шапками лёг на крышки

трюмов, лебёточные площадки, брезентовые чехлы шлюпок. По радио с материка пробилися «Маяк»: «На Украине и в Белоруссии 25-28 градусов тепла». В Амдерме тоже «плюс», но всего 2 градуса...

Ночной эфир был полон переключек. Сквозь треск и хрипы, а то и чисто, без помех, голоса невидимых кораблей залетали в ходовую рубку «Мезеньлеса». Карскими Воротами шёл в Дудинку «Мончегорск», следом – спешила к Новосибирским островам «Юта Бондаровская». Навстречу из Игарки везли экспортную доску сразу три лесовоза, от пролива Вилькицкого бежал домой, в Архангельск «Пионер Эстонии», чуть растерянно вскрикивал в туманах мыса Меншикова номерной бот, и сейчас уж не помню кто, но настойчиво, раз за разом вызывал шаланду «Арктика». Но молчала, не откликалась «Арктика»...

Не было погоды, не было и обнадеживающего прогноза. Однако без усталости работал, жил Севморпуть – торная русская дорога в Ледовитом океане. И жила Амдерма – её крайний западный пограничный форт.

Кажется, шли девятнадцатые сутки рейса. Снова сунулись на рейд, отработали двенадцать часов, и опять к нам под борт принесло лёд. Буксирчик с претенциозным именем «Богатырь», и четырёхсот сил у него не набиралось, протолкался к нам, снял с борта учётчицу груза, но чуть замешкался на обратном полупути. Его крепко стиснуло – округлый корпус буксирчика с креном выжало на льдину. Так и застрял в белом хаосе рейда тёмный силуэт «Богатыря». Тогда попросили по радио «Кондратия Булавина» подойти и потормозить лёд вокруг. На «Булавине» подумали – подумали и отказались – глубины маленькие, очень рискованно...

Затем диалог диспетчерской порта и «Богатыря»:

– «Богатырь»! Харч на борту есть?

– Есть малёхо...

– Говорят, на «Мезеньлесе» ящиком «Жигулёвского» разжились?

– Дали нам малёхо...

– «Булавину» к вам не подойти, сами, наверно, слышали...

– Слышали малёхо...

– Пиво у вас есть, дамское общество тоже (намёк на учётчицу). Зимуйте...

Прав Виктор Конецкий: «О пиво в Арктике! Какая это радость и удовольствие, какое духовное приобщение к цивилизации». Вскоре весть о ящике «Жигулёвского» взбаламутила половину Амдермы. Позже рассказывали, что несколько сезонников задумали добраться до буксира по льдинам, перебрасывая между ними пару досок. И ведь почти

сунулись! Отважных любителей пива урезонил диспетчер порта: на околице посёлка объявился медведь, шагал он по береговой черте и на рейде вполне мог составить компанию «Богатырю». С тем печально, но временно угасла затея испить «Жигулёвского»...

К утру зажало ещё и «Кондратия Булавина». Из лоции об амдерминском рейде: «При маневрировании следует помнить, что восточнее линии створа в 5 кабельтовых от берега находится частично осыхающий риф. При шторме и для укрытия от нажима льда рекомендуется уходить в пролив Морозова». На «Булавине» то ли зазевались, то ли капитан у них рискованный, но теплоход остался на рейде, а там его крепко стиснуло и понесло.

Вечером связались с «Булавиным»:

– Как дела?

– Плохо, – ответил «Булавин».

Им было и в самом деле скверно. От камней их отделяли чуть больше пары кабельтов.

– Ледокол на подходе...

Не очень убедительное, но всё же утешение.

– Да. Мы его видим локатором. За два часа он продвинулся на семь кабельтов.

Сказывалось сильное сжатие.

Упали сумерки. Различимый в послеполуденное время силуэт «Прончищева» растворился, и теперь ледокол время от времени напоминал о себе по каналу связи. Тревожная ночь текла вдоль лилового берега.

На «Мезеньлесе» переговоры слышали, и обстановку вполне представляли.

В начале первого часа с «Булавина» крикнули: остался кабельтов, по-сухопутному – 185 метров. В три ночи на угольщике никто не спал. Наш старпом начал вахту с вопроса: сколько? На «Булавине» уже считали метрами – пятьдесят-пятьдесят пять...

«Прончищев» пробивался к «Булавину» не напрямую, отыскивал в сплочённых льдах слабинку. Сначала попробовал зайти с севера. Ничего не вышло. Тогда продвинулся на две мили к западу и снова повернул к Амдерме. Результат тот же. Снова лёг на запад и придвинулся к нам так, что мы даже в сумерках разглядели его, затем опять повернул, и тут лёд ему поддался!

На нашем локаторе отметка ледокола по прямой смещалась к «Булавину». Миля, две, ещё! На «Мезеньлесе» тоже считали расстояние.

«Прончищев» был совсем у цели, когда снова напоролся на ледяную твердь. Несколько раз он попытался одолеть её с разбега. Без толку!

Лишь к половине восьмого утра Арктика сжалась: неожиданно сменился ветер. Вздыхнул юго-восток – льды отжало к северу, и ледоколу стало легче. Эфир наполнился отрывистыми фразами.

- «Прончищев», зайдёте справа?
- Нет. Справа тесно, рисковать не будем.
- «Прончищев», слева 20 – два айсберга. Возьмите ближе – там свободнее...

Через полчаса ледокол сумел протиснуться к «Булавину» почти вплотную, околот его, а тот, выжав всё из своей машины, влез в канал за ледоколом. Ещё час, и они ушли от опасного места. Шестнадцатый канал сразу повеселел. «Прончищев» пожелал всем всего наилучшего и лёг на север. На «Булавине» его поблагодарили, мысленно перекрестились и, быть может, зареклись на будущее. Любить Амдерму им было не за что...

Полегчало и «Богатырю», барахтаясь, тычась скулами в рыхлые глыбы, он медленно пополз к причалу.

- «Богатырь», ответьте порту!
- «Богатырь» на связи...
- Пиво осталось?
- Осталось малёхо...

7.

Когда «Мезеньлес» уходил от Бакарицы на Амдерму, в пароходстве ему пророчили рейс суток на восемь-десять. С природой те планы не согласовали. Грузовые стрелы на обратный путь мы завели только на двадцать пятый день. И всё из-за суетных штормов и льда. Сколько раз бросали и возобновляли выгрузку – сбились со счёта. Ночи белые хотя и угасали, но в тех широтах ещё походили на сумерки, и только непогодь, как предвестник жестоких времён, их мутила...

Последний день стоянки выдался столь же скверным – с ветром и злобной короткой волной. Мы подняли якоря, дали малый ход, для форсу коротко гуднули Амдерме... С небес в ответ загрохотало – это один из крылатых перехватчиков шёл домой. Серебристый самолёт мелькал в просветах низких рваных клочьев – то ли заходил на второй круг, то ли уже нацелился на полосу. Вспомнился старший лейтенант Володя: «Надёжен, взлетит и сядет в любую погоду, в обиду Родину не даст...». Верьте – не верьте, но каким-то одиноким, сиротливым показался тот самолёт... Возможно, ещё и оттого, что за сутки до нашего отхода вся авиационная Амдерма обсуждала последнюю новость из Архангельска: 12 августа в Талагах взлетали лейтенанты на одной из таких же «тушек-128». Уж разогнались, как вдруг сбросило крышку фонаря штурманской кабины – замки отчего-то не сработали. Штурман в крик! Командир «тормознул», а скорость уж набрали 250 километров в час! Перехватчик выкатился за полосу на 800 метров. Экипаж уцелел, самолёт нет...

Очертания Амдермы по корме быстро таяли, и кильватерный след наш тоже скоро размывался, а потом и весь далёкий берег стал неприметным для глаз.

То был самый конец августа 1982-го. По большому счёту никак не думалось, что погожего века Амдерме страна отпустит лет на шесть-семь – столько оставалось до горбачёвской перестройки и ельцинского разгуляя.

К роковой черте Амдерма двигалась стремительно. Первым пал её возрождавшийся было рудник – он якобы стал нерентабельным. Хотели взамен наладить местное производство щебёнки, но ничего не вышло – это тоже оказалось якобы нерентабельным занятием. Потом прикрыли и мерзлотную лабораторию, контору «Торгмортранса».

В 1993-м Амдерме вовсе переломили хребет – ликвидировали части ПВО: защищать северные рубежи России якобы не стало нужды. Истребителем, что стоял на постаменте у Дома офицеров, заинтересовались норвежцы из Будё – там у них база ВВС НАТО и музей авиации. Отдали норвежцам самолёт. Те в знак благодарности якобы прислали в Амдерму грузовой борт с тёплой зимней обувью. На всех жителей её хватало, да не вся Амдерма в ней ходила. Поговаривают, были те, кто отказался из «идейных соображений», мол, боевую честь на шмотки не меняем...

О бегстве людей языком статистики. В 80-е в посёлке проживало около 10 тысяч человек. В 1989-м перепись зарегистрировала уже 5,1 тысячи жителей, в 1998-м – 1,9 тысячи, в 2002-м – всего 650. Посёлок омертвел.

*Я пройду по улицам, по кривым и узеньким,
В лётную столовую с мороза заверну,
Отогреюсь медленно чаем цвета медного
И поближе сяду к белому окну.
Спят ромашки сонные в тундре замороженной,
И под снегом ждут они, чтоб стало вдруг тепло.
А мальчишкам хочется сбежать за морошкой,
Только рановато: время не пришло.
Дуют ветры зябкие с севера и с запада,
Хоть бы навигация, что ли, поскорей!
Море льдом заковано – тут свои законы ведь,
Сказка Заполярья длится много дней.
Амдерма, Амдерма! Вьюгами задымлена,
Вертолёт стрекочет где-то вдалеке.
Амдерма! Амдерма! Ты пятнышко родимое
У Карского моря на обветренной щеке.*

Очень трогательно эти строчки пелись, а по новой жизни получилось якобы нерентабельно.

г. СЕВЕРОВИНСК

Сергей ИГНАТЬЕВ

Екатерина ВОЛКОВА-КОВАЛЁВА

ЛЕДОКОЛУ «КРАСИН» 100 лет

1916 и 1917 годы — юбилейные в истории уникального музейного бренда Северной столицы: 100 лет назад было начато строительство ледокола «Красин» — ярчайшего явления в истории освоения Арктики, реликвии российского морского флота. О нём написаны статьи и книги, сняты документальные фильмы и передачи, ему посвящены научные исследования, он стал главным персонажем художественного кинофильма «Красная палатка», снятого в 1968 г. советскими и итальянскими кинематографистами.

Обернёмся назад и вспомним историю.

Инициатива создания ледоколов, как технического средства борьбы с морским и речным ледяным покровом, впервые зародилась в России. В 1864 году кронштадтский купец М.О. Бритнев срезал у парового буксира «Пайлот» носовую часть так, чтобы она могла набегать на ледяной покров и проламывать его своим весом. «Этот маленький пароход, — отмечал впоследствии адмирал С.О. Макаров, — сделал то, что казалось невозможным: он расширил время навигации (от Ленинграда до Кронштадта) осенью и зимой на несколько недель». После этого в России и за рубежом стали строиться небольшие ледоколы для обслуживания портов на замерзающих морях. С.О. Макаров предложил построить мощный ледокол для научных

исследований и поддержания навигации в морях Северного Ледовитого океана. Адмирал утверждал, что с ледоколом можно «пройти к Северному полюсу и составить карты Северного Ледовитого океана»; что «содержание большого ледокола на Ледовитом океане может иметь и стратегическое значение, дав возможность при нужде перекинуть флот в Тихий океан кратчайшим и безопаснейшим в военном отношении путём».

Благодаря энергии и настойчивости С.О. Макарова правительством России были ассигнованы средства на постройку пробного ледокола.

Строительство ледокола проходило под личным наблюдением Макарова, на заводе Армстронга в Ньюкастле

(Великобритания). Зимой 1898/1899 года ледокол, получивший название «Ермак», был спущен на воду и причислен к министерству финансов России.

«Ермак» фактически стал экспериментальным судном, на котором отрабатывались и конструкторские решения, и тактика плавания во льдах, и оборудование, и материалы. Каждая поломка, каждая пробоина, полученная «Ермаком» приносила учёным и конструкторам неоценимую информацию.

В годы Первой мировой войны значительно повысилась военно-стратегическая роль Архангельска как порта, имеющего выход к Мировому океану. Но Белое море почти шесть месяцев в году было сковано льдами, поэтому для продления

навигации требовались мощные ледоколы.

После того, как в декабре 1915 года Совет министров России утвердил программу «...по заказу и приобретению ледокольных и иных плавучих средств для подготовки Белого моря к компании 1916–1917 гг.», морское министерство заказало фирме Армстронга строительство ещё одного ледокола. По своим обводам и принципиальным конструктивным решениям новый ледокол, получивший имя «Святогор», повторял свой прототип – ледокол «Ермак», но был мощнее на 2,5 тыс. л.с., имел незначительно большие размеры, водоизмещение и осадку.

Рождение «Святогора» началось 3 февраля 1916 года, когда был заложен первый лист киля. 19 октября 1916 года в Лондон прибыл первый экипаж ледокола во главе со старшим лейтенантом К.К. Неупокоевым – опытным полярным мореплавателем, участником Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. 31 марта 1917 года ледокол впервые поднял Андреевский флаг.

В середине апреля 1917 года в Лондон прибыл контр-адмирал А.К. Цвингман, ранее командовавший «Ермаком», с предписанием привести «Святогор» в Архангельск. 26 мая 1917 года под командой А.К. Цвингмана «Святогор» благополучно прибыл в Архангельск и в оперативном отношении подчинялся командующему Флотилией Северного Ледовитого океана.

По прибытию в Архангельск «Святогор» сразу был использован для обеспечения проводки английских судов с военными грузами в Архангельск. Но военная служба «Святогора» продолжалась недолго.

1 августа 1918 года «Святогор» был затоплен на фар-

ватере реки Северная Двина с целью преградить путь английским интервентам к Архангельску. Судно затопили неудачно, и вскоре англичане его подняли.

До 1921 года ледокол ходил под английским флагом. В августе 1921 года при личном участии первого народного комиссара внешней торговли Л.Б. Красина судно было выкуплено у Англии. В 1927 году, после смерти Л.Б. Красина, судно стало носить имя наркома.

Благодаря наличию мощных ледоколов «Ермак» и «Красин» в начале 20 века Россия имела приоритет в освоении Северного Ледовитого океана, а «Красин» считался самым мощным арктическим ледоколом в мире на протяжении нескольких десятилетий.

Всемирную известность принесла ледоколу «Красин» арктическая операция по спасению участников воздушной полярной экспедиции итальянского дирижаблестроителя генерала Умберто Нобиле.

В мае 1928 года Нобиле возглавил экспедицию на дирижабле «Италия» к Северному полюсу. Успешно достигнув цели, путешественники сбросили на полярный лёд итальянский флаг и деревянный крест. На обратном пути 25 мая дирижабль потерпел катастрофу

и передал сигнал бедствия. 25 июня шведский пилот Лундберг снял с дрейфующей льдины в районе Земли Франца Иосифа получившего травмы генерала У. Нобиле. «Красин», единственный из множества судов, спешивших на помощь экспедиции, сумел пробиться к льдине и спас оставшихся в живых аэронавтов.

На обратном пути «Красину» пришлось спасать немецкий круизный лайнер «Монте Сервантес», наскочивший на айсберг. Могла бы произойти катастрофа, равная по масштабам гибели «Титаника» – на борту лайнера находилось 1855 пассажиров, спешивших в Арктику, чтобы посмотреть на знаменитый ледокол. Экипаж «Красина» помог устранить пробойны в корпусе «Монте Сервантеса» и провёл лайнер в порт Норвегии. 5 октября 1928 года «Красин» вернулся в Ленинград, где его восторженно встречали более 200 тысяч человек.

За спасение участников экспедиции Нобиле «Красин», первым из судов торгового морского флота, был награждён орденом «Трудового Красного Знамени».

В 1929 году ледокол «Красин» успешно провёл через льды Карского моря караван из 28 судов, направленных из Европы в устье Оби и Енисея.

Встреча «Красина» после спасения генерала Нобиле

В 1932 году судно освобождено из ледового плена теплоход «Ленин», на борту которого находилось 120 человек. За годы своей работы «Красин» побывал в районах крайнего Севера, куда ранее не заходили корабли в свободном плавании. В 1933 году оказывалась всяческая помощь работающим на Новой Земле промысловикам. Им доставлялись грузы, в том числе продовольствие и медикаменты, оказывалась медицинская помощь и забирались тяжелобольные. Судно дошло до мыса Желания и Русской Гавани, Крестовой Губы, проводило караван судов к берегам Тикси и в бухту Нордвик, где шла добыча нефти.

В навигацию 1935 года «Красин» обеспечил сквозную проводку по трассе Северного морского пути 13 судов-снабженцев.

Благодаря морским походам «Красина» в конце 20-х – первой половине 30-х годов XX века было доказано, что в Арктике не существуют два таинственных географических объекта, на достижение которых были направлены многие экспедиции – Земли Джиллеса и Земли Андреева.

Во время Великой Отечест-

венной войны ледокол «Красин» стал военным кораблём и участвовал в проведении северных морских конвоев от берегов Великобритании и Исландии в Мурманск и Архангельск.

Героически проявили себя моряки «Красина» во время конвоя PQ-15, когда в караван было включено 26 транспортов, следовавших из Рейкьявика в Мурманск. «Красин» отбивал непрерывные атаки немецких самолётов и прикрывал следующий за ним плохо вооружённое ледокольное судно «Монткальм». К сожалению, до Мурманска дошли только 22 судна из каравана.

Какое важное значение имели морские конвои, говорит тот факт, что Гитлер обещал наградить высшей наградой Германии – железным крестом того, кто потопит или выведет из строя этот ледокол.

«Красин» – единственное сохранившееся в России судно из числа участников полярных конвоев в годы Второй мировой войны.

Затем последовала будничная, но опасная работа в охваченной войной Арктике. В 1942 году «Красин» участвовал в конвое десяти судов с грузом леса и руды, следующих Северным морским

путём из Архангельска на Дальний Восток и Чукотку. За одним из караванов, ведомых «Красиным», охотился немецкий линкор «Адмирал Шеер». Во время атаки линкора «Красин» увёл караван во льды северных широт и, тем самым, спас их.

Более 300 моряков из экипажа ледокола «Красин» за мужество и отвагу, проявленные в годы войны, были награждены правительственными наградами.

После войны ледокол продолжал трудиться в Арктике.

В 1950-х годах «Красин» прошёл капитальный ремонт и модернизацию на верфях ГДР. Его облик изменился, он стал похожим на своих внуков – дизель-электрические ледоколы послевоенной постройки.

В роли ледокола «Красин» работал до 1972 года, а затем был передан в ПГО «Севморгеология» и продолжал трудиться уже как энергоплавбаза арктических экспедиций по разведке нефти министерства геологии на островах Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа.

За кормой первых Российских арктических ледоколов «Ермак» и «Красин» было всё: и ледяные поля, и огненные рейсы войны, и океанские штормы... Ледоколы-спасатели, ледоколы-воители, ледоколы-труженики, ледоколы-исследователи – сколько славных страниц в их послужных списках. Но не зря говорят: самое сложное – это достойно прожить старость.

Из-за типично русского «что имеем, не храним» ледокол «Ермак», не смотря на попытки морской и географической общественности сохранить его как памятник-музей, в 1963 году был списан и отправлен на слом.

Такая же печальная участь грозила и «Красину». В начале 90-х годов очередной владелец «Красина» –

СП «Техимпекс» предприняло попытку продажи ледокола в США в металлолом. Но экипаж «Красина» инициировал борьбу за продолжение жизни своего судна.

Бывший капитан «Красина», ныне уже покойный, Лев Буряк, рассказывал: *«Сколько трудов стоило отстоять ледокол от всех попыток отправить его на разделку! Когда в Кронштадте он попал в лихие руки, нашему экипажу вместе с питерскими омовцами пришлось в прямом смысле слова брать родное судно на бордаж и уводить его в Питер. За это меня подкараулили в подъезде дома и попытались убить. История в духе пиратских романов! Но после травмы черепа я выжил и снова вступил на «тропу войны» (Л.Ю. Буряку во время покушения было 74 года).*

«К борьбе за «Красин», – продолжил рассказ нынешний директор ледокола-музея, капитан 1 ранга в отставке Александр Петров, – подключились Русское географическое общество во главе с С.Б. Лавровым, Министерство культуры РФ, журналисты, морская и географическая общественность. При РГО даже был создан специальный «Комитет по спасению «Красина»

В этой «битве титанов» красинцы победили: 20 февраля 1992 года Правительство РФ выдало ледоколу «Красин» охранное свидетельство как памятнику истории государственного значения, а 16 мая ледокол-музей «Красин» зарегистрирован во Всероссийском реестре музеев.

В 1995 году на «Красине», живом учебнике истории освоения Арктики, открылась первая музейная экспозиция. Подлинные корабельные артефакты и музейные экспонаты, органично вписанные в выставочное пространство, дают возможность посетителям ледокола-

музея вживую прикоснуться к истории освоения Северного морского пути и почувствовать настоящую романтику полярных исследований.

Ежегодный приток посетителей ледокола-музея превышает 50000 человек. Отличный подарок, воплощённый в металле, в мачтах, в якорях, получили мальчишки, мечтающие о походах «за грань морского окоёма!» Приходи, избегай по трапам, крути настоящий штурвал, дёргай ручки настоящего машинного телеграфа, словом, постигай морское дело! Именно им будущим морякам России XXI нужен этот легендарный ледокол в первый черёд.

10 февраля 2004 года было принято решение о передаче ледокола «Красин» на баланс Музея Мирового океана Министерства культуры РФ, который обладает опытом сохранения исторических судов. Сейчас музей «Ледокол «Красин» ошвартован на набережной Лейтенанта Шмидта в Санкт-Петербурге, на борту ледокола, как и прежде, трудится экипаж и научные сотрудники. В одной из кают расположена штаб-квартира ассоциации «Морское наследие».

Готовясь к юбилейному для «Красина» году, – вступает в разговор заместитель директора ледокола-музея по научной работе Павел Филин, – мы не теряли времени даром. С самых первых дней работы «Красина» в качестве музея началось создание его фотофонда. Научным персоналом музея было собрано множество фотографий, без которых мы не смогли бы так полно представить историю ледокола.

В марте 2016 года в издательстве «Паулсен» (Москва) вышел в свет фотоальбом «Ледокол «Красин». История в фотографиях». Авторы-составители М.А. Емелина, М.А. Савинов, П.А. Филин; ред. М.А. Емелина, научн.

ред. Н.А. Кузнецов. Жизнь «Красина» запечатлена в сотнях фотографий, на которых капитаны и рядовые члены экипажа, учёные и лётчики, воздушные машины которых базировались на судне, походы и экспедиции, исследования и повседневные работы, праздники и будни, встречи и расставания, ледовые моря и арктические пейзажи, дальние берега и родные

Заместитель директора ледокола-музея «Красин» по научной работе Павел Филин

гавани. Фотоальбом, посвящённый «Красину» – это подарок всем, кто был связан с ним, всем, кто интересуется морской историей, историей изучения и освоения Арктики, историей нашей страны.

Научные работники «Красина» занимаются не только историческим прошлым. В 2014 году сотрудниками ледокола была предложена идея организации в Санкт-Петербурге ежегодного праздника, посвящённого 150-летию ледокольного флота России, с парадом ледоколов, приписанных к порту «Санкт-Петербург» и возможностью открытого доступа на их палубы.

Проведённый впервые летом 2014 года Фестиваль ледоколов мгновенно набрал популярность у жителей Северной столицы и стал лауреатом конкурса EventPro как самое массовое мероприятие в Санкт-Петербурге.

Весной 2015 г Фестиваль ледоколов – новая морская традиция Санкт-Петербурга,

Директор ледокола-музея «Красин» Петров Александр Валентинович, капитан 1 ранга в отставке

был приурочен к семидесятому юбилею Победы и подвигу моряков Полярных конвоев.

В нынешнем году Фестиваль, прошедший 2 и 3 мая в соответствии с планом работы Морского коллегия при правительстве РФ и Морского Совета при правительстве Санкт-Петербурга, стал ещё более грандиозным зрелищным событием для петербуржцев. Кроме парада ледоколов в акватории Невы, гостей Фестиваля ждала не только интересная, но и очень познавательная программа на суше. На набережной Лейтенанта Шмидта были развёрнуты выставки и шатры с интерактивными экспозициями и презентациями от профильных музеев и организаций, военно-морских ВУЗов и арктических регионов. В специальном лектории гости Фестиваля общались с интересными людьми, чья профессия связана с ледоколами и Арктикой. Вызывали восторг гостей настоящий ненецкий чум, собаки хаски, конкурсы и квест-программы, открытый кинотеатр, в котором показывали фильмы о ледоколах, арктических экспедициях и

Слева от представителя прессы - Герой Советского Союза - Валентин Родченко, капитан дальнего плавания, командовавший "НИС "Михаил Сомов" в период ледового плена; справа – артист Андрей Фёдоров, исполнитель роли Родченко в к/ф «Ледокол»

Поёт Алина Сидорова

их героях. Под аплодисменты были встречены киноактёры Пётр Фёдоров, Александр Паль и режиссёр Николай Хомерики, презентовавшие одну из самых ожидаемых отечественных кинопремьер года – фильм «Ледокол». Сюжет фильма основан на реальных событиях, произошедших в 1985 году с научно-исследовательским судном «Михаил Сомов», который оказался зажатый льдами по пути в Антарктиду и провёл в вынужденном дрейфе 133 дня. Почётным гостем Фестиваля был Герой Советского Союза, капитан дальнего плавания Валентин Родченко, командовавший НИС «Михаил Сомов» в период его ледового плена.

На главной сцене Фестиваля гостей праздника ждала насыщенная концертная программа. Примечательно, что ни один артист, ни один творческий коллектив не требовал у администрации Фестиваля гонораров за свои выступления: пели, танцевали из уважения к ледокольному флоту своей Родины.

Звездой праздничного концерта была всеобщая признанная 12-летняя петербурженка Алина Сидорова. Казалось, после исполненной ею песни «Тучи в голубом» (композитор А.Журбин, текст В.Аксёнова и П.Синявского) аплодисментам не было конца. А когда юная певица предложила гостям «размяться» под её «Эй, моряк (Нам бы...)» из к/ф «Человек-амфибия» (музыка А.Петрова, слова С.Фогельсона), то даже самые почтенные «дядечки» в морской форме с орденами на груди, казалось, забыли свой возраст и пустились в

пляс! Словом, прекрасный концерт подарил петербуржцам его устроитель – Союз социально-культурного и гражданского развития общества «Преображение».

Третий Фестиваль ледоколов завершился фееричным танцем буксиров в акватории Большой Невы и зрелищным

отходом ледоколов «Санкт-Петербург», «Мудьюг». «Иван Крузенштерн», «Капитан Сорокин» от причалов.

Мы стояли вместе с Александром Петровым. Лицо военмора и директора ледокола-музея «Красин», было счастливым.

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К БЕЗДНЕ

Александр ЛАТКИН

В России 40 коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее: МН) – 244 тысячи человек. Цифра стабильная, несмотря на отрицательную демографическую ситуацию.

Из сорока народов у двадцати четырёх (!) откровенное снижение численности (реальный признак вымирания). Данные опубликованы в 2013 году.

Увы, это ЛЮДИ, а не леопарды...

Крупные этносы (эвенки, эвены, чукчи, ханты, ненцы, манси) как будто благополучны. Есть прирост – от 0,9% (чукчи) до 8,1% (ненцы). Но это жестокий обман. На самом деле народы подвержены вымиранию, неукоснительно двигаясь к БЕЗДНЕ НЕБЫТИЯ, при средней продолжительности жизни 35–49 лет.

Духовное состояние народов ШОКОВОЕ, как определяют даже угодливые властям специалисты. Это напрямую связано с промышленным освоением Севера и Сибири (началось в 80-е годы), с явлением «варварского» загрязнения СРЕДЫ ОБИТАНИЯ. Или, что гораздо точнее, уничтожения смысла жизни малочисленных народов, что, по выводам антропологов, ввергло последних в непреодолимый КРИЗИС существования.

***

Численность этносов «растёт», невзирая на репродуктивную объективность. Если (одна из причин роста) говорить об

эвенках, то увеличение происходит благодаря незаконным льготам. Они мизерны, развращающи и оскорбительны: при нищенской жизни северян (всех национальностей) – очень привлекательны. Поэтому случился приток обрусевших взрослых, которые не помнят даже названий родов далёких предков. Идут в Суд и доказывают принадлежность к эвенкийскому этносу. Более десяти раз приходилось «поднимать» архивы – свидетельствовать, что у того или иного бабушка была эвенкийкой (часто одна и та же персона у нескольких претендентов). Внук становится эвенком по решению Суда. А его потомки, дети и внуки, автоматически – полноценными этническими эвенками. Список пополняется сразу на несколько человек. Бывало, что и на двадцать.

Основное «пополнение» дают смешанные семьи. Достаточно

большое число усыновлённых и удочерённых детей становятся эвенками.

Попутно замечу: серьёзный прирост общего числа МН дало фантастическое разрастание этноса сойотов – по 850 человек в год.

Что касается льгот, провоцирующих разъединение по национальному признаку, то неправильно это и незаконно. Пользуются ими единицы и проходимцы. Все мы, и русские, и эвенки, и буряты, и татары – уже сотни лет живём «бок о бок», давно уже породнились. И все мы равноправные граждане великой страны.

***

А могут ли настоящие эвенки вести традиционный образ жизни, с учётом современных реалий? 99% не в состоянии, их подвела к этому иждивенческая

политика государства, организовывать дело, даже мельчайшее. Нужен координационный производственный Центр (опыт и программа есть), на ценнейшем знании действий семейно-родовых общин 19 века, как, например, община Куроткана на Баргузине или Тураки на Лене.

После создания «национального дела», с охватом всего населения, следуют проблемы национальных культур, материальной и духовной. В Китае, где эвенки наделены исключительными рычагами государственности и представительности в органах высшей власти КНР, 97% эвенков свободно говорят на родном языке. Сравните: в Бурятии из 2974 эвенков языком владеют 180 человек, а в Забайкальском крае всего 69 из 1387 душ. В целом, из 38 396 эвенков язык (цифра завышена, поскольку выявлена методологией опроса: знаете или не знаете?) знают 4310 человек. Большинство из них со скудным словарным запасом. По мнению ЮНЕСКО, «эвенкийский язык под угрозой исчезновения». Положение с языком начало стремительно ухудшаться после упразднения центра национальной культуры – автономного эвенкийского округа в Красноярском крае.

Проблем много. Но говорить о них (говорильня «трещит» несколько десятилетий) нет смысла без решения первой, экономической (предмет государственной политики). Без твёрдого экономического базиса проблемы действительно не могут быть решены, как не могут процветать деревья без корневой системы.

***

Сейчас попытаются решать какие-то проблемы – очередные мероприятия (признак иждивенческой политики): свырнули подачку «на драку», провели громогласное действие и успокоились до очередной показухи. Чиновники спрашивают: а что вы хотите, что нам сделать,

чтобы вам было хорошо... О! Конечно, попросят! Потребуют многое, не ведая, что это ещё быстрее придвинет их народ к Бездне.

А такие политики, не знающие что делать, вредны и ничтожны, потому что лицемерят.

Неразрешимая проблема лежит в другой плоскости. Малочисленные народы ввергнуты в атмосферу уничтожения среды обитания. Вот где проявляется национальная особенность (менталитет) МН: они, в отличие от других национальностей, не смогли и никогда не смогут включиться в систему доминирующей культуры рваческой Цивилизации временщиков. Здесь, здесь лежит архиважная проблема сосуществования двух Цивилизаций: Природы и Человека. И отсюда все беды Бытия народов, попавших в смертельную ловушку сырьевого монстра, энергично уничтожающего среду обитания вопреки Конституции РФ, гарантирующей её сохранение. И нет силы, способной остановить трагедию. Никто из властителей не озадачен экологической целесообразностью, чрезвычайно необходимой уже всем гражданам России. Китайцы пришли к пониманию лесной мудрости в начале девяностых. В 2017 году, например, в Китае будет полностью запрещена коммерческая вырубка лесов и будет завершена Программа «Сохранение лесов». Хотя у нас есть положительный пример, чему удивлён. Известный политик и государственный деятель, пишу это с удовольствием, губернатор ХМАО Комарова Наталья Владимировна решительно встала на защиту прав хантов, оборонив их от нефтяников.

***

Сколько заявляли (скоро как сорок лет!) о насущных проблемах! А сколько слышали намерений решить их! Всё, абсолютно всё – пустая болтовня. Иждивенческий стиль (принято говорит безграмотно

политически: «межнациональных») отношений государства и народов, ничто иное как ложь, лицемерие, бесконечные финансовые игры меж ветвями власти (по административной вертикали). А проблемы не решаются, наполняются новым содержанием отрицательных оттенков. Деньги, поступающие на «поддержку», либо вообще не доходят до эвенков (и других), затрачиваются на мероприятия, либо частично, что доходит до низов, распределяются между несколькими предпринимателями. А основная масса эвенков, будучи не в состоянии принять новые реалии, влечат жалкое существование. И моральное, и физическое. О своём народе вовсе не думают, выжить бы самим. Поэтому и стремятся хоть что-то выпросить, поскольку живут не «до века, а до вечера».

Если что-то и может измениться к лучшему, то только через радикальные меры, с новыми «мозгами» и духовным благородством. Для сего чрезвычайно необходим иной стиль, другая философия и, конечно, методология, как государственной деятельности по МН, так и взаимоотношений северян на равноправной основе.

В результате должна остаться единственная привилегия: труд, достойная жизнь, семья.

***

Сей стиль – стиль благоразумия.

Чтобы «не растекаться по дереву», остановлюсь на одном примере из доброго десятка вечных проблем. Наиболее важной. **Рацион питания!** Он сложился за тысячелетия. Нарушение его – по сути, истязание души и тела. Люди становятся анемичными, вялыми, не уравновешенными, морально угнетёнными... Это касается всех этносов. Например, монгольские студенты, вынужденные питаться нашей «кухней», первые месяцы болеют, пока не создают возможность использовать

родной рацион... Верхнеангарские жители: эвенки, русские, цыгане, украинцы, немцы, татары – сотни лет выживают омулем, идущим на нерест осенью. Конечно, чиновничество как будто противозаконно разрешает только эвенкам ловить «сплавного», скатывающегося с верховьев после нереста. Но не один эвенк из этих нескольких тонн не видел ни рыбки. Как всегда, кто-то ловко наживается за счёт эвенков, большинство которых даже не знает, что такая льгота есть. Также всё не понятно с деньгами, выделяемыми государством на поддержку. Например, в селе Кумора Северобайкальского района Бурятии до недавнего времени рядовые эвенки понятия не имели, что такие деньги даются на развитие. Как раз случился в Куморе районный администратор **Пухарев И.В.** Я его прямо спросил: «Выделялись ли деньги на куморских эвенков?» Ответ: нет! Спрашиваю: «Почему деньги, выделяемые на фольклорный ансамбль из Старого Уояна, уже шесть лет используются не по назначению (отв. чиновник **Карпушина**)? Сделал вид, что не расслышал вопроса...

При таком критическом положении неуклонного скатывания в Бездну в столице республики в последние годы проведено 50 дорогостоящих мероприятий (отв. чиновник **М.Харитонов**). Я сам лично столкнулся с бессовестной, тупой машиной чиновничества республики, в частности, и с чиновником Харитоновым. Целый год, отложив дела, я работал над книгой «Эвенки» **А.С. Шубина**, восстанавливая по памяти рассказы учёного. Книга вышла. Её вручают как ценный подарок на конференциях и прочих мероприятиях. А мне не только не заплатили, но и пришлось выпрашивать у Харитонова несколько экземпляров книги, пережив оскорбительно хамский вопрос: «А ты какое отношение имеешь к этой книге?!».

Такие несменяемые чиновники вершат национальную политику на местах.

***

Не так давно как бы нелегально «разрешалось» половить омуля некоторое время, обеспечить семьи традиционным питанием на зиму. Сейчас же охранники захватывают, как правило, самых безобидных местных жителей, обременяют нищих большими штрафами за 10–15 рыбин. Где здесь справедливость и благоразумие? Рыбу, с невероятными трудностями, часто с гибелью людей, тайно пробираясь к реке, всё равно добывают! И будут добывать – не помирать же с голоду! Посмотрел бы я на Дмитрия Анатольевича, если бы его ограничили хлебом и персиками, да ещё бы и оштрафовали за похищенную корочку! Так нельзя ли поступить разумно?! Разрешить организованную добычу по сто рыбин на человека из числа коренных жителей (эвенков, русских и др.), под надзором рыбоохраны, в определённом месте. При этом закрыть доступ к реке контролем на трёх-четырёх дорогах, ввести временную пропускную систему для автотранспорта. Такое отношение, во-первых, в корне изменит общественный климат в охране нерестового хода (местные жители сами, как прежде, будут способствовать надзору). Во-вторых, позволит закрыть наиважнейшую часть проблемы национального питания сельчан Холодной, Куморы, Уояна и др. Очень важно, если бы эта мечта сбылась, не допустить деления местных жителей по национальному признаку.

Для решения «проблемы рациона» была разработана подробная программа, отвергнутая чиновничеством: «А нам от этого что?!»

***

Когда вы слышите фантастическое: «Назад! Надо вернуться

к истокам!» «Все в тайгу! Вести традиционный образ жизни!», знайте – это дурость! Понимая под «образом» надуманную теорию, что эвенки должны кочевать, охотиться и заниматься собирательством, восклидающие малообразованны, без современного понимания смысла значения «традиционный образ».

Нельзя и невозможно сохранять «застывший в сознании добрототов кабинетных», веками выработанный в экстремальных условиях образ жизни малочисленных народов. И не надо! Он всегда развивался, совершенствовался, начиная с одежды и обуви, вооружения, бытовых предметов и так... до сорока направлений, не противоречащих исконному бытию. Есть прекрасные направления развития традиционной жизни в условиях современности, на основе разработанных программ (без «деньги дай!»), приносящих пользу отечеству. Именно сей благоразумный вектор движения прочь от Бездны зависит от мудрости государства.

И решительно подчёркиваю: весь сонм остальных проблем МН должны и могут решить только сами народы.

Правителями России (**Путин, Медведев**) сделан первый шаг к выполнению основной задачи – «остановить движение к Бездне вымирания» – путём воплощения прав на социально-экономическое развитие. Сейчас, в базисной основе экономики МН, в оленеводстве заняты 7% от числа всех малочисленных народов. А дальше?! Ведь время безжалостно. Надо делать следующие шаги, расширяя благоразумно начатое (в зависимости от региона проживания) задействованием северян, как из числа МН (первоочередное), так и других национальностей. При этом, согласно проектам, затраты государства не увеличатся, если суметь «отодрать от денежного ручейка» чиновничество.

с. УОЯН,
Республика Бурятия

Вячеслав ОГРЫЗКО

РЫЦАРЬ ЗОЛОТОГО РУНА: ВАСИЛИЙ АЖАЕВ

В постсоветское время Василия Ажаева историки литературы в основном ругали. Ему припоминали искажение в романе «Далеко от Москвы» действительности (по книге получалось, что нефтепровод на Дальнем Востоке прокладывали не зэки, а романтики). Его ругали за плохой вкус. А ведь он был человеком далеко не простым. Не знавший компромиссов, Давид Самойлов в конце 1948 года записал в своём дневнике, который для печати не предназначался: «Знакомство с Василием Ажаевым, о романе которого говорят, как о лауреатском. Это скромный низкорослый человек, со светлыми волосами, лет тридцати пяти на вид. Одно веко всегда опущено, что придаёт ему выражение полусонное. Умён. Приятен. Прост». И чьим оценкам верить?

Василий Николаевич Ажаев родился, если верить многочисленным энциклопедиям, 30 января (по новому стилю 12 февраля) 1915 года в подмосковном городе Соцкое в семье мастерового скорняка. Но в разных документах указаны другие даты. Так, при поступлении в 1934 году в Литературный университет Ажаев, заполняя анкету (она сохранилась в РГАНИ), написал, что год его рождения – 1913-й. В автобиографии образца 12 декабря 1938

года он утверждал, что «родился в декабре 1913 года под Москвой (дер. Сотское) седьмым ребёнком в семье рабочего». А в удостоверении, которое ему 6 июня 1929 года выдал Московский губернский отдел народного образования, отмечено, что он родился 12 января 1914 года. Где правда, чему верить – непонятно.

Уже 10 марта 1947 года Ажаев писал в своей автобиографии: «До 1929 года учился в Москве в средней школе с химическим

Кадры из фильма «Далеко от Москвы»

специальным уклоном. С конца 1929 года стал работать на химическом заводе № 2 Вохимфарм Наркомтяжпрома рабочим на основном производстве. Затем был выдвинут коллективом на должность заведующего бюро изобретательства и рационализации; там же работал химиком-технологом и начальником цеха <...> В начале 1934 года перешёл на Московский газовый завод».

Летом 1934 года Ажаев подал заявление о приёме в Литинститут. Он писал: «Прошу Комиссию [по приёму в Литуниверситет при оргкомитете Союза СП. – В.О.] принять меня в число слушателей вечернего университета на отделение прозаиков. При сём, помимо документов, необходимых для поступления в ВУЗ, прилагаю следующее:

1. Рекомендацию литобъединения журнала «Смена».
2. Рекомендацию завода.
3. Характеристику Павлово-Посадского оргкомитета ССП.
4. Справку о моих изобретательных работах.
5. Рукописи произведений, как то:
  - a) «Пять лет жизни» – рассказ – выходит в 7-м номере «Смены»;
  - b) «Чужая биография» – рассказ – принят «Сменой»;
  - c) «Натиск» – рассказ – («Молодая гвардия»);
  - d) «Аспирин» – рассказ и старые стихи.

Из своих работ обращаю внимание комиссии на следующее:

1. «Тараканы» – повесть – («Красная новь»).
2. Молодёжная лирическая кинокомедия – «Решение тр-«ка» – находится сейчас на рассмотрении в Межработфильме.

3. «Не урони обиды» – рассказ – («Огонёк»).
4. «Неправильный диагноз» – рассказ – («Прожектор»).
5. «Рассказ про аптеку», «Змеиная шкурка», «Измерение силы», «Солнечная система».

Все поименованные произведения по требованию комиссии немедленно будут предоставлены».

Но ни на Московском газовом заводе, ни в Литинституте Ажаев долго не пробыл. В январе 1935 года его по статье 58-10 осудили на четыре года и направили в Бамлаг. «Очувтившись в нездоровой обстановке, созданной (как я потом понял) врагами народа, – писал он в автобиографии, датированной 12 декабря 1938 года, – ослеплённый первыми творческими успехами, не умея ещё разбираться в людях и ценить заботу своей страны и коллектива, допустил ошибки, за которые в январе 1935 года пролетарским правосудием был осуждён на 4 года и послан в исправительно-трудовые лагеря НКВД. На строительстве БАМа НКВД, куда прибыл в марте 1935 года, меня направили в культурно-воспитательный отдел и поставили на газетную и литературную работу; в газете я вёл литературный и массовый отделы и одновременно был зав. редакцией литературно-художественного журнала и др. изданий строительства. На гражданской стройке в работе под руководством и наблюдением чекистов я глубоко осознал свой долг, свои священные обязанности перед родиной, классом и партией, понял глубже жизнь, научился разбираться в людях, осознал, что только преданность родине, честная настойчивая работа и повседневная помощь старшим товарищам в их борьбе со всяческими врагами народа, – вернут меня полноценным членом в коллектив».

Начальство оценило «ударно-стахановскую работу» Ажаева и на два года раньше

срока, в марте 1937 года, его освободило. Но возвращаться в Москву вчерашний враг народа не стал. Он согласился продолжить работу в городе Свободный в желдорстройуправлении ГУЛАГа НКВД на Дальнем Востоке в качестве вольнонаёмного сотрудника.

Позже, 25 марта 1953 года Ажаев в очередной своей автобиографии отметил: «Последующие девять лет, с марта 1937-го по апрель 1946-го года, без перерыва я работал в системе МВД (НКВД) на крупных стройках Дальнего Востока, преимущественно в аппарате Управления. Сначала работал в должности инспектора при Главном инженере, потом по решению Командования и Политотдела строительства был выдвинут на должность начальника Центрального бюро изобретательства и рационализации Управления. По мере накопления опыта и при переводах с одной стройки на другую работал в должностях начальника инспекции при начальнике строительства, заместителя начальника контрольно-планового отдела и начальника отдела специальных промышленных предприятий Управления. Последние три года, с мая 1943-го по апрель 1946 г., работал начальником контрольной инспекции при начальнике Управления стройками и лагерями НКВД–МВД СССР по Хабаровскому краю».

Ещё в 1938 году Ажаев попробовал восстановиться в Литинституте. Но не всё оказалось так просто. В январе 1939 года ему ответил заведующий заочным отделением Дмитрий Ерёмин. «Присланные вами документы и образцы творчества, – отметил Ерёмин, – вполне удовлетворяют тем требованиям, которые мы предъявляем к поступающим в Литинститут. Но – приём в Институт давно уже закончен. Подводятся итоги первой половины учебного года. Все программы давно разосланы. Недалеко уже время созыва очной сессии». Поэтому Ерёмин предложил Ажаеву подождать с приёмом до осени 1939 года.

Позже Ажаев прислал в Литинститут повесть об орочах и рассказ «Разлука». Но преподаватели оказались не в восторге. Леонид Тимофеев в своём отзыве отметил схематичность прозы студента-дальневосточника. «Тов. Ажаев уже обладает известной культурой слова, – отметил он. – Ему нужна культура воображения, ему надо больше жить жизнью своих героев. Тогда они будут интереснее, потеряют свою силуэтность».

Осенью 1940 года Ажаеву удалось вырваться на сессию в Москву. В Литинституте к нему сочувственно отнёсся Гавриил Сергеевич Федосеев. Поддержало молодого писателя и его непосредственное начальство. «Я, – сообщил Ажаев в ноябре 1940 года Фе-

досееву, – прибыл на новое место работы и жизни: в Комсомольск. В Управлении строительством приняли меня очень хорошо и сразу же предложили вступить в исполнение обязанностей, т.к. назначение уже имелось – по производственной линии (примерно в прежних рамках). Однако мне хотелось изменить своё положение в сторону создания хотя бы минимальных условий для учёбы и творчества, поэтому я пошёл к начальнику строительства – просить его дать мне такую должность, которая разрешала бы сочетание интересов лагеря-строительства и моих (в части литературно-учебной). Начальник внимательно, серьёзно принял моё заявление и назначил меня начальником инспекции при себе с полной самостоятельностью во времени и действиях».

Проблема оказалась в другом – в отсутствии учебников. «Но, – вопрошал Ажаев, – как заниматься без книг по западно-европейской литературе? Или по русской литературе восемнадцатого века? Поверите, здесь не нашлось даже хрестоматии Гуковского! Я всех здесь [в Комсомольско-на-Амуре. – В.О.] изнасиловал с просьбами помочь мне книгами, но толку мало, ибо Дидро и Вольтер не стали ещё настольными книгами моих товарищей по работе (а по правде сказать – у них и вообще-то не бывает на столе книг)».

Вернувшись с сессии, Ажаев по совету Федосеева сдал в Хабаровске в Дальгиз рукопись сборника рассказов. Одновременно он занялся сбором и литературной обработкой сказаний орочей и эвенов.

В начале 1941 года Ажаев закончил работу над киноповестью «Нани». Рукопись он предложил Детгизу. Но в издательстве она никого не заинтересовала. Б.Камир во внутренней рецензии отметил:

«Сюжет повести весьма незамысловатый. В ней сделана попытка рассказать о том, как юноша Нани из племени орочок, из забитого полудикого человека становится сперва другом и помощником красных партизан, затем – рабочим, стахановцем и наконец – депутатом Верховного Совета. С поставленной перед собой задачей автор не справился.

Большая и интересная жизнь человека, огромной важности события на Дальнем Востоке – втиснуты автором в несколько десятков страниц мёртвого текста. У автора не нашлось изобразительных средств, чтобы реалистически жизненно-правдиво показать описываемую им эпоху и людей.

На темы гражданской войны написано немало произведений. Уже выработался страшный штамп в обрисовке белогвардейцев, красных партизан, помощников

партизан из местных жителей (татарин, калмык, орочок) и т.д.

Рецензируемая повесть может служить образцом произведения, в котором всё разыгрывается по схеме, по шаблону.

Сюжетные положения повести еле-еле соединены между собой. Неизвестно, как Нани находит партизан, непонятно, как ему удаётся объяснить партизанам о готовящейся против них японской провокации, не ясно, как знакомятся бывш. комиссар отряда, впоследствии руководитель стройки, с невестой Нани, девушкой Мангой. Даже такой эпизод, как смерть медведя от падения с дерева (?!), и тот вызывает сомнения. Впрочем, автору нужно было, чтобы медведь как-нибудь издох, иначе Нани погиб бы уже в первой главе повести...

В самых решающих местах произведения, где необходимо соблюдение элементарных правил композиции, мы встречаем отписки. Труд оказался автору не под силу.

Также плохо обрисованы в повести и характеры. Укажем на то, что типы врагов, с первой же минуты появления каждого из них, расшифровываются автором «в лоб». Арсенал его художественных средств очень ограничен: «длинноносый офицер», «шатающийся владелец спирта», «помятый офицер», «усатый, с медалями на груди», «кремовый от злости полковник» и т.д. Белогвардейцы в повести преимущественно пьют, убивают слуг, грабят по закоулкам добро. Всё это весьма примитивно. Злобный, хитрый, коварный враг, на разгром которого наша страна положила столько сил, – в повести не показан. Это серьёзная ошибка. Допущение её приводит к искажению правдивого представления о суровых, боевых годах гражданской войны.

С другой стороны, партизаны, гиляк Тарас, комиссар Сумчин и в особенности герой повести Нани – все сплошь и во всем прямо иконописны. Живых, человеческих черт в них не найдёшь. Нани уже с первой страницы выступает зрелым борцом, он бросает в лицо врагам фразы, достойные революционера, хотя автор изо всех сил старается нас уверить, что он ещё первобытный, фантастичный человек.

Приведём лишь один пример. Гиляку Тарасу, при первом же знакомстве с ним, Нани говорит: «– Они (офицеры) хотели, чтобы я как олень для них был. Тот безволосый человек выиграл меня, как вещь. Он меня бить хотел. Разве они друзья мне?»

В таком насквозь искусственном тоне написана вся вещь.

Повесть «Нани» к изданию не подходит.

Для автора, пробующего силы в литературе, эта повесть может служить лишь

этапом к созданию произведений более зрелых во всех отношениях» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 185, лл. 56, 56 об, 57).

А потом началась война. Управлению ГУЛАГа, в котором числился Ажаев, дали задание в кратчайшие сроки построить дальневосточный нефтепровод. В этой ситуации его на сессии уже никто не отпускал. В РГАЛИ в фонде Литинститута сохранилось письмо, которое в сентябре 1943 года направил директору Литинститута Федосееву заместитель начальника Управления Лагерей и ИТК НКВД по Хабаровскому краю подполковник госбезопасности Мартынов. В ней говорилось: «Настоящим сообщаю, что являющийся студентом руководимого Вами Института – начальник Контрольной инспекции управления ИТЛ и К НКВД Хабаровского края тов. Ажаев В.Н. не может быть отпущен нами на экзаменационную сессию по вызову Правления ССП за № 4420 ввиду неотложных и весьма серьёзных дел по службе. Неявку тов. Ажаева на сессию прошу считать уважительной и предоставить ему возможность сдачи экзаменов в дальнейшем».

Спустя полгода Ажаев, посетовав в письме Федосееву на то, что у него сорвалась командировка в Москву, сообщил: «Сейчас работаю над романом». В этом романе студент-заочник собирался подробно рассказать о строительстве нефтепровода. В дальнейшем он хотел представить его в качестве диплома. Но не всё у него получалось. Новый директор Литинститута А.Зайцев 24 ноября 1944 года вынужден был обратиться по его поводу к заместителю наркома внутренних дел СССР – комиссару госбезопасности Обручнекову. «Тов. Ажаев – молодой литератор, – писал Зайцев. – Он допущен к защите творческой дипломной работы – роман «Далеко от Москвы». Этот роман написан пока вчерне, нуждается в доработке. Для того, чтобы тов. Ажаев получил возможность создать высокохудожественное произведение, ему нужна творческая помощь крупнейших писателей Москвы. В связи с этим дирекция Литературного института просит Вас дать распоряжение о переводе тов. Ажаева на работу из Хабаровска в Москву».

Но Ажаеву разрешили лишь короткий учебный отпуск для сдачи госэкзаменов. В виде исключения дирекция Литинститута приказом от 30 декабря 1944 года решила выдать ему диплом. Однако потом в институт пришли новые правила, и приказ отменили. И Ажаеву было отправлено в Хабаровск письмо с напоминанием о том, что у него не сданы экзамены по всеобщей литературе и по русской литературе, а также официально

не оформлена защита романа в качестве дипломной работы. А он-то уже мечтал об издании книги рассказов в Москве. Иначе для чего устраивалось обсуждение его творчества в Союзе писателей?!

Уже 17 марта 1945 года Ажаев сообщил в Литинститут Славе Владимировне Щириной: *«В первую очередь подготовил книгу рассказов. В Москве я уловил как в литературной, так и в издательской среде особый интерес к прозе с лирической тематикой. Поэтому решил с одобрения Н.Замошкина и других участников обсуждения моего творчества в ССП ограничить сборник только рассказами этого тематического направления <...> В итоге получилась книга из четырнадцати рассказов объёмом в семь печатных листов. Книга уже обсуждалась здесь и принята чуть ли не восторженно. Дальневосточное издательство включило книгу в план 1945 года <...> Окончив сборник рассказов, переключился на роман. Продумав всё, что говорилось о романе в Москве, работу над ним начал с первой страницы, т.е. заново. Сейчас сижу все ночи напролёт – готовлю первую часть романа для очередного выпуска нашего альманаха. На днях руководитель Хабаровского отделения ССП П.С. Комаров выезжает на пленум ССП, с ним я посылаю свои лирические рассказы. Он к Вам подойдёт с ними, – прошу посмотреть рассказы лично, показать их Л.Озерову и Федину. Если книжка рассказов встретит положительный приём – можно рассматривать её как мою дипломную работу, не дожидаясь романа. Л.Озеров советовал мне прислать рассказы в «Советский писатель» и обещал содействия в их продвижении».*

Однако Щирина в ответном письме предупредила Ажаева, что издаться в Москве будет непросто.

Тем временем руководство ГУЛАГа и Хабаровского крайкома партии определилось с дальнейшей судьбой писателя. Ему разрешили уволиться из системы внутренних дел и устроиться ответственным секретарём в журнал «Дальний Восток». И уже в первых номерах этого издания за 1946 год начал печататься роман «Далеко от Москвы». Оставался нерешённым только один вопрос – о получении диплома.

28 июня 1946 года Ажаев отправил новому директору Литинститута Фёдору Гладкову слёзное обращение. Он писал: *«Моя учёба в институте была поставлена в особо неблагоприятные условия отдалённости от него на десять тысяч километров, причём только последние три года я жил в Хабаровске, а до этого кочевал с места на место по краю. В этих условиях и при большой*

служебной загруженности (в течение девяти лет я работал на руководящей работе в системе МВД), я старался не отстать от своих товарищей и в течение примерно пяти лет прошёл курс института <...> В декабре 1944 года меня вызвали на заключительную сессию, и я был допущен к государственным экзаменам. Тогдашнее руководство определило, что мне надлежит сдать госэкзамен по основам марксизма-ленинизма и затем защитить дипломную работу – свои произведения. Экзамен я сдал, но для подготовки рукописей и защиты их у меня уже не осталось времени. В этот приезд в ССП обсуждались мои рассказы и главы из романа <...> Учтя результаты обсуждения и поскольку со стороны творчества всё представлялось ясным, т.т. Зайцев и Щирина решили, что за мной остаётся теперь лишь представление и защита первой части романа или сборника рассказов летом 1945 года. Так оно бы и случилось, если б не война с Японией».

Пока Гладков думал о том, как ему поступить – настаивать на соблюдении всех формальностей или наконец выписать бывшему заочнику диплом, романом Ажаева «Далеко от Москвы» заинтересовалось московское начальство. Хотя, по правде говоря, роман получился не бог весть каким. Книга почему-то глянулась Константину Симонову. Сталинский любимец предложил Ажаеву доработать её для «Нового мира».

Симонов потом вспоминал: *«Мы встретились с человеком, очень твёрдым в своих взглядах и в то же время очень восприимчивым ко всем тем дружеским советам, которые могли помочь ему сделать свой роман более цельным, строгим и стройным. Если он бывал не согласен с нами в чём-то, то никакими уговорами нельзя было склонить его к самым маленьким поправкам, не требовавшим ни усилий, ни времени. Но зато когда он видел в наших советах здоровое зерно, он порой шёл гораздо дальше того, что мы предлагали, без колебаний вычёркивал неудавшееся и писал новые главы и куски, в итоге составившие чуть ли не четверть того окончательного варианта романа, с которым познакомился потом широкий читатель»* («Дружба народов», 1988, № 6).

В «Новом мире» «Далеко от Москвы» доводил до ума, а точнее всё заново переписывал, по одной версии, бывший белоэмигрант Дроздов, по другой – Осип Резник при участии Константина Симонова.

Первые отклики на роман Ажаева были выдержаны в восторженных тонах. Но тут в Союзе писателей обострилась борьба за власть. Схлестнулись две группировки. И уже в конце июля 1948 года в ЦК партии

на имя второго человека – Андрея Жданова ушло письмо некоей Л.Красковой. Она возмущалась засильем евреев в печати. Краскова писала: *«Начну с конкретного факта. Из семи членов редколлегии русского журнала «Новый мир» пять евреев во главе с редактором Симоновым. Неужели русские писатели и журналисты все такие остолопы, что среди них нельзя найти руководителей журнала? Почему хозяйничают евреи? А хозяйничают они так, что в каждом номере журнала большинство авторов – евреи. В последнем номере (8-м) из 17 авторов – 11 евреев. Но этим их наглость не ограничивается. В том же восьмом номере начался печатанием роман Ажаева «Далеко от Москвы». Почему этот школярский роман принят редакцией? В числе ведущих героев произведения изображён секретарь горкома партии, он же парторг стройки Залкинд, а «снабженцем» Либерман. Евреи-критики (а вся критика у нас в руках евреев) уже поднимают роман на щит, анонсируют в «Литературной газете», уже ведутся разговоры, что Залкинд – это Левинсон («Разгром») сегодня. Чёрт знает что! Народ знает, как в тылу и на фронте вели себя Залкинды и Либерманы, и можно себе представить, какое это производит впечатление».*

Но этому письму в Агитпропе ЦК тогда ходу не дали.

12 октября 1948 года секция прозы Союза писателей организовала обсуждение романа Ажаева. Председательствовал на этом обсуждении Константин Федин. По его просьбе обстоятельный разбор книги сделал критик Анатолий Тарасенков.

Тарасенков, когда готовил доклад, сразу увидел многие слабости романа. Но он знал другое: книгу уже успели оценить в верхах. Начальству понравилось, как Ажаев поднял тему труда, рабочего класса и, естественно, партии. Поэтому значительную часть своего доклада Тарасенков посвятил общим рассуждениям о стройках коммунизма, вспомнив романы Катаева, Крымова и Пановой. *«В этом смысле, – заявил он, – роман Ажаева, мне думается, является новой и неповторимой страницей в истории советской литературы. В этом романе Ажаев приблизился вплотную к решению этой большой задачи показа труда, его творческого начала, преобразующую нашу землю, труда, к которому призывал Горький на 1-м Всесоюзном съезде писателей. Мне кажется, что в этом смысле нельзя недооценить огромного новаторского значения этой работы молодого писателя. Мне думается, что Ажаев*

Василий Ажаев на конференции молодых авторов в Лейпциге 1954 (второй слева)

достиг чрезвычайно значительных и новых результатов в этом романе. Образ Батманова – начальника строительства, образ главного инженера Беридзе, образ Алексея Ковшова, инженера Тани Васильченко, Умара Магомедова, старшего инженера Тополева – всё принадлежит к несомненным удачам молодого писателя. Эти образы в своей совокупности образуют тот могучий коллектив советских людей, которые в состоянии преодолеть любые трудности... Эти образы нарисованы Ажаевым не в равной художественной силе: здесь есть большие и есть меньшие удачи. Но то, что Ажаеву удалось показать многогранный коллектив советских строителей, с большим количеством оттенков психологии, поведения, мне кажется, является положением бесспорным. В романе особенно ценно то, что показывая этих своих героев, показывая их творческий труд на благо Родины, писатель сумел чрезвычайно органически ввести в ткань литературно-художественного повествования целый ряд таких вопросов, которые до сих пор считались вопросами чисто технологическими, узко-ведомственными, узко-производственными, и пожалуй даже по старинке считалось, что эти вещи лучше вообще не вводить в ткань художественного произведения, лучше вообще освободить от них роман. Я разумею показ всего того, что связано со спецификой именно этого строительства, именно данного строительства, изображённого Ажаевым» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, лл. 4 об., 5).

Тарасенков в своём обзоре постоянно пириал не на художественность (точнее – на отсутствие художественности), а на производственные аспекты. «Это, – отметил он, – имеет, несомненно, практическую роль и функцию. Мне думается, что в этом смысле роман Ажаева пожалуй одна из первых в литературе вещей, по которой стахановцы других строек могут учиться, непосредственно перенимать производственный опыт. Может быть, это звучит несколько парадоксально, но мне кажется, что Ажаев изобразил все эти так наз. узко-технологические процессы с такой конкретной убедительностью и наглядностью (начиная от ватных материалов, которые подкладывают сварщики под спину, чтобы не получить воспаление лёгких при сварке труб снизу, и кончая рядом других деталей), с таким знанием дела, которые до сих пор, по-моему, не встречались в нашей литературе. В обобщённом виде это выражает главный герой романа Батманов в одном из своих монологов» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, л. 6).

Но под конец доклада Тарасенков не сдержался и высказал автору ряд упреков. «Мне

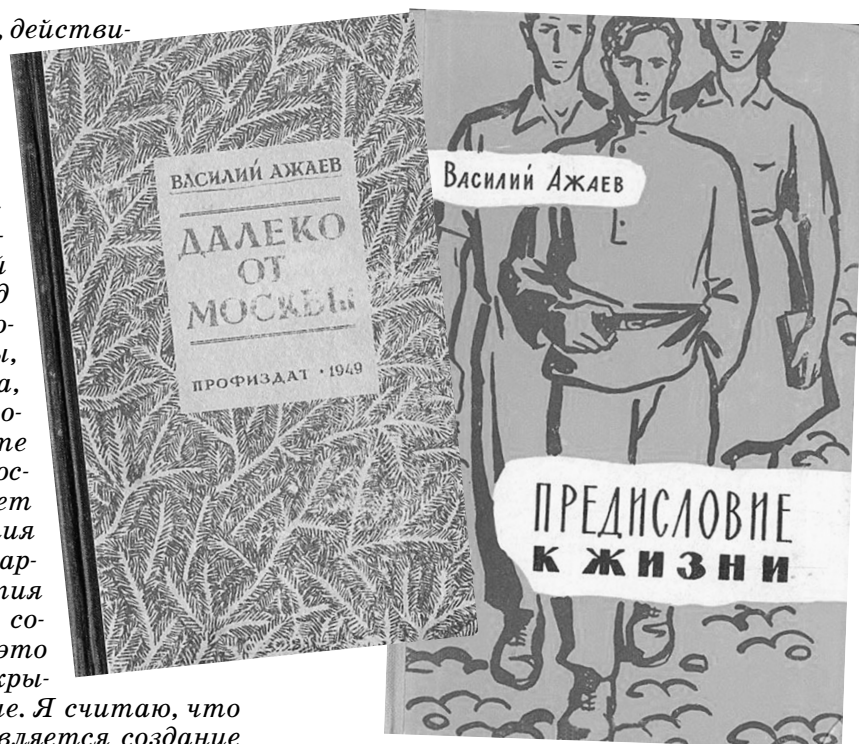
кажется, – оговорился он, – что Ажаев гораздо сильнее тогда, когда он описывает непосредственно им пережитое, виденное, пережитое. А вот насколько он силен в изображении всего того, что связано с пафосом творческого труда на стройке, настолько же он зачастую оказывается слабым в изображении грубых человеческих страстей и переживаний. Здесь Ажаев в ряде случаев нарушает не только мелкую правдоподобность исторических обстоятельств, но, что гораздо важнее, нарушает художественную правду образа, и это нужно сказать ему громко. Вот, например, по ходу романа мы узнаём, что начальник строительства Батманов потерял своего сына. Как же он ведёт себя? Он отгораживается абсолютно от всех, замыкается в своей личной скорби. Это может быть оправдано. Найдётся сколько угодно людей, сильных, волевых, которые не хотят переживать своё горе на людях, которые замыкаются в себе. Но мне кажется, что здесь в изображении Ажаевым Батманова всё это носит неправдоподобный характер. В особенности это неудачно и художественно неубедительно тогда, когда сам Батманов по ходу романа начинает комментировать свою собственную линию поведения» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, л. 10).

Более серьёзные замечания оказались у Осипа Резника. «Тут, – подчеркнул критик, – слишком много нарочито благополучных развязок – воскрешение Зины, спасение катера, прощение Грубского. Может быть это слишком много. Причём из этой серии благополучий самый неблагоприятный это эпизод с Грубским» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, л. 22).

Однако критиканов быстро поправили такие тёртые калачи, как Ф. Левин и А. Чаковский. Так, Левин поставил книгу Ажаева в один ряд с довоенными «производственными» романами Фёдора Гладкова, Валентина Катаева и Юрия Крымова. Он подчеркнул: «Чем определяется новаторское значение этой книги? Конечно, никакое новаторство не определяется какими-то формальными изысками, какими-то особыми открытиями в области композиции и проч. Новаторство произведения состоит в том, что оно раскрывает новые стороны действительности, раскрывает границы нашего знания о людях. А так как основой искусства, по выражению Горького, является чело- вековедение и так как в романе Ажаева мы познакомились с новыми людьми, то это заслуга автора. Когда-то Белинский говорил о натуральной школе, что она знакомит массу с ней самой. В данном случае Ажаев, изображая наших людей, знакомит нас с

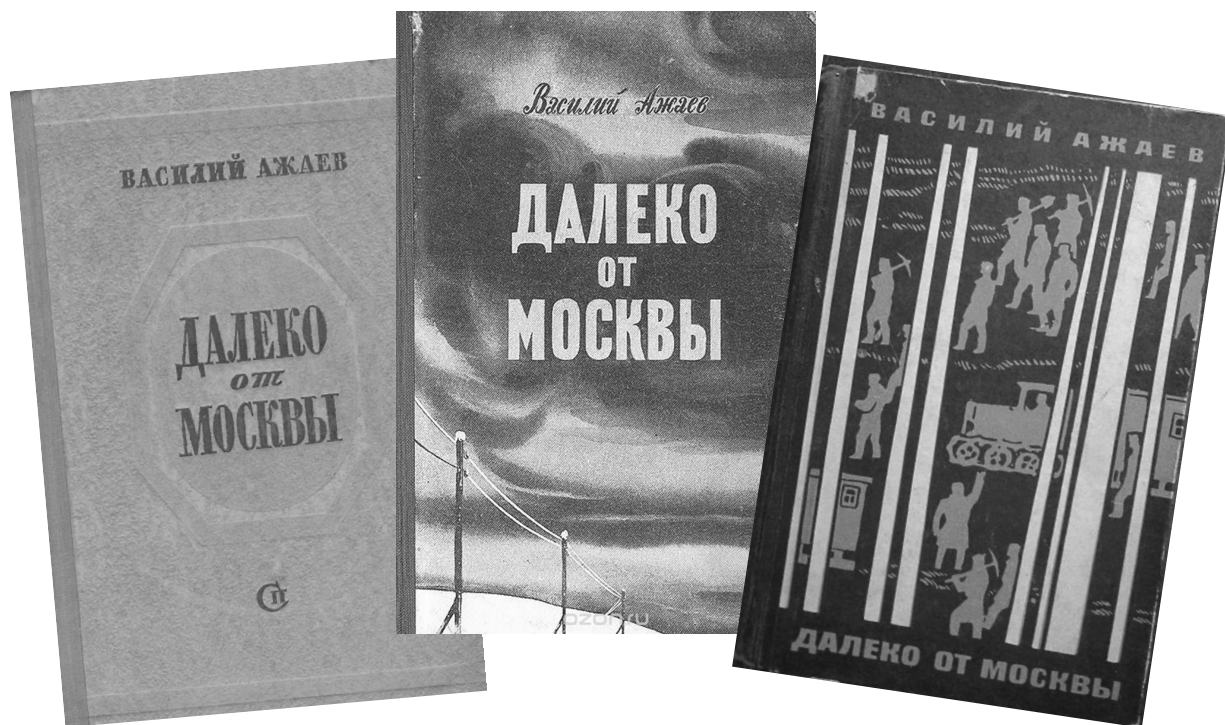
нами самими. Перед нами, действительно, книга, изображающая новые явления. Она изображает труд в годы Отечественной войны, труд большого коллектива, коллектива, осознавшего по-новому свои задачи в свете грандиозной опасности, нависшей над Родиной. Перед нами новые люди – организаторы, командиры производства, применяющие новые методы работы. И всё вместе это то, что вылилось на основе предшествующих лет советской власти, развития нашей хозяйственной и партийной работы и развития стахановского труда, его совершенствования. Вот это и есть то новое, что открывает Ажаев в своём романе. Я считаю, что особой заслугой автора является создание таких образов, как Батманов, Беридзе и Залкинд. Нам приходилось немало читать о некоторых организаторах производства, директорах, причём очень часто мы должны были верить автору на слово, что они умелые организаторы, умеют работать с большим коллективом, что они умные» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, лл. 34, 34 об.).

Чаковский пошёл чуть по другому пути. В отличие от Левина, который вспомнил довоенные успехи писателей, обращавшихся к теме труда, он прошёлся по крамольным публикациям 1946–48 годов журнала «Знамя», по ходу дела попиная Н.Мельникова за повесть «Редакция» и Э.Казакевича за книгу «Двое в степи». Сделал он это не случайно. Ему хотелось показать, что пока одни писатели и издатели делали политические ошибки, другие якобы торили дорогу к победе. Чаковский заявил: «В нашей литературе, с лёгкой руки журнала «Знамя», проявившего гнилой либерализм и нетребовательность к печатаемым произведениям, в книгах, которые я назвал, отразились тенденции своего рода ущербности, незакономерное стремление показывать наших людей, если можно так выразиться, не спереди, а сзади, – показывать в этих людях не то ведущее, светлое, определяющее их сущность, что в них есть, а показывать специфически индивидуальные, именно в ущербном смысле слова, черты. Мне кажется, что, говоря об этих серьёзных политических ошибках журнала «Знамя», особенно приятно отметить победу Василия Ажаева и победу редакции журнала «Новый мир»,

опубликовавшей произведение Ажаева «Далеко от Москвы». Мне кажется, что эта победа – праздник нашей литературы. Это, прежде всего, победа мировоззрения, победа идейности в литературе. Это лишнее доказательство того, что создать произведение, которое получит народное признание, можно только идя путём, которым шёл Ажаев, а именно путём изображения ведущих, основных черт советских людей, путём показа, прежде всего, того, что составляет их сущность, их коммунистическую идейность. Мне кажется, что об этом свойстве романа Ажаева нужно сегодня сказать нам во всеуслышание. На романе Ажаева выясняются причины побед нашей литературы и причины поражения. Эти причины, повторяю, заключаются, прежде всего, в победе мировоззрения писателя коммуниста, в победе коммунистического, идейного мировоззрения. Здесь говорилось относительно того, что роман Ажаева мог бы служить наставлением для стахановцев, иллюстрацией и руководством к стахановскому действию. Мне кажется, что, если в этом заслуга Ажаева, то заслуга преходящая. Пройдёт 3–5 лет и, очевидно, методы транспортировки нефти изменятся, и с этой точки зрения роман Ажаева устареет, как устаревает каждое техническое наставление» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 20, д. 39, лл. 53, 53 об.).

Не случайно вскоре после этого обсуждения Союз писателей выдвинул роман Ажаева на соискание Сталинской премии.

Представление подписал Анатолий Софронов. Литературный генерал воспринял книгу как художественный отчёт о выполнении правительственного задания. Главное достижение автора Софронов увидел в показе «твёрдого, целеустремлённого партийного руководства». При этом Софронов признал: *«Имеются в романе и некоторые недостатки, главным образом, в изображении личных, интимных отношений людей»*. Вот так литературное начальство разбиралось в искусстве.

Публично посмел высказать критическое суждение об Ажаеве разве что Александр Твардовский. Выступая 3 января 1949 года на заседании редколлегии «Литгазеты», поэт прямо сказал: *«Мы знаем, что вещь Ажаева плохо написана, но мы печатаем и хвалим, во-вторых, мы молчим, в-третьих, мы не возразим, если будут хвалить»*. Твардовский призывал к честности. Он говорил, что «Литгазета» – *«единственный в мире орган, который может показать образцы и беспощадной критики, и истинной смелости и свободы, которые у нас есть»*. Но «Литгазетка» струсилась, потому что уже знала о том, какое мнение об Ажаеве сложилось наверху. И неудивительно, что вскоре роман «Далеко от Москвы» был удостоен Сталинской премии первой степени.

Потом эту бездарную книгу экранизировал режиссёр Стоплер. Фильм также получил Сталинскую премию первой степени. Затем Игорь Дзержинский по мотивам беспомощного романа написал ещё и оперу.

Одно время роман Ажаева некоторые критики пытались поставить в один ряд с другими книгами о ГУЛАГе. Кто-то даже вспомнил Николая Заболоцкого, который тоже сидел и написал о рабском труде заключённых стихотворение «Творцы дорог», ни разу при этом, как и Ажаев, не упомянув самих эков. Но против таких сопоставлений резко выступил Вениамин Каверин. Он заметил: «Роман Ажаева «Далеко от Москвы» написан бывшим эком. Заключённые в этом романе изображены как энтузиасты социалистического строительства, каторга превращена в передовую стройку. Книга, отредактированная Симоновым, имела успех, получила Сталинскую премию, автор прославился, долго действовал в литературном кругу как член секретариата, писать не мог и был забыт, как десятки других. Заболоцкий рассказывал мне, что Ажаев на каторге был одним из «маленьких начальников» и держался «средне» – не зверствовал, но и не потакал заключённым, среди которых в его бригаде был и Николай Алексеевич. Пришло время, когда и сам Заболоцкий написал произведение о доблести труда, не упомянув ни словом о том, что это был рабский, подневольный труд. Не думаю, что ему легко далось стихотворение «Творцы дорог» <...> ...Нет, нельзя поставить рядом «Далеко от Москвы» и «Творцы дорог». Не только потому, что бездарный роман давно забыт, а блистательное стихотворение Заболоцкого навсегда останется в русской литературе. На первый взгляд сопоставление кажется странным.

На деле оно касается значительного явления, без понимания которого нельзя понять нашу литературную историю. В романе Ажаева нет преобразования труда, он просто переименован в свободный. Это предательство, подчёркивающее кровавый цинизм сталинского террора, это – ещё одна из форм лжи, в которой мы давно увязли. В стихотворении же Заболоцкого труд поднят на необозримую высоту, исключаящую подневольность.

Мысль о том, что это рабский труд, даже не возникает в сознании. Это труд-творчество, без которого человечество перестало бы развиваться. Преобразование темы, навязанной необходимостью, и рождение искусства вопреки «социальному заказу» – когда-нибудь пристальный взгляд историка отметит и эту жизненно важную черту нашей литературной жизни» (В.Каверин. Эпилог. М., 1989).

После возвращения в 1950 году в Москву Ажаева за его хозяйскую хватку взяли в аппарат Союза писателей. Но в новой должности он оказался не в меру ретив. Вениамин Каверин с Казакевичем даже вынуждены были 23 декабря 1954 года опубликовать в «Литгазете» в его адрес возмущённую реплику.

Потом в творческой биографии Ажаева случился длительный простой. Он продолжал выезжать и кормиться в основном за счёт бесконечных переизданий романа «Далеко от Москвы». Это возмутило даже партаппаратчиков. В марте 1959 года отдел культуры ЦК КПСС представил руководству записку, в которой ребром поставил вопрос, сколько можно печатать одну и ту же книгу Ажаеву, которой в избытке заполнены библиотеки и книготорговая сеть. «Роман В.Ажаева «Далеко от Москвы» издан 61 раз общим тиражом 1950 тыс. экз. Тем не менее Гослитиздат вновь издал эту книгу в 1957 г. тиражом в 150 тыс. экземпляров».

Судя по всему, Ажаев долго не мог нащупать новой темы. Вторая его большая вещь – повесть «Предисловие к жизни» вышла лишь в 1961 году. Но это был полный провал. «Читаю Ажаева, – писал 19 апреля 1962 года Корней Чуковский. – Я даже не предполагал, что можно быть таким неталантливым писателем. Это за гранью литературы».

Уже на исходе «оттепели» Ажаев подал заявку чуть ли не на сотое переиздание своего первого романа «Далеко от Москвы». А для подстраховки он решил заручиться послесловием какого-нибудь важного

литературного генерала. Выбор пал на К.М. Симонова. Но известный писатель взял таймаут. Почему, об этом рассказал один из тогдашних руководителей газеты «Комсомольская правда» Борис Панкин. «К.М., – вспоминал Панкин, – поинтересовался у друзей, чем занимается сейчас Ажаев. Как сформулировал всегда щеголявший едкими афоризмами Саша Кривицкий, Вася, просто переписывает свой роман заново, переводит его, так

сказать, из позитива в негатив. На поверку оказалось не совсем так. Новый герой Ажаева девятнадцатилетний Митя Промыслов, оказавшийся ещё в 1934 году в Бутырке, а потом в «вагонзаке», т.е. в двигающемся на восток эшелоне для заключённых, к концу этого кошмарного, апокалипсического путешествия, как и к концу романа, лишь добирается до тех самых мест, где его героические современники, если верить «Далеко от Москвы», с таким энтузиазмом будут строить в войну стратегически важный нефтепровод. Но становится ясно, что эти героические современники, эти самоотверженные советские люди прибыли на Дальний Восток тем же эшеломом, а многие, быть может, и тем же вагоном, что Митя. Вот такое дело...» (Б.Панкин. Та самая эпоха. М., 2008).

В письмо Ажаеву Симонов сообщил, что «целый день бился над этим послесловием и так и не написал его, и в конце концов понял, что написать его не смогу. Причина – Ваши «Вагон» <...> Я знаю, что сказать о «Далёко от Москвы» в связи с Вашим новым романом и в какую связь поставить обе эти вещи, которые обе считаю двумя главными поступками Вашей писательской жизни». В общем, Симонов дал понять, что для начала хочет дождаться обнародования «Вагона».

Пока судьба «Вагона» решалась в издательствах, с рукописью ознакомились несколько бывших узников ГУЛАГа. Но они в отличие от Симонова и к этой вещи Ажаева отнеслись как к фальшивке. Известна реакция, например, Варлама Шаламова. В конце 1964 года в письме Солженицыну он отметил: «Вот в «Вагоне» Ажаев, классик литературы подобного рода, включился в разработку золотых рудников [гулаговской темы. – В.О.], написав «Вагон» – где герои-партийцы избивают уркачей и играют в «жучка» в вагоне, хотя с тех пор как существует каторга и «жучок» – в вагонах в «жучка» не играют. Ну, Ажаев и удостоверенный предъявлять не будет. Это просто

рыцарь золотого руна».

В какой-то момент «Вагон» собрался напечатать главный редактор московского журнала «Дружба народов» Сергей Баруздин. Но вмешалась цензура. 20 сентября 1966 года и.о. начальника Главлита А. Охотников сообщил в ЦК КПСС:

«Редакцией журнала «Дружба народов» подготовлен для опубликования в сентябрьском номере роман В.Ажаева «Вагон».

Содержанием этого произведения является рассказ бывшего заключённого Дмитрия Промыслова, обвинённого в 1934 г. за «контрреволюционную агитацию» и сосланного в лагерь на Дальний Восток.

В предисловии К.Симонова к этому роману раскрывается автобиографическая основа нового произведения В.Ажаева и его связь с романом «Далеко от Москвы». То, что не мог сказать писатель в своём первом произведении, по утверждению К.Симонова, восполняется в романе «Вагон». В нём как бы проясняются судьбы многих героев романа «Далеко от Москвы», как теперь становится очевидным, бывших заключённых, несправедливо зачисленных в разряд «врагов народа», сосланных в лагерь на дальневосточную стройку.

В романе «Вагон» внимание писателя сосредоточено на анализе причин, якобы, преднамеренных массовых репрессий, предпринятых И.Сталиным после гибели С.М. Кирова. В нём подробно, с хроникальной точностью, прослеживаются судьбы тридцати заключённых, так называемого «кировского набора», приводятся формулировки судебных обвинений, сопоставляются факты, подводящие читателя к определённым выводам о связи убийства С.М. Кирова с заранее продуманной и запланированной политикой репрессий по отношению к руководящим партийным кадрам к делегатам 17 съезда ВКП(б).

В ряде глав романа один из его персонажей высказывает предположение, о том, что массовые репрессии и процессы против «врагов народа» были продуманной «волевой» системой привлечения даровой рабочей силы и специалистов на социалистическое строительство, которое необходимо было завершить в максимально короткий срок.

В этом произведении день за днём прослеживается быт обитателей «зековского» вагона, строятся догадки о том, кто из «стучащей» виноват в постигшем их несчастии, рассказывается о тех обстоятельствах, которые позволяли совершаться несправедливости. Как это видно из повествования, одной из причин разгула репрессий была слепая вера большинства в правильность всего происходящего, бесконтрольность органов

госбезопасности, отсутствие сопротивления со стороны жертв, их вера в то, что в скором времени правда восторжествует.

В романе В.Ажаева, в отличие от повести И.Солженицына, случайно сложившийся коллектив «зеков» возглавляют бывшие крупные партийные и хозяйственные работники, коммунисты, негласная партийная ячейка. Они наводят порядок и защищают заключённых от террора уголовников в пути, а по прибытии в лагерь становятся организаторами трудового процесса на самых важных участках (инженерная, проектная, научно-исследовательская, организаторская работа).

Рисую обстоятельства и судьбы заключённых, попавших в арестантский вагон по обвинению в пособничестве кулакам, В.Ажаев подчёркивает, что точно понимания кулачества, как класса, тогда не существовало. Кулак был, якобы, весьма относительным понятием. Это давало возможность чинить произвол над людьми и конфисковывать собственность крестьян в пользу организуемых колхозов.

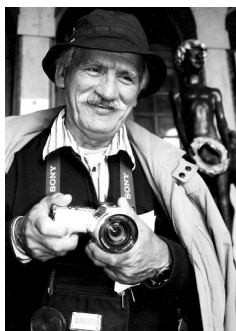
На наш взгляд, опубликование романа В.Ажаева на лагерную тему в канун 50-летия Советской власти не принесёт пользы идеологической работе партии. Это произведение известного писателя, как нам кажется, перечёркнёт его хороший, патристический роман «Далеко от Москвы», на котором воспитывалось послевоенное поколение молодёжи. Редакции рекомендовано временно отложить опубликование романа «Вагон», в связи с чем главный редактор журнала тов. Баруздин С.А. снял его из сентябрьского номера».

В партаппарате больше двух месяцев не знали, что делать с запиской Охотникова. Лишь 2 декабря 1966 года заместитель заведующего отделом культуры ЦК Ю.Мелентьев и завсектором А.Беляев подготовил коротенькую справку. Они доложили: «В отделе культуры ЦК КПСС ознакомлены. С В.Ажаевым состоялась беседа. Писатель заявил, что он намерен серьёзно доработать роман «Вагон» с учётом высказанных ему замечаний». Но переделать рукопись по замечаниям цензуры и партаппарата писатель не успел.

Умер Ажаев 27 апреля 1968 года в Москве. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

Уже в 1992 году профессор славистики Дюкского университета Томас Лахусен из американского штата Северная Каролина получил доступ к личному архиву писателя, на основе которого он потом написал книгу «Василий Ажаев: монтаж судьбы» (её издали в США в 1997 году).

Владислав ВИНОГРАДОВ

Я добывал золото на Колыме

Своими воспоминаниями, творческой кухней и советами делится известный петербургский режиссёр-документалист, автор более 60 телефильмов Владислав Виноградов

– Владислав Борисович, вспомните, пожалуйста, ваши студенческие годы. С кем вы учились?

– Ну, студенчество в шестидесятые годы это, как впрочем, и в любое другое время – пора особая. Умер Сталин, круто сменилась власть, в воздухе уже витали новые идеи; и ВГИК, где мы учились, стал неким рассадником этих идей. Конечно, никто из нас тогда не знал, и не предполагал, кто кем будет, но уже спустя короткое время страна увидела фильмы Андрея Тарковского, Андрея Кончаловского, Андрея Смирнова, Элема Климова, Ларисы Шепитько, Саши Митты, Васи Шукшина, Миши Богина, Эмиля Лотяну, Эльдара Шенгелая, Вити Архангельского, Киры и Саши Муратовых. Какие люди! И это только режиссёры. А сценаристы?! Один Гена Шпаликов стоил сотни других, этот мальчик из суворовского училища, стоявший перед тобой по военной привычке, вытянув руки по швам, к тому времени уже написал «Я шагаю по Москве» и «Заставу Ильича». Я учился на операторском факультете. Курс у нас был огромный пятьдесят с лишним человек и 26 национальностей. Сегодня в это трудно поверить, но мы были очень дружны. Москва 50-х – 60-х была городом студентов, а не торговцев

и чиновников, как сегодня. И хотя тогда она ещё мало походила на столицу, мы её очень любили и знали о ней всё. Впервые в галерее на Кузнецком мосту открылась выставка каких-то шведских абстракционистов. Народу полно. Мы с приятелем Витей Угольниковым разглядываем, снимаем. Вдруг к нам подходит немолодой уже человек, шляпа у него набекрень, немного пьяненький. И начал он нас стыдить, что снимаем всякую ерунду. Мы от него отмахнулись, а он не отстаёт: «Вы мне поверьте. Я – Твардовский». Мы, конечно, сначала не поверили, и тогда он показывает нам своё новомирское удостоверение. Как же, живой автор «Василия Тёркина»! Вечером в лаборатории ВГИКа напечатали карточки, а на следующий день пошли отдавать их хозяину. Пришли в «Новый мир». Нашли кабинет главного редактора. Громадная пустая комната – вдалеке письменный стол, справа железный сейф. Витя делает три больших шага к столу и кладёт перед Трифоновым его вчерашние изображения. Он смотрит на них и, хватаясь за голову, говорит: «О, ужас!». После чего открывает сейф, там бутылка коньяка, жестом предлагает выпить. Но мы, смутившись, уже пятимся к выходу, оставив предварительно и злополучный негатив.

– Какие у Вас тогда были любимые киноленты?

– Конечно, «Летят журавли» нашего кумира Сергея Павловича Урусевского, потом, пожалуй, «Застава Ильича» Марлена Хуциева. А несколько позже возник культ грузинского кино. Потрясающие короткометражные новеллы: «Свадьба», «Зонтик», «Кувшин», «Серенада»... Потрясающие маленькие киноновеллы, смешные, трогательные. Замечательное было кино, которое создали почему-то именно в Грузии. Впрочем, я не прав. Лучшее советское кино – грузинское. Потому что: Калатозов, Хуциев, Данелия, Иоселиани, Квирикадзе.

– А чем Вы занимались кроме учёбы?

– Да много чем... ВГИК был ещё и спортивным вузом. Каждую субботу у нас был спортивный вечер, на котором обязательно крутили шестую часть из «Серенады солнечной долины». Потому, наверное, все мы до сих пор любим Глена Миллера. У нас была прекрасная команда по волейболу, которая занимала, кажется, первое место по Москве. Герои той волейбольной поры знаменитые сегодня Светлана Дружинина и Анатолий Мукасей. К тому же для нас тогда была прекрасная пора студенческих общежитий: люди разных в будущем профессий жили вместе, объединялись,

знакомились, и порой женились. Художники дружили с операторами, были у нас ещё девочки с киноведческого факультета, одна к одной – красавицы. При ничтожной стипендии мы естественно подрабатывали – снимали ребятишек в детских садиках. За это нас называли «садистами». Были и любви, конечно, но почему-то чаще мы отпраивались за ними в ГИТИС, там подбирали девочек для съёмок. Свои нас не устраивали. А своими были Галя Польских, Лариса Лужина, Таня Гаврилова, Жанна Болотова, Жанна Прохоренко, Тамара Семёна. Вот такое было время...

– Вам приходилось бывать на закрытых показах западных фильмов?

– Нам не надо было куда-то ходить. Дело в том, что тогда все фильмы, которые привозили с Запада, копировались в лаборатории ВГИКа. Это было очень легко сделать. Изготавливались контратипы с оригинального позитива, и фильм становился нашим (правда, только в чёрно-белом варианте).

– Помните вашу дипломную работу?

– Мы поехали втроём на Колыму снимать картину о золотых приисках, о золотоискателях. После съёмок я решил остаться там до конца промышленного сезона. Так как с защитой диплома можно было повременить, я отложил кинокамеру в сторону и стал старателем, и уже сам добывал золото. Потом у меня было много приключений. Но, как говорит одна хорошая писательница, зато...

– А что было после ВГИКа?

– Вся прелесть жизни молодого специалиста той поры была в том, что после окончания института он получал рабочее место. То есть человек был обеспечен работой, зарплатой, а порой и жильём. Я получил направление в Минск. Мне уже даже дали картину, нужно было только вернуться в Москву, забрать вещи из общежития и поехать в аэропорт. И вдруг я подумал: «Я никогда не был

в Ленинграде». Через час я уже был в городе, который покорила меня на всю оставшуюся жизнь. Стал искать работу. Было сложно, конечно, потому что нужно было доказать, что ты талантлив, что ты способен работать. В итоге в 1963 году я устроился кинооператором в объединение «Лентелефильм».

– Можете немного поделить-ся внутренней кухней создания документального кино?

– Для меня документальное кино всегда оставалось предметом искусства. Не просто берёшь камеру, снимаешь, монтируешь. Это всегда прежде была работа именно на бумаге. Сначала я обязательно знакомился со своими героями, изучал их биографию. Потом появлялась история, уже моя история, построенная на документах жизни этих героев. И уже только после этого я начинал съёмки. Самым трудоёмким для меня был сценарий. Хотя, вроде бы меня никто не заставлял этим заниматься так тщательно. Потом я сравнивал то, что получалось во время съёмки, с тем, что я написал на бумаге. Процент на 70 совпадало. К сожалению, всегда нужно иметь редактора, потому что, когда ты сам снимаешь, очень трудно контролировать самого себя. По своему опыту могу сказать, что фильмы, снятые режиссёрами, у которых первоначально было операторское образование, обычно продолжительны, в них много красивых кадров; но в таких случаях нужно быть режиссёром, нужно наступить себе на горло, если кадр разрушает образ, вырезать его, даже если он достался тебе таким трудом.

– Кто из снятых вами героев самый любимый?

– Да я, вроде, их всех люблю... Но вот, была одна картина, называлась «Токарь», про простого советского токаря Евгения Морякова. Одновременно он был секретарём партийной организации маленького механического завода. Я познакомился с ним в поездке по Европе

на пароходе, мы с ним обедали за одним столом. Женья был душой все этой поездки, и я решил его снять. Получилась история про такого чисто советского человека, который по своим убеждениям был не то что красный, а даже бордовый. Но подкупала его искренняя вера в социалистические отношения, он был против того, чтобы ругались матом в цеху, против пьянства. И партийная власть эксплуатировала его, как могла: всовывала во все худсоветы (он любил Пушкина). Потом, в 90-е годы, когда всё развалилось, Женья заболел, бедствовал, стал никому не нужным. Его забыли.

– Вы много лет руководили творческой мастерской в КИТе. Что вы можете сказать о современных студентах?

– Я преподавал там 10 лет, у меня было два набора студентов. Первый мой набор чем был замечателен: я мог их посадить за один стол на кухне, накормить, напоить. Что же касается самих ребят, иногда, конечно, приходилось удивляться: «Ну, как же ты не знаешь этого, не знаешь того?!». Мы были более начитанными, более осведомлёнными, несмотря на то, что у нас не было таких технических возможностей найти нужную информацию. Очень жаль, что сейчас ребята мало читают, без этого ведь не развивается общий кругозор.

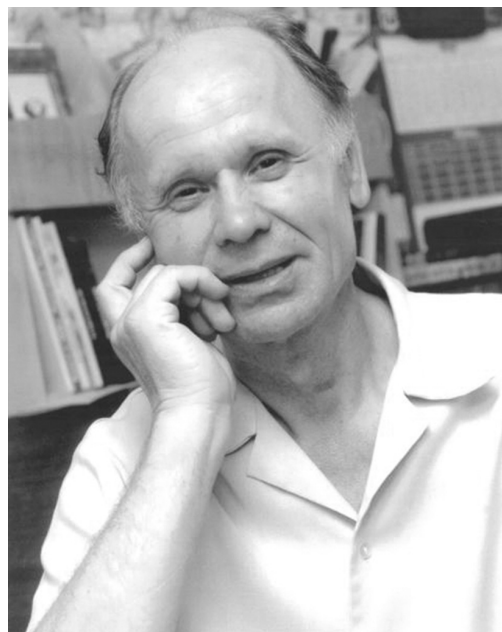
– В завершение беседы, можно ли вас попросить дать журналистам какой-нибудь совет?

– Я никогда не понимал, почему там, где готовят журналистов, не учат элементарной режиссуре поведения в кадре. Ведь сейчас куда не посмотри, все репортёры орут. Этакое герои указательного пальца. Перед тем как появиться в кадре, нужно посмотреть на себя в зеркало и решить, годишься ли ты для этого дела или нет. И, если ты своим обликом разрушаешь то, что ты говоришь, лучше не появляйся в кадре.

Беседу вёл Илья КОЛОДЯЖНЫЙ

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Любимое дело Сергея Фатеева

– Самое главное запомни: заниматься нужно любимым делом. Тогда всё получится, плюс силы прибавятся. Ну, что, что ты смотришь на меня так? Надоела газета? Попробуй себя на радио, на телевидении, в Интернете, наконец! Журналистика так многогранна...

Эти слова Сергея Александровича Фатеева навсегда останутся в моей памяти, как и то утро, где я опоздала на нашу встречу, когда пришла «уговаривать» его быть моим дипломным руководителем. Его невероятная занятость поначалу меня немного смущала, но, видя интерес к моей работе, я здорово приободрилась. Нет, вовсе не потому, что думала, будто смогу что-нибудь открыть в журналистской науке. Не моё это. Просто, по-человечески, захотелось быстрее всё сдать и забыть. И уехать в отпуск – к чистым лесам и прохладным источникам, присоединиться к

летнему многомиллионному отряду отдыхающих. Я ему честно об это сказала, не забыв показать билет, дата в котором совпадала с днём защиты диплома. Он был в шоке.

– Как? Как можно так легкомысленно планировать отпуск? А если вдруг...

– Сергей Александрович, если Вы – руководитель диплома, то «если вдруг» исключено, – заверила я тоном, не терпящим возражений. – Сами сказали, надо заниматься любимым делом, а моё любимое – писать в прохладе южного сада для души...

Фатеев сдался. Мы долго говорили с ним о журналистике, его семье, о жизни. Так я узнала, что Сергей Александрович родился и вырос в обычном провинциальном городке, каким тогда была Тюмень. Его папа работал корреспондентом в газете, и когда началась Великая Отечественная, добровольцем ушёл на фронт, а семья

военнослужащего получала «хлебные» карточки в здании редакции.

С тех пор у него появилось любимое изречение – «намоленное место». И потом, спустя годы и годы, когда шла речь, кажется, на приёме у губернатора, о том, где лучше открыть дом журналиста – он употребил это выражение, сказал в «Доме печати, потому что место намоленное»...

Одному Богу известно, сколько иные слова и строки содержат страданий...

«Журналистская жилка» Фатеева проявилась довольно рано, в восьмом классе он стал редактором школьной газеты «Во все колокола», что в пору атеизма воспринималось неоднозначно.

Но ему прощали любили, потому и прощали.

В девятом он уже директор школьного радиоузла. После девятого класса – пробует себя на областном радио, готовит репортажи из пионерского лагеря им.

Зои Космодемьянской, где до этого проводил каждое лето. Получал копейки, зато ощущение самостоятельности – не передать словами. «Я так радовался, что вхож во взрослый мир областного радио, там было всё большое – большой коридор, большие кресла, большие шторы»...

После окончания школы из-за высокого конкурса не смог поступить в свердловский университет на журфак, хотя опыт работы имелся. Пошёл работать на радио корреспондентом на самую маленькую зарплату. Признаться, он никогда о вознаграждении особенно не задумывался, для него важнее всего было ДЕЛЮ.

И только потом, будучи членом Союза журналистов СССР, а это в своё время имело большое значение, и имея опыт работы на радио, осилил-таки сложный факультет. Вспоминает, счастьем не было предела! Студенческая жизнь захватила его целиком, на комсомольских собраниях поднимали самые острые проблемы, даже об актуальности роли комсомола... Двоих – за саму постановку темы – исключили из ВУЗа, потом ещё одного за запрещённые стихи.

– Оля, ты читала Окуджаву? – спрашивает после некоторой паузы Сергей Александрович.

– Да, конечно! «Виноградную косточку в тёплую землю зарю»... мурлыкаю я.

– Это Окуджава?

– Да.

– А я знаю его другим, значит, он, как и журналистика – многогранен, – заключает Фатеев.

На пятом курсе он уже свой человек на Всесоюзном радио и после окончания университета, в двадцать три года, работает собкором Гостелерадио!

«Нефтяные» города Сургут, Нижневартовск, Когалым, Нягань, Салехард, Новый Уренгой, Надым... – стали известны Союзу и миру

во многом благодаря работе Сергея Александровича. О том времени впечатлений масса!

– Знаешь, Оля, как люди работали! Это надо было видеть. В ноябре мужики по грудь в воде, а глаза блестела ка-ак, такой азарт был! Думаешь, деньги большие получали? Нет, копейки. Зато, глядя на них, хотелось горы сворачивать! О каком-то бытовом комфорте и речи не могло быть! Они любили своё дело, любили страну, верили в прекрасное будущее...

Он всё интереснее рассказывает, а я вижу, как ему дают в руки палку, с ней надо ходить по городу, постоянно прощупывая почву, чтобы дойти до гостиницы «Обь», что в центре Нижневартовска. Там и сейчас в марте-апреле не пройти без болотников, а в молодость Сергея Александровича и вовсе можно было на центральной улице утонуть.

...Вот буровая в 52-градусный мороз проваливается под воду. И все прыгают в ледяную кашу, спасая оборудование. Да-да, в то время люди были такими, работали не за деньги и не для славы, а потому что надо. Как много вложено в слово «надо». Тут и цель жизни, и самодисциплина.

Так и провёл молодость в бесконечных командировках, а дома его ждали жена Татьяна и трое детей. Вскоре волею судьбы Сергей Фатеев начинает работать собкором Гостелерадио в Карелии, об этом времени в памяти остался остров Валаам. «Приехали со съёмочной группой, везде пасмурно, погода – хуже некуда – дождь со снегом, а на душе светло. Ощущение – света и тишины. Ангелы поют. Печаль как водой смыло. Обязательно побывай на Валааме. Тебе понравится».

А после была служба в Одессе. Он первым снял

сюжеты о том, как из Кишинёва шли танки в Бендеры, как мученически погибали люди, сколько было беженцев и как ночью обстреляли Дубоссары. За такую инициативу ему несколько раз открыто угрожали, и долгое время боялся сидеть у окна. Вдруг выстрелят?

После того, как его «Хронике необъявленной войны» увидел мир, война закончилась. Потом – снова Сибирь. Она ему много раз снилась, и, как бывало всегда, приняла радушно. Власти выделили четырёхкомнатную квартиру в сердце города, по меркам человека, выросшего в скромности, просто шикарную...

С 1994 по 1997 год работа ОРТ, в самый непростой период для страны. Всегда опрятный, подтянутый, в любых условиях готов «говорить на камеру». Но, что за этим стоит? Сколько сил, труда, терпения, бессонных ночей?

А после успешной защиты... осенью я встретила Сергея Александровича печальным. «Ты, пожалуйста, заходи».

...Тишина дома передавалась собеседнику, он сказал, что немного устал и надо подлечиться. А ещё, что надо беречь себя и разумно расходовать свои силы. И было непонятно, кому сказал – мне или себе? А ещё, что если веришь в себя, то всё получится, надо не бояться трудностей и идти вперёд с улыбкой. Много говорил про счастье. Так и сказал: «Счастье – это когда внучка просыпается. Вместе с ней в нашем доме солнце встаёт. Это так важно, когда в доме есть маленькое солнце. Раньше я этого не замечал»...

Он ушёл тихо. Про таких говорят: сгорел на работе, в этом мае ему исполнилось бы 75...

Ольга ИЖЕНЯКОВА

Марат ВАЛЕЕВ

Таёжная кровь

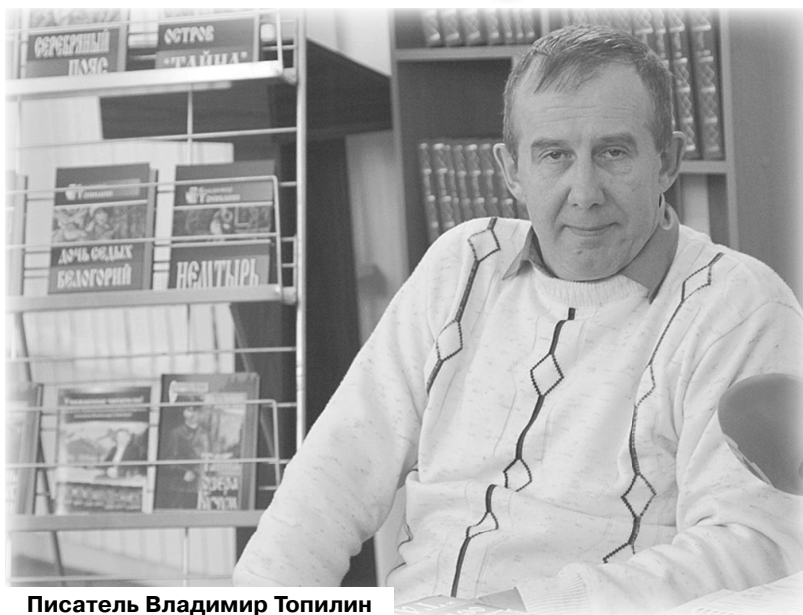
Как люди становятся писателями? По-разному. Конечно же, одного желания здесь мало. Надо ещё иметь определённые способности, так называемую «божью искру», без которой писательскому делу ну никак не разогреться и не разгореться в полную силу. Правда, у кого-то эта божья искра обнаруживается едва ли не с рождения, а для другого требуется какой-то толчок, стечение определённых обстоятельств, чтобы заложенный в нём талант смог высвободиться наружу.

Простой сибирский парень из далёкого таёжного посёлка Чибижек юга Красноярского края Владимир Топилин работал на местной золоторудной шахте и, как многие потомственные сибиряки, увлекался охотой. Однажды он отправился в очередной раз в тайгу. И здесь с ним произошло несчастье: упал на землю вместе с лабазом (деревянный сруб на манер избушки на высоких «курьях» ножках).

Володя оказался погребён под тяжёлыми горбылями и плахами. От боли он потерял сознание. Когда пришёл в себя, попытался освободиться, но ничего не получилось. Снова потерял сознание. И так Топилин провёл, между реальностью и небытием, несколько суток. Благо, что было лето, июнь 1995 года. А случись это зимой – трагедии было бы не избежать.

Нашли его и высвободили от придавивших горбылей родственники с другими охотниками. У Володи уже были пролежни на спине, мошка изъела ему открытые участки кожи. С большими предосторожностями пострадавшего доставили в посёлок, а оттуда – в больницу.

Оказалось, что у Топилина в трёх местах сломан позвоночник. Ему сделали несколько операций, которые фактически спасли

Писатель Владимир Топилин

ему жизнь. Но, увы, не смогли вернуть мобильность. Топилин оказался прикован к инвалидной коляске.

Инвалидность – это всегда не только физическая, но и, в первую очередь, душевная травма. Человек осознаёт, что судьба его круто меняется, ему приходится менять образ жизни, он, волею неволей, тяготится своим состоянием и начинает чувствовать себя ущербным. В общем, это испытание ещё то, и далеко не все, неожиданно угодившие в такую жизненную ситуацию, выходят из него с честью.

Владимир, несмотря на свой тяжелейший недуг, полностью подчиняться его власти не пожелал – не захотел, как говорят жители Поднебесной, терять своего лица. К счастью, рядом с ним всё это время была и есть святая женщина – его мама Людмила Матвеевна. Это она залечила ему пролежни, возила его по санаториям и больницам, искала ему лучших врачей. Это она ворочала в постели его непослушное тело, чтобы поменять положение и не дать

образоваться новым пролежням. Она не давала ему падать духом и всегда находила нужные слова, которые заставляли её искалеченного сына поверить в свои силы. И во многом благодаря ей Володя не ушёл в себя, не погрузился с головой в своё несчастье. Чтобы держать себя в постоянном тонусе, он регулярно упражнялся и упражняется на построенных им же самим тренажёрах.

И во-вторых, хотя этот пункт надо было бы, наверное, поставить на первое место, он извлёк выгоду – если это можно так назвать, – из своего постоянного пребывания в инвалидной коляске. Она стала для Топилина рабочим креслом. Владимир Степанович (будем уж дальше называть его так, и никак иначе) ещё до произошедшей с ним трагедии пробовал писать стихи, правда, пока только «в стол». А тут решил попробовать себя и в прозе, донести до читателей те переживания и чувства, что пришлось ему перенести во время выпавшего на его долю испытания.

Он так же хотел рассказать всему миру, ну или, по крайней мере, своим землякам, в каком чудесном месте они живут, что земли лучше сибирской и людей, лучше сибиряков, нет во всём мире. Он писал днями и ночами, читал написанное матери, навещавшим его друзьям. И они единодушно отмечали: получается!

А теперь представлю слово первому издателю (кстати, и моему тоже!) Владимира Степановича Топилина – директору Красноярского издательства «Буква С» Анатолию Статейнову. Вот что он пишет в своём очерке «Тяжёлая лыжня Топилина»: «С Володей Топилиным мы познакомились в 2000 году. Где-то в середине лета он приехал в издательство с первой своей повестью. Она называлась «Когда цветут эдельвейсы».

Приехал – слово трудноприменимое к его положению. Володю привезли в издательство родственники вместе с инвалидной коляской. В ней он и выкатил из лифта на восьмом этаже, ловко подвернул к моему 804-му кабинету. И так же без помех (научился общаться с техникой), подкатил к столу... Мы с ним не только поговорили, но и выпили по стопочке. Я пообещал прочитать «Когда цветут эдельвейсы».

В конечном итоге уже в том же 2000 году эта, во многом автобиографичная, повесть была опубликована в коллективном сборнике красноярских писателей «Спаси и сохрани». На эту книгу пришло немало отзывов. (Это в наше-то беспутное время люди наконец взяли в руки настоящую книгу!) Чаше других в отзывах читателей упоминалось имя Володи. Сибиряки без подсказок разглядели, кто из пишущих чего стоит».

Так Владимир Степанович шагнул в настоящую литературу. Затем в том же издательстве «Буква» вышли сборники рассказов и повестей Топилина «Таёжная кровь», «Тропой бабьих слёз», «Дочь седых Белогорий», «Семь забытых перевалов», «Страна Соболинка»...

Тиражи их были небольшими – в среднем 1000 экземпляров.

Но нового писателя заметили, о нём заговорили. Потому что пишет Топилин о том, что близко и понятно сибирякам, его землякам – «...глубинка, старожилы, золотоискатели, первопроходцы, охотники, старообрядцы, многие написаны на реальных событиях, – так сам обозначил писатель тематику своего творчества».

Некоторое время спустя Владимира Топилина заметили и в столице: на него вышло московское издательство «Вече» и предложило контракт на публикацию его книг в серии «Сибиряда». И вскоре одна за одной в книжные магазины и библиотеки – трёх-четырёхтысячными (пока!) тиражами пошли такие его книги, как уже известная «Тропой бабьих слёз», «Тайна острова Кучум», «Дочь седых белогорий», «Остров тайна»...

Можно с уверенностью сказать, что сегодня бывший горняк и промысловик перешёл со своей охотничьей тропы на писательскую стезю, приведшую его к известности. В социальных сетях уже создаются клубы поклонников его таланта, одна за одной на родине Топилина в Чибижике и в Минусинске, где он сейчас живёт, проводятся встречи с читателями, намечена такая встреча в сентябре уже и в Красноярском Доме искусств.

Конечно же, это легко и быстро пишется о том, чего Владимир Степанович достиг за прошедшие годы. На самом же деле всё это стоило ему огромных усилий, терпения и настойчивости. Он сам искал спонсоров для издания своих первых книг, сам договаривался с книжными магазинами о реализации своих изданных сочинений, для чего ездил по адресатам на своей «Оке» с ручным управлением.

И, конечно же, он упорно работает над усовершенствованием своего слога, своего писательского мастерства. Сам же ездит, пересаживаясь из инвалидного кресла за руль машины, в места, где происходили события его книг с историческим и легендарным содержанием, чтобы собрать достоверный материал для них.

И в таких поездках его нередко сопровождает верная спутница и помощница жена Елена.

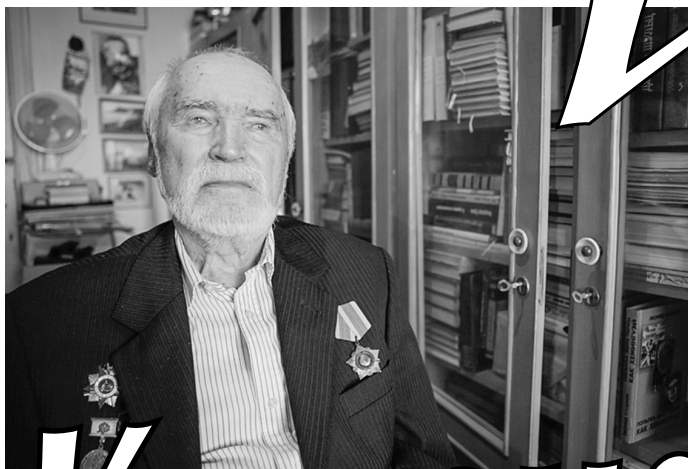
Терпение и труд – да ещё и при наличии таланта и целеустремлённости, – как известно, всё перетрут. К Топилину пришла известность как к писателю. Теперь уже о нём самом пишут, создают радио- и телепередачи как о человеке яркой и необычной судьбы. И это вполне ожидаемая и заслуженная слава человека, сильного духом, не давшего сломить себя невзгодам и уверенного продолжающего шагать по жизни (пусть по-прежнему в инвалидной коляске, но, как и многие, верю – однажды он встанет с неё!) и вдохновлять своим примером многих других людей, оказавшихся в похожей жизненной ситуации.

Вот лишь один читательский отзыв из многих о Топилине-писателе, которые я нашёл в социальных сетях: «До вчерашнего дня я ничего не слышал о таком писателе – Владимире Топилине. А уже после обеда – успел не только увидеть его книги на книжной ярмарке возле ДК Чкалова (Новосибирск), но и понять, что не уйду, пока не приобрету одну из них. Теперь являюсь счастливым обладателем сборника «Таёжная кровь» с автографом писателя! Счастью нет предела: во-первых, редко в наше время встретишь настоящий, «живой» язык, а во-вторых (спасибо случаю!) – удалось даже поговорить по телефону с Владимиром Степановичем!»

Всем, кто хочет ближе познакомиться с сибирским писателем Владимиром Степановичем Топилиным, человеком – не побоюсь этого слова – героической судьбы и найти его книги, это несложно сделать: наберите в любом поисковике в интернете его имя или название вышеперечисленных книг, или присоединитесь к его группе в «Одноклассниках» по ссылке <http://ok.ru/vstupivkna>, и вы без труда получите искомое. Ведь сегодня Владимир Степанович Топилин один из известных людей не только в Сибири, но и в России.

г. КРАСНОЯРСК

Леонид ПАСЕНЮК

Иду по Командорам

Солдат войны, токарь, рыбак, землекоп и бетонщик, талантливый писатель, исследователь, член российского географического общества и союза писателей СССР и России, чьё имя отмечено на карте нашей страны и в «Скрижалях Камчатки» — всё это один и тот же, замечательный и умнейший человек Леонид Михайлович Пасенюк.

— Леонид Михайлович, расскажите, пожалуйста, о своём детстве.

— Родился я на Украине 10 декабря 1926 года, неподалёку от Чернобыля. Мать умерла, отец женился второй раз, и с этой женщиной наши отношения не

сложилось. Закончил сельскую семилетнюю школу, а в возрасте пятнадцати лет я сбежал на фронт. Это был 1942 год.

— С 1942 года Вы служили на фронте, участвовали в Сталинградской битве...

— Да, с первых дней службы я был мобилизован под Сталинград. Во время Сталинградской битвы, в период страшных немецких налётов на город, я дважды пережил прямое попадание бомб. В первый раз бомба упала прямо в щель траншеи, я её даже не заметил, вокруг стоял страшный грохот, рядом работали катюши, я уже собирался выбратьея оттуда, как чуть не стукнулся лбом

об её корпус, но выбрался. Через полчаса опять налёт, я в это время находился в землянке командного пункта полка, раздавался грохот, нас засыпало землёй, щебнем, я был контужен, но почти все остались живы. Это было такое счастье. После победы мне пришлось отслужить ещё пять лет в составе 7-й фронтовой инженерно-сапёрной ордена Красного Знамени бригады. В эти послевоенные годы я участвовал в строительстве полигонного комплекса Капустин Яр.

– Как складывалась Ваша жизнь после демобилизации?

– Я пришёл после войны землекопом и тем, кто носит винтовку, в начале пятидесятых завербовался рабочим на строительство Краснодарской ТЭЦ, где и познакомился со своей женой Идой. Первое время мы жили в комнате общежития. Там у нас родился сын Сергей и дочь Татьяна. Именно здесь я и начал издавать свои первые рассказы.

– С чего началась Ваша литературная деятельность?

– Первые свои пробы я посылал ещё в период войны во фронтовые газеты, но их не печатали. Обо мне писали коротенькие рецензии, но работы сами не публиковали. И вот посчастливилось мне, уже будучи в Краснодаре, встретиться с писателем Владимиром Монастырёвым, он тогда работал в ростовской военной газете «Красный воин» и взял надо мной шефство. Я показывал ему свои работы, он говорил, что хорошо, что не очень. Вот так, постепенно я начал выдавать какое-то качество, печататься в местной газете, и в 1954 году была издана моя первая книга. С нею я отправился на Всесоюзное совещание молодых писателей в 1956 году, от Кубани туда поехало трое – Виктор Логинов, Виталий Бакалдин и я. И в том же году меня приняли в союз писателей СССР.

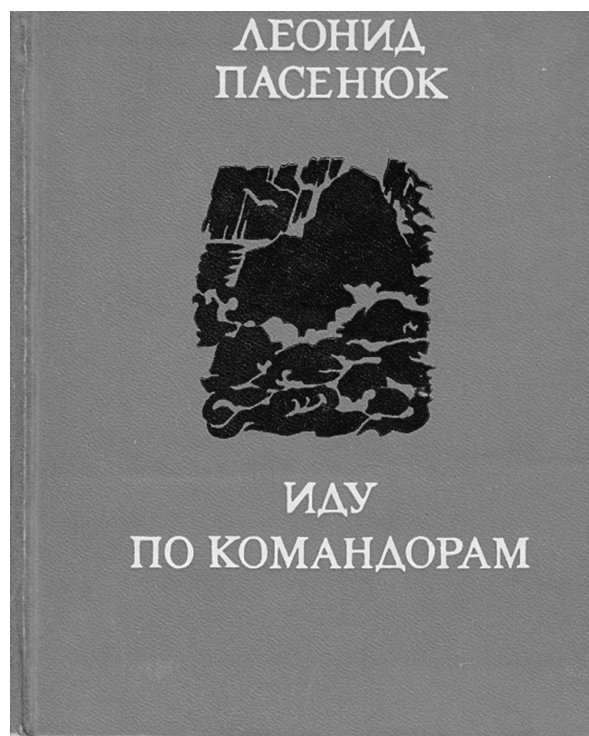
– Как изменилась Ваша жизнь после вступления в Союз писателей?

– Конечно, поправилось материальное положение, мне начали поступать заказы на произведения для журналов, начались командировки в отдалённые уголки Советского Союза. Тогда-то я и увлёкся севером, востоком нашей страны и так называемой Русской Америкой. А позже неоднократно исследовал природу и народы Камчатки, Командорских островов, в частности острова Беринга, Аляски, много писал о них, сделал там несколько открытий. В этих путешествиях и были написаны мои лучшие вещи «Семь спичек», «1000 девушек», «Перламутровая

раковина», «Глория или Все люди – братья» и, конечно же, моя работа «Иду по Командорам».

– У Вас с Идой Никитичной двое детей, ваш сын, Сергей, сейчас живёт на Командорах. Он продолжает дело своего отца?

– Мой сын Сергей известный яхтсмен, хороший художник-график и писатель, в целом, очень интересная личность. В одиночку проплыл через Берингово море, написал об этом путешествии книгу «Соло через Берингово море». Я издал её под одним переплётом со своей: «В одиночку на острове Беринга». Можно сказать, что он в меня пошёл, но всё же мы разные.

– Леонид Михайлович, скажите, можем ли мы ждать в скором времени ваши новые работы?

– Это очень непростой вопрос. Всё-таки я уже не молод, здоровье уже не то – нужно поправлять, и это значит ложиться в больницу, а ведь очень не хочется. Много есть замыслов, много планов, но очень сложно их воплотить. Даже просто набрать текст мне нелегко, а нанять помощника для этого дела нет возможности. Так вот и лежат эти наброски то на бумаге, то в моей голове.

Оксана КРИКУНОВА

г. КРАСНОДАР

Всплохи июньской зари, юношеским румянцем играют на лице летнего неба и отражаются в водах моей родной реки Соби. Вдалеке, в перламутре горного льда – Кеввур, так ханты называют Уральский хребет. Такое мирное утро на моей малой родине в посёлке Катравож и здесь я услышала эту историю.

словно это было вчера. Она видела, как провожали на фронт и как возвращались победители на свою малую Родину, где красавица Соби до сих пор помнит каждого своего сына, которого провожала на фронт.

...В небольшой деревушке Товийпухол, с ханты языка – Весеннее селение, что вблизи Катравожа, в семье Анны Павловны (в де-

малице (глухая одежда с капюшоном из оленьего меха) без шерсти. Молча, скрывая слёзы под сенью платка, кротко стоят ханты женщины, провожающие мужей и сыновей на фронт. Среди них Анна Павловна Серасхова. Сейчас тронется катер и её птенца, её первенца Семёна увезут далеко-далеко, туда, где идёт война. А Семён, не подозревая ещё всей

Юлия НАКОВА

СЫНОВЬЯ красавицы Соби

Семён Михайлович Серасхов приходился двоюродным братом по отцовской и материнской линии моим родителям. Наша мама Марфа Яковлевна Сязи была подростком во время войны и помнит, как уходили на фронт наши земляки, как после приходили похорожки. Очень просила, чтоб я обязательно написала по её воспоминаниям о наших земляках, которые как говорит она: «Разве могут возвратиться и рассказать о себе. Очень жаль, что они не знали русского языка. Ты обязательно, доченька, расскажи о них». При рассказе у неё накатываются слёзы,

вечестве Сязи) и Михаила Григорьевича Серасховых росли сыновья: Семён, Проконий, а Герасим и Ефим ещё были подростками. Страшная весть о войне быстро распространилась. На берегу Соби столпился народ. Вода в этом году очень большая, всё залито, поэтому катер с баржой, на которую садились призванные на фронт, подошёл близко. Берег пестрит национальными нарядами коми и ханты женщин. Мужчины, кто прибыл с оленеводческих стойбищ, рыбацких станов в суконных гусях (демисезонная одежда с капюшоном), кто в лёгкой, старенькой

серьёзности свершившегося, улыбаясь, успокаивает родных, говорит, что это совсем ненадолго, и к первому снегу он вернётся. Загудел последний гудок катера, и баржа стала наполняться людьми. Анна Павловна прижала сына, совсем не хотела размыкать руки, так и спрятала бы далеко, в самом укромном месте своего сердца, но нельзя по законам военного времени. Семён, прижав братишек, напутствовал, чтоб слушались и помогали родителям, а он, как разобьёт фашистов, вернётся. Михаил Григорьевич – отец юноши, зеленью своих глаз обьял его, несмотря

на почтенный возраст, в нём видна стать и былая удаль. Понимая, на какую страшную тропу войны придётся ступить Семёну, с комом в горле молча прижал сына...

Летний ветерок взъерошил тёмную копну волос юноши, он лихо запрыгнул на баржу и после, улыбаясь родным, долго-долго махал рукой. Это были последние мгновения Семёна Михайловича Серасхова на родной земле. В памяти родных он навечно остался стройным парнем, с тёмной копной волос, лучезарной улыбкой и со словами, что к первому снегу он обязательно вернётся...

Пройдёт время войны, наступит мир, а его мама Анна Павловна Серасхова до последнего мгновения жизни будет жить ожиданием сына.

В моём детстве, в летнюю пору мы жили недалеко от Салехарда в месте Суханг пан – Осетровый плёс, здесь стояли чумы рыбаков. Это были восьмидесятые годы прошлого столетия. Для меня это была золотая пора детства. Рядом с нами жили семьи фронтовиков Степана Фёдоровича Нева и Николая Алексеевича Сайнахова (о них рассказы ещё впереди). Наши родители очень уважительно и почтительно относились к ним, и для нас это было примером отношения к людям.

И вот как-то Николай Алексеевич Сайнахов, находясь в нашем чуме, сказал: «Даже на войне есть счастье». В 1944 году на Ленинградском фронте они встретились с Семёном Михайловичем Серасховым. Это была большая радость встретить земляка и помощь, потому что Семён Михайлович уже неплохо знал и понимал русскую речь, и этим помогал Николаю Алексеевичу. Ведь уходя на фронт, многие коренные

Река Сось, Полярный Урал

жители ханты, манси, ненцы не владели русским языком. В этом была большая сложность, поэтому и писем приходило немного, и поэтому сегодня мы так мало знаем о военных буднях наших земляков. Николай Алексеевич Сайнахов и Семён Михайлович Серасхов вместе воевали, делили всё пополам, родная ханты речь соединяла их с далёкой северной родиной, что у берегов красавицы Соби. Так проходили их военные будни.

В одном из тяжёлых боёв, когда их подняли в атаку среди взрывов и пламени, Николай заметил, что его земляк остановился и стал падать. Сквозь пулемётную очередь он подполз к Семёну, пытаясь помочь ему, но тот только успел сказать: «Всё...». Свистят пули над головой, совсем рядом слышны возгласы немецких солдат. Николай тащил, тащил друга, надеясь, что это только ранение..., но после ладонью закрыл прекрасные, карие глаза, которые смотрели в небо, а юношеская улыбка навечно застыла на лице Семёна. Горечь потери сжала сердце Николаю, но ему надо было бежать вперёд, в атаку. Так земляки расстались навсегда.

Мой родной посёлок Катравож ещё в сонной неге. Любуюсь тишиной, а в памяти всплывают лица моих земляков-фронтовиков, которые, наверное, в такой же прекрасный июньский день оставляли родные берега и уезжали на фронт. Это молодые люди разных национальностей: ханты: Альгамовы, Серасховы, Нева, Кельчины, Куйбины, Ковшины, Кондыгины, Тобольчины, Хунзи, Сибаревы; манси – Сайнаховы; зыряне – Бабикины, Каневы, Поповы, Сметанины, Вокуевы, Истомины, Рочевы, Филипповы, Терентьевы, Хатанзеевы; русские: Пуртовы, Рыбьяковы, Навильниковы, Радионовы, Кузнецовы, Моисеевы, Захаровы, Зверевы, Ильины. Конечно, многих я не видела в лицо, но слышана. Мне повезло в жизни быть корреспондентом на ханты языке, это располагало ко мне соплеменников, в моей журналистской копилке немало таких историй и я стараюсь, не меняя сути, переводить на русский язык их рассказы о земляках, которые ценой своей жизни на поле войны добывали для нас эту мирную жизнь.

г. САЛЕХАРД

ХОЛОДНО

Казалось бы, переезд – событие из числа радостных, но мне он дался нелегко. Я не спеша везла коляску с маленьким Митей, это была наша обычная вечерняя прогулка. Митя вертел головой в пушистой шапке и смешно морщил нос, когда на него опускалась снежинка. За плечами у нас был трудный день переезда на новую квартиру, в течение которого я не раз и не два выходила из себя. Старого дома у нас больше не было, а новая, пока ещё чужая квартира – когда она ещё станет домом? Я отчего-то всё время мёрзла в ней...

Кругом, словно горы, возвышались наставленные друг на друга коробки, узлы и узелки, о которые я то и дело запиналась. Ненужные вещи попадались под руку, а нужные найти не представлялось возможным. Новая соседка, которую звали Нина Ивановна, в другое время показалась бы мне весьма приятной пожилой женщиной, но сейчас она раздражала меня своими бесконечными вопросами и назойливыми советами. К тому же она, по доброте душевной, принялась тискать Митю, а я, по правде говоря, очень этого не люблю. Когда какая-нибудь старушка на детской площадке пытается погладить Митю по голове, бормоча всякие нежные слова, я начинаю тихо злиться.

Хотя, конечно, Нина Ивановна здесь была не при чём, я просто устала, вот и всё. Устала и сбежала на улицу, оставив мужа одного наедине с тюками, коробками и прочими радостями переезда. Между тем погода стала портиться, похолодало, усилился ветер. Руки замёрзли, а перчатки, как я вспомнила с досадой,

остались на старой квартире. И я решила вернуться.

Подходя к своему новому дому, я увидела стоящего у подъезда старика. Он стоял, опираясь на палочку, приподняв воротник старенькой потёртой дублёнки. Войлочные полусапожки на молнии, неумело повязанный шарф... Вот так же всегда повязывает шарф мой отец – вся шея на ветру.

У старика были живые карие глаза, густые брови побелели от снега. Он внимательно наблюдал за чем-то в снегу. И тут я заметила в сугробе необычайно крупного пушистого кота в шлейке. Никогда раньше я не видела, чтобы кошек выгуливали зимой. Митя заёрзал в коляске, восторженно засопел, указывая заснеженной варежкой на диковинного зверя.

– Славный, прямо тигр, а не кот, – сказала я, улыбнувшись деду.

– Да-а, большущий вымахал, шельма, – кивнув мне, с гордостью ответил дед. – А принесли его нам – вот такой был махонький комочек, на ладони умещался весь.

Он вынул из кармана большую свою ладонь и показал её мне. Кот, тем временем, прыжками путешествовал из сугроба в сугроб и напоминал неведомое сказочное существо – огромные жёлтые глаза, широкий лоб. Он рыл лапой снег и фыркал.

– Восемь годов уж ему, – продолжал рассказывать дед. – Умнее всякой собаки. Мебель только попортил когтями-то. Вот бабушка моя и ругает его день-деньской почём зря. Оттого и он её, к слову сказать, не шибко жалует. Зря, говорю, ругаешься, голубушка. Жить-то нам

с тобой осталось два понедельника, а ты имущество жалеешь.

Последние эти слова старик произнёс с особенной горечью. Он поёжился от ветра, нахмурился, достал из кармана папиросы и закурил, чиркнув спичкой.

– У нас, видишь ли, обстановка старая, не по-нынешнему всё, – сказал он, затянувшись дымом и закашлявшись. – Сын-то мне не единственный раз уж говорил: «Давай-ка, мол, батя, барахло твоё на помойку отправим. Отслужило оно свой век давно, а тебе новое купим». Нет, говорю, сынок, хоть и барахло оно, хоть и дрянь, а нам с матерью память. Веришь ли, милая, каждая ложка дорога. Вот оно как.

Я сразу вспомнила про свой старый чемодан, с лопнувшей местами кожей, в котором хранилось наследство от бабушки. Он был доверху наполнен сколь чудесными, столь и ненужными вещами. Здесь были вышивки гладью и крестиком, расшитые скатерти и полотенца, салфетки и манжеты, вязаные крючком. Чемодан был большой, он занимал почти всю кладовку, и иногда я решительно собиралась его выкинуть. Но каждый раз пасовала перед таким кощунством, и чемодан продолжал жить своей особой жизнью, храня в себе таинственное, непостижимое, но временами вполне ощутимое тепло.

Я запрокинула голову и посмотрела вверх, на окна своей квартиры. В них горел уютный неяркий свет. Митя, тем временем, зачарованно наблюдал за котом. Когда тот совершал очередной прыжок, взлетала снежная пыль, и Митя смеялся.

– Видишь, как нравится ему, – улыбнулся дед. – Мои-то внучата тоже его любят, тискают, а он – ничего, не злится, привык уж. Однако холодно нынче... Отморозил, небось, лапы-то. До свиданья вам, – он бросил окурок в снег, поднял кота на руки и, бережно отряхнув его шкуру, тихо побрёл к соседнему подъезду.

«Ну, что, Митя, домой?» – спросила я сына, разворачивая коляску ко входу в подъезд. Мне хотелось произнести вслух это слово: «домой». Навстречу нам вышла Нина Ивановна. В руках у неё была котомка под продукты. Увидев старика, она окликнула его: «Пётр Ильич!». Но Пётр Ильич не обернулся, мне показалось только, что он слегка вздрогнул сутулой заснеженной спиной перед тем, как исчезнуть в дверях.

– Оглох, что ли, старый, совсем, – удивилась Нина Ивановна. – Я ж спросить его хотела, не надо ли хлеба купить или ещё чего... А то совсем уж плохой стал, на ногах еле держится, может, и есть дома нечего.

И, поймав мой вопросительный взгляд, пояснила:

– Один ведь живёт, одинёшенек. Ни единой-то души у него.

Нина Ивановна уже ушла, а я всё пыталась нащупать оковчанными пальцами ключи в карманах. И не находила их.

МАЛЕНЬКАЯ МАМА

«Никогда, никогда не буду больше с ней дружить! Вот придёт мамка, спросит что-нибудь, а ей – ни словечка. И ты тоже, Бася, тоже не дружи с ней», – говорила Маша, сидя на кухонном полу, всхлипывая и растирая слёзы по круглому личику. Короткие каштановые косички подпрыгивали на её плечах, а большой дымчатый кот, широко распахнув совиные жёлтые глаза, внимательно наблюдал за ними. Он сердито махал хвостом, прижимал уши к голове, и его молчаливая поддержка постепенно успокоила девочку. Наплакавшись вдоволь и натерев нос до пунцового цвета, Маша неожиданно ощутила сильное чувство голода, поднявшись с пола, подошла к холодильнику.

«Есть хочешь, Бася?» – спросила она, и кот, громко мурлыча, по своему обычаю, начал кружить у ног маленькой хозяйки, легонько бодаясь и перебирая от нетерпения лапами. Маша открыла холодильник, внутри стояла только одинокая кастрюлька с макаронами. Машина мама раньше очень любила готовить и часто баловала семью разными вкусностями, но с тех пор, как папа ушёл, всё поменялось. Маша так и не поняла, почему он ушёл, что случилось с ним. Когда Маша однажды спросила об этом маму, мама промолчала, а бабушка почему-то сделала страшные глаза и так на Машу шикнула, что девочка поняла: спрашивать про папу нельзя. Но этот вопрос всё рано продолжал жить в её голове и мешал думать о чём-нибудь ещё. И хотя Маше очень не доставало отца, ещё больше она скучала по той, прежней маме. Ведь мама была совсем другой, и Машеньку всегда баловала. Тётя Тася, мамина подруга, часто говорила:

– Ну вот зачем, зачем ты её так балуешь? Совсем испортишь ребёнка.

– Как же я её испорчу, интересно?

– Да ведь если ребёнку всё позволять, он потом на голову сядет и ножки свесит!

– А на что же мне, по-твоему, голова дана? – смеялась, спрашивала мама.

И Маше было смешно, она представляла, как мама идёт по улице, а на голове у неё вместо шапки сидит Маша и ногами болтает.

А ещё у них с мамой был тайный знак. По утрам они ездили на автобусе в детский сад. Сонная Маша рассматривала то хмурые лица пассажиров, то расплывающиеся по оконным стёклам дождевые подтёки. И тогда мама брала в свою руку Машину ладошку и легонько тянула за мизинец. Это означало: «Я тебя

люблю». И Маша тянула в ответ мамин мизинец. Они переглядывались, улыбаясь друг другу, а автобус, простуженно кашлял, вздрагивал всем телом, спотыкаясь на «лежачем полицейском», и продолжал свой бег уже легче и радостнее.

А недавно Маша проснулась ночью и услышала, что мама плачет. Тихонько так плачет, отвернувшись к стене, почти беззвучно. Девочке стало жутко от её прерывистого дыхания, и от этого тихого плача, который вырывался будто помимо маминой воли, и ещё почему-то страшно: вдруг мама заметит, что дочка не спит. И Маша зажмурилась крепко-крепко и лежала, прислушиваясь, боясь пошевелиться.

Наступило утро выходного дня. Мама, как обычно, поставила перед Машей на стол тарелку с кашей. Мамины глаза глядели темно, и Маше казалось, что она в чём-то провинилась, что мама сердится на неё. Мама засобиравалась куда-то, а Маша не понимала, почему она уходит, ведь сегодня суббота. Маша путалась у неё под ногами, приставая с вопросами. И мама накричала и даже замахнулась на дочку и выругала так обидно: «тварь». А Маша не поняла, что это значит. Однажды Маша слышала, как бабушка говорила про погибшую курицу, на которую случайно упал ящик с дедушкиными инструментами:

– Жалко, всё-таки Божья тварь.

– А что такое «тварь», – спросила Маша.

– Ну, значит, Божье творение, Бог, значит, создал её, – объяснила бабушка.

Сейчас девочка вспомнила эти слова и подумала, что получается, что она, Маша, действительно мамина тварь. Вот только, видимо, мама, этому больше совсем не рада.

Вспоминая события этого злосчастного утра, Маша тяжело вздохнула, села на краешек стола, и пока Бася уплетал холодные, слипшиеся в комок макароны, обвела взглядом кухню. И вдруг заметила девочка, какое всё вокруг стало серенькое, скучное. И как она не замечала этого раньше? Или это совсем недавно случилось? Вот стоит серый стул, серый стол, на столе – утюг с потемневшим брюхом. Рама оконная тоже серая, и фиалка в горшке покрыта серой пылью. Кажется, что все вещи в доме потеряли свой цвет, словно выгорели на солнце, как та Машина бейсболка, которая была солнечно-жёлтой, а к концу лета стала почти белой, как мука. Страшная догадка пришла Маше в голову. Что, если и правда, все краски сбежали из их дома, как посуда в сказке убежала от грязнули Федоры? Может, и мама оттого такая грустная стала теперь? Ведь и у самой мамы лицо стало совсем бледным, и глаза уже не такие, ярко-голубые, как раньше! Но почему сбежали краски, в чём тут секрет? Маша не понимала. В растерянности

она слезла со стола и пошла в комнату. На глаза ей попался мамин домашний халатик. Мама с утра так торопилась, что бросила его прямо в кресло. На халатике были изображены цветы на тонких прозрачных стеблях с бесцветными серединками и лепестками. В эту самую минуту Маша поняла, что ей нельзя сидеть сложа руки. Рядом лежала мамина косметичка, и девочка отыскала в ней лак для ногтей – ярко-розовый, с блёстками. Вскоре комнату наполнил ацетоновый запах, такой едкий и удушливый, что Бася зафыркал и трусливо убежал под кровать. Маша склонилась над расстеленным на полу халатом и, старательно сопя, самозабвенно водила кисточкой по цветочным лепесткам. И, словно по мановению волшебной палочки, цветы преобразались, становились по-летнему яркими, весёлыми. «Ну вот, теперь хорошо, только высушить надо», – подумала Маша, довольно разглядывая свои труды и развешивая «холст» на спинке стула. «Вот мама обрадуется!» Девочка представила, как мама удивится, охнет радостно, обнимет её, очень сильно обнимет, и они пойдут на кухню пить чай. И, может даже, мама принесёт с собой пирожные – те самые любимые Машины пирожные, которые сверху покрыты разноцветным ягодным желе.

Маша подошла к окну и приоткрыла его. Холодный осенний ветер, наполненный колючей моросью, тут же проник в комнату, раздул серую штору. «Надо бы и шторы покрасить, но завтра», – подумала Маша. Девочка залезла на подоконник и увидела внизу тёмный от дождя асфальт, покрытый прилипшей к нему листвой, поржавевшей от сырости. А потом Маша увидела маму. Она неожиданно появилась из самой дальней арки и торопливо шла, придерживая одной рукой платок на голове, раздуваемый ветром. Она казалась нарисованной простым карандашом на большом листе жёлтой бумаги. Пальто широкое, а ножки – тоненькие спички. И такой маленькой выглядела мама отсюда, сверху, такой одинокой и незащищённой, словно крохотная девочка – Дюймовочка – бежала по листьям, пряча от дождя лицо.

«Маленькая мама, маленькая!» – шепчет Маша, поражённая открывшейся тайной, самой главной тайной всех больших людей.

СУМКА ЕСТЬ

Старенькая коричневая сумка со слегка потёртым ремешком. Это не я её нашла, а она меня. Когда я разбирала вещи в шкафу, сумка выпала к моим ногам. Я подняла её, открыла – внутри ничего, пусто. Подкладка чернела как дыра. И так же пусто стало внутри меня.

Это была сумка моей бабушки. После смерти деда она попробовала жить одна, но не

смогла, и тогда моя мама уговорила её переехать в нашу просторную городскую квартиру. Уговаривать бабушку пришлось долго, и вот, наконец, она согласилась. Теперь она сидела целыми днями на широком кресле и говорила мало, всё больше головой качала в ответ, когда к ней обращались. За обедом проливали суп, шамкая беззубым ртом, и мама клала на стол перед ней стопку салфеток. По выходным мама купала её в ванной, и она, чистенькая, светлая, снова возвращалась в своё кресло, завернутая во фланелевый халат, на голове – платочек. Подолгу следила за сменяющимися на экране телевизора картинками, не понимая смысла, забывая о времени.

– Скучно так. Почитать бы, да глаза не видят. Вот даже твоё лицо расплывается, – говорила она мне.

– Ну, хочешь, я тебе вслух читаю? Вот, Шукшина, например, ты же любишь?

– Не хочу. Ничего не хочу.

Когда-то бабушка любила красивую посуду, всю свою жизнь собирала её. И несколько её чайных сервизов переехали вместе с ней и стояли теперь в серванте. Они выглядели как новые. Бабушка порой брала в руки фарфоровую чашку и показывала мне: «Видишь, какая?.. Изнутри просвечивает, как яичная скорлупа, вот как...».

Однажды мама протирала пыль в серванте, одна чашка выпала у неё из рук и разлетелась на куски. Бабушка была расстроена не на шутку: «Я столько лет берегла, а вы...». И вскоре мама купила похожую чашку и поставила на место разбитой. «Нет, не то это, не то. Зачем только деньги тратила», – огорчалась бабушка. И с тех пор часто, вздыхая, кивала головой в сторону серванта: «Лишняя чашка-то, вовсе не такая. Её как будто топором делали. К чему она тут?».

В глубине прикроватной тумбочки у бабушки лежала пожелтевшая фотография. На ней были запечатлены она, дедушка и маленькая ещё мама. Глядя на фотографию, бабушка вспоминала, как они жили: крохотная комнатка в бараке, в которой они едва уместались втроём. Трудно жили, а всё равно – самое счастливое это было время. Кроме фотографии, в тумбочке лежали ещё лекарства, деревянная иконка и маленькая расчёска – вот и все её вещи, больше ничего. Документов и денег в тумбочке не было, они хранились у мамы. Да и зачем ей деньги, ведь она и на улицу-то не выходила, говорила, что ноги болят.

Часто я заставляла её словно в оцепенении, обращалась к бабушке, а она не сразу слышала меня: «Что ты говоришь, милая?» – спрашивала она меня спустя какое-то время. Иногда я рассказывала ей что-то, а она смотрела как будто сквозь меня и только кивала седой головой.

Прошла долгая-долгая зима, весна вривалась в открытую форточку свежим влажным ветром. Мама собралась ехать в отпуск, купила билеты, и бабушка неожиданно ожила, воспряла. Она говорила мне, что будет сидеть на даче, греться на солнышке, и что обязательно нужно будет свозить её на кладбище – повидать родные могилы. Я была счастлива, видя, как она радовалась. И я думала: ну вот, теперь всё будет хорошо.

– Вот что я хотела тебя спросить, – робко сказала мне бабушка. – Нет ли у тебя какой-нибудь старенькой сумки?

– Есть, – кивнула я, немного удивившись, – а зачем тебе?

– Хочу в дорогу с собой взять.

– В дорогу? А что ты туда положишь?

Бабушка задумалась на какое-то время, потом посмотрела на меня по-детски, словно стесняясь:

– Ну, не знаю... Расчёску, может? Люди посмотрят, а у меня сумка. А раз сумка есть, значит, что-то в ней лежит у человека. Вещи у него есть, дела есть. И сам он есть тоже.

В отпуск мама так и не поехала – спустя два дня бабушки не стало.

г. МУРМАНСК

Екатерина Яковлева родилась в 1986 году в городе Заполярный Мурманской области. С детства пишет стихи. В 2009 году окончила Мурманский гуманитарный институт. Член Союза писателей России. Автор поэтического сборника «Дай мне целое» (2015 г.). Лауреат I степени премии имени К.Баева и А.Подстаницкого (2003 г.). Лауреат II степени всероссийского литературного форума имени Н.Гумилёва «Осиянное слово» в Переделкине (2014 г.). Лауреат премии «Литературной газеты» «Молодой Дельвиг». В настоящее время живёт в Мурманске, работает в Городской больнице скорой медицинской помощи.

ПО СЛЕДАМ ХОДЖИ НА СРЕДИНА,

WM Что хотел
сказать

*В СВОИХ ПОВЕСТЯХ
Леонид Соловьёв*

Леонид Соловьёв

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Не так давно в издательстве «Комсомольской правды» в серии «Юношеская библиотека» вышел двухтомник Леонида Васильевича Соловьёва с его поистине прославленными повестями «Возмутитель спокойствия» и «Очарованный принц». Стоит их прочесть снова, чтобы понять в какой обстановке они создавались и что же это за произведения оказались в сокровищнице русской литературы.

Приглашаем читателей журнала «Мир Севера» к путешествию по этим повестям Леонида Соловьёва. Я внимательно прочитал и сами повести, и уголовное дело писателя, по которому тот был осуждён за... подготовку террористического акта против Сталина и отбыл за это абсурдное обвинение 8 лет, будучи освобождённым только после смерти «вождя и учителя». Да и то по амнистии, а не за отсутствием состава преступления по этому абсурдному обвинению.

I. ТВОРЕЦ

Для своего, к сожалению, посмертного, трёхтомника Леонид Соловьёв в 1959 г. написал краткую автобиографию, уместившуюся на половинке листа. А в ней весь писатель, с его судьбой, и, конечно, с его произведениями...

«Моя жизнь до 25 лет была полностью связана с Востоком. Родился я в Триполи в семье инспектора русско-арабской школы. Юность прошла в Средней Азии, которую исходил вдоль и поперёк... В 1931 году приехал в Москву и учился во ВГИКе на литературно-сценарном факультете... В 1940 г. вышел «Возмутитель спокойствия».

Чем не обычный путь для писателя 30-х годов? Причём благополучно миновавшего рифы сталинских репрессий и издавшего книгу о незабываемом «возмутителе спокойствия» – Ходже Насреддине.

Впрочем, об этом несколько позже, а сейчас рассмотрим более пристально в эти строки автобиографии Леонида Соловьёва: «...постепенно стал готовиться к написанию второй книги. Но война и последующие личные события круто повернули мою жизнь... Только в 1956 году мне удалось закончить вторую книгу о Ходже Насреддине – «Очарованный принц»...

Почему же столь долго длилось творческое молчание писателя? Причину следует искать в его военном прошлом.

Вспомним: вино победы опьянило не только Сталина. Но прежде всего тех, кто с позором шёл сначала к Волге, а затем, в наступательном порыве, прихватил ещё и пол-Европы. И увидели славяне там много такого, что никак им не надо было показывать ни в коем случае. Но история распорядилась так, что наши русские парни, под кото-

рыми я имею в виду всех парней Советского Союза, очень даже внимательно всматривались в быт и болгар, и чехов, румын с венграми, австрияков и немцев да полков. Ох, много чего они видели! Видели, недоумевали, сопоставляли и, что вполне естественно, невольно делали выводы. И часто выводы били явно не в пользу «самого гуманного и справедливого строя».

Потому победителей быстренько постарались убрать подальше от всё же не по-нашему богатой, несмотря на разрушения, Европы. Куда кого. Одних – добывать второго агрессора – Японию. Других – на восстановление поистине опустошённой Руси, а кого и совсем далеко от этих мест, где в войну не надо было светомаскировку соблюдать.

Уже в период похода наших войск по Европе, из рядов победителей СМЕРШ выхватывал свои жертвы и посылал их для укрепления чуть было расслабившейся за войну системы ГУЛАГа.

Не зря ведь этот период называют «послевоенным призывом», понимая, что это не призыв на стройки и на шахты, а призыв в сталинские лагеря.

Была поставлена задача охладить пыл победителей, протрезвить их, показать, что они-то победители, но выпущены были в Европу чисто по необходимости, а потому сейчас должны следовать в «зону» и чтобы никто не смел убежать от прелестей социализма и не смел охаивать действительность. Да ещё и восхвалять буржуазные достижения.

Чтобы не быть голословным, приведу пример, когда солдату-победителю, награждённому двумя «Красными звёздами» и одним «Отечественным», после войны проходившему службу в Архангельске, военный

трибунал сунул «восьмерик». За антисоветскую агитацию. Это когда он, фронтовик с 1942 г., бравший Берлин, встретившийся с союзниками на Эльбе, на расспросы молодых солдат, которые только были призваны, сказал, что покрой нашей военной одежды прекрасный и удобный, но вот качество – плохое. Вот бы нашу форму да пошить из американского материала. Да ещё и присовокупил, что у него на фронте были американские ботинки, так им износа не было.

И таких вот «поджигателей-пропагандистов» было осуждено десятки тысяч. Именно из числа вчерашних победителей.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к Леониду Соловьёву.

В войну Соловьёв был постоянным корреспондентом газеты Военно-морского министерства «Красный флот» на Черноморском флоте. Где он, собственно говоря, на основе увиденного и создал две военно-морские повести «Рассказы боцмана Васюкова» и «Иван Никулин – русский матрос» о поистине беззаветном самопожертвовании простого русского человека на фронте. И не во имя Сталина, а во имя своих близких, своего народа.

Соловьёв также видел и тех матросов и командиров, что по несчастью попадали при эвакуации из потопленных немцами судов в Турцию. А часто по воле волн их носило по морю на самодельных плотках и выбрасывало на турецкий берег. И видел, что с ними было после возвращения.

Писатель постоянно общался с экипажами кораблей Черноморского флота, заходивших в иностранные порты уже после освобождения их нашими войсками, да и сам с ними бывал там неоднократно. Что тоже было

предметом разговоров с сослуживцами и знакомыми.

И говорилось вообще о том, что принесла война, что на ней виделось и в каком положении после войны находится тот же «Иван Никулин – русский матрос». Касались и вопросов развития государства после октября 1917 г. И, как всегда бывает, нашёлся тот, кто это обратил в соответствующее агентурное сообщение «куда надо».

Последовало увольнение из флота в конце 1945 года.

Соловьёв приехал в Москву. Но и здесь он, как оказалось, не особо был нужен. Отношения с женой не налаживались. Потому, как всякий русский человек, писатель стал топить свою неустроенность в рюмке. Последовали публичные скандалы на этой почве. Были даже представления в милицию.

Соловьёв решил сменить обстановку и едет жить в подмосковное село Троицкое к знакомым. Где 5 сентября 1946 года он и был арестован уже «органами министерства госбезопасности» и доставлен во внутреннюю тюрьму этого ведомства на Лубянке.

Из документов видно, что эти «органы» держали Соловьёва под пристальным надзором ещё с довоенного времени, что видно из рапорта, на основании которого был выписан ордер на его арест.

«МГБ располагает материалами, о резких антисоветских настроениях Соловьёва Л.В.

Арестованные МГБ СССР в 1944 г. Улин Л.Н., Бондарин С.А., Гехт А.Г., показали, что Соловьёв Л.В. является их единомышленником и в беседах с ними высказывался о необходимости изменения существующего в Советском Союзе строя на буржуазно-демократических основах.

Со стороны Соловьёва Л.В. были неоднократно

отмечены проявления террористических настроений в отношении руководителя ВКП(б) и Советского правительства.

Наличие террористических настроений у Соловьёва Л.В. подтвердил арестованный в январе 1945 г. Фастенко А.И.

Фастенко 12 января 1945 г. показал: «Террористические намерения в отношении вождя партии мне высказывал примерно в феврале 1944 г., заявляя: «Чтобы изменить существующее положение в стране, надо убрать вождя партии», а позднее заявлял, что он готов лично совершить террористический акт против вождя партии, сопровождая это оскорбительными выражениями.

Соловьёв оказывает антисоветское влияние на политически неустойчивых лиц из своего окружения».

Известно, что летом 1946 года Соловьёв прошёл лечение от алкоголизма в одной из московских клиник и, ясное дело, что поводом для такого лечения были долги и продолжительные запои, во время которых он угощал не только знакомых, но и случайных людей. Ну, а за столом русский человек любит задавать вопрос и себе, и всем с ним сидящим, почему и до каких пор будем так плохо жить. Не был в этом исключением и Леонид Соловьёв. Ведь даже пара рассказанных анекдотов «об усатом таракане» тогда равнялась «червонцу». По «пятак» за анекдот, так сказать.

Для получения показаний использовался всё тот же приём избиений и так далее. И это давало возможность расширять круг арестованных и из них уже «формировать» всё новые и новые заговоры против «вождя партии и руководителя Советского правительства».

Так было и с Соловьёвым.

На Лубянке он попал в руки помощника начальника следственного отдела 2-го главного управления МГБ подполковника Рублёва, специализировавшегося на тот период «по интеллигенции литературно-художественного направления». Это из положения о данном управлении МГБ, а не выдумка автора.

Судя по материалам дела, Рублёв повёл следствие неспешно, поскольку поставил перед собой цель соорудить очередной «центр терроризма».

Какими способами домогались от подследственных нужных показаний, хорошо известно. Не избежал таких методов и Леонид Васильевич, находившийся к тому же в состоянии полнейшего морального надлома из-за краха семейной жизни и понимания губительности своего пристрастия к спиртному.

И, видимо, не зря Рублёв долго «работал» с писателем, раз автор повести о Ходже Насреддине стал сочинять новый роман из той же серии, только теперь в нём речь шла о его собственных похождениях.

Скажем, чего стоит заявление Л.Соловьёва о том, что у него «террористические и антисоветские настроения появились ещё в 1931 году под влиянием враждебно настроенных к советской власти литераторов Макарова И.И., Егорашивили Д.Д. и Наседкина В.Ф.».

При этом надо отдать должное фантазии писателя, соединённой с рационализмом и пониманием того, что можно на Лубянке говорить безболезненно, а что нельзя рассказывать ни при каких условиях. Ну, как у Насреддина: – Главное – не молчи! Говори и не останавливайся! Может и слушать перестанут.

Такой вот рационализм писателя проявился в том, что он в показаниях о своих «соблазнительях-соучастниках» не упомянул ни одного здравствующего человека. Как из литераторов, так и из своих знакомых.

Поистине остроумный выход из создавшегося положения, буквально в духе Ходжи Насреддина.

Следователь заносит фамилии в протокол, уже довольно потирает руки, что можно «ещё пташек в клетку наловить». А проходит время и выясняется, что людей этих давно нет на этом свете.

Действительно писатели Макаров, Егорашвили и Наседкин (был женат на сестре Сергея Есенина) расстреляны ещё в 1938 г.

Потом, разумеется, при составлении обвинительного заключения по делу Соловьёва, Рублёв указал, что эти лица осуждены «за участие в террористической организации». Правда, опустил такую подробность, как их расстрел ещё до войны.

И всё же воля писателя была сломлена, потому следователь мог потребовать от него подписать даже заведомо не соответствующие действительности показания, выбитые у Леонида Соловьёва.

Это, к примеру, касается той части протокола допроса, где Леонид Васильевич будто бы заявлял в разговорах со своими знакомыми, что «после окончания войны надо провести ряд реформ, направленных на восстановление мелкой частной собственности».

И всё же думается, что писатель мог и должен был рассуждать на эту тему, ибо коллективизация, советская собственность на всё и ни на что, уже к тому времени стала показывать свою несостоятельность в обеспечении нормальной жизни людей в

разорённой войной стране.

Стоит отметить, что освободительная миссия Красной Армии имела и просветительскую роль для победителей. Они увидели эффективность фермерского, как сейчас говорят, хозяйства, обустроенность хуторов и деревень, и, главное, желание людей работать на своей земле. Видели и сравнивали. Да и наверняка вслух говорили: «Вот бы и нам так жить!»

По крайней мере один из фронтовиков мне сказал: «Когда вошли в Германию и увидели, как там живут, то невольно себя стали спрашивать: – Какого чёрта (правда, фронтовик употребил более крепкое русское слово) этот Гитлер попёрся в нашу грязь и под соломенные крыши?!».

Выход же победители видели в том, чтобы дать по куску земли, как награду, победителям. И не под садогород, и не на год-два, а навечно.

Такие вот крамольные мысли. Не забудем: это ведь первый послевоенный год!

Чему удивляться, если и сейчас сельчанам земли не дают, хотя она пропадает миллионами гектаров даже в чернозёмных областях России. Такое же положение было и в Средней Азии, куда Леонид Соловьёв поместил своего Ходжу. Который, кстати говоря, к концу жизни оставил пролетарский образ жизни, завёл себе дом и землю. То есть осуществил вековую мечту любого человека, на любом континенте.

В протоколах же допроса «террориста» Соловьёва фигурирует и такая вот очередная крамольная мысль: «Политика коллективизации сельского хозяйства не оправдала себя, крестьянство настроено против колхозов и совхозов и поэтому необходимо их распустить».

И, конечно же, не на пустом месте писатель допускал такие высказывания в беседах и застольях до ареста. Писатель ведь видел плачевное состояние крестьянства. К тому же и Красная Армия была в сущности крестьянской, хотя и называлась «рабоче-крестьянской».

На фронте же матросы вели разговоры о колхозах и о том, что бы они хотели видеть на их месте после войны.

Разумеется, такие разговоры «органы» собирали, проводили с высказавшими их профилактические, как говорится, беседы. Некоторых «изымали», с направлением в тот же штрафбат приказом командира. Но всяк в окопе понимал: умирать-то всем вместе придётся, а куда вы, отцы – командиры, без меня денетесь?!

И надежда в русской душе никогда не умирала: вот после победы заживём! Власть поймёт, что была несправедлива с нами и даст нам пожить нормально.

Уж на что верный ленинец, пролетарский драматург Всеволод Вишневский, а в Берлине, за 3 дня до победы, в застолье на командном пункте командарма Чуйкова, в присутствии генералов из армии и фронта, поднимая чашку с трофейным шампанским «Вдова Клико», выдал:

– Всё должно теперь пойти по-другому. Мы простим товарищу Сталину его ошибки прошлых лет! Народ требует прекращения преследования честных людей! Все заключённые, кроме власовцев, должны быть выпущены из тюрем и лагерей! Нечего скрывать, что все мы под наблюдением! Всё должно измениться! Я хочу, чтоб меня ни в чём не подозревали! Я хочу после войны прийти в Кремль, не выпрашивая пропуск. И требую,

чтоб у меня при входе не отбирали пистолет!

Хорошо, что среди генералов и офицеров не нашлось «стукача», а Вишневого, под благовидным предлогом отправили в Москву на следующий же день. Хотя он победу хотел встречать вместе с армией победителей.

На этом примере видно, в каком направлении работали мысли и чувства фронтовиков и писателей, в частности.

Что же касается взглядов Л.Соловьёва на литературный процесс в стране, изложенных им в протоколах допросов, то получается занятная картина, целиком полностью соответствующая действительности: «...жёсткая советская система не даёт возможности расти и полностью реализовать свои интеллектуальные и духовные силы».

Он в самом деле выразил на этот счёт то, что думали многие талантливые писатели, потому и подписал этот свой ответ на вопрос следователя.

Но тому показалось мало таких вот «идеологических колебаний» Леонида Соловьёва и потому он решил «вывести» его на международный, так сказать, уровень, обвинив его в сотрудничестве с Западом.

И потому, развивая мысль о ликвидации колхозов, как пагубной системы, Рублёв в протоколе, а затем в обвинительном заключении по делу, указал, что будто бы Соловьёв сказал буквально следующее: «Эти реформы будут проведены в результате нажима на советское правительство со стороны Англии и Америки. Заявление англо-американского блока позволит ослабить существующее в СССР ограничение свободы слова, печати и т.д. А говоря о возможности столкновения СССР с Англией и Америкой, Соловьёв

предвидел гибель советского государства».

Как видим, то, что происходило в мире, неизбежно попадало и в протоколы МГБ по политическим делам, как будто высказанные теми, кто попал в руки этого ведомства.

Однако в этих явно абсурдных обвинениях угадывается и отголосок литературных страстей, разгоравшихся после войны в литературной среде за обладание благами, которые сулило вхождение в «партийную обойму».

Так было, между прочим, и до войны.

Ведь каждый писатель, как тогда, так и теперь, видит себя если не классиком, то хотя бы в ряду великих и выдающихся. А раз так, то требовал себе и повышенного гонорара, и тиражей соответствующих. Попастъ же на литературный олимп означало именно благополучие материальное.

Потому в этой внутрилитературной борьбе в ход пускались самые низменные и бессовестные спекуляции, система подсиживания и прямых доносов. Да и всяческие постановления по вопросам литературы и искусства инспирировались самими же писателями, артистами, режиссёрами, драматургами. И доносы «куда надо» шли на писателей не от токарей-дворников, а от собратьев по перу.

Вспомним тот же документ, на основании которого арестован писатель Соловьёв: его ведь сочинили в МГБ на основании доносов из литературной среды. И об этом свидетельствуют такие строчки из дела писателя: «Он допускал антисоветские суждения и по вопросу литературы. В беседах с другими писателями возводил клевету на условия литературного творчества в стране, заявляя, что советское правительство, якобы, не уделяет

должного внимания советской литературе и советским писателям».

Это, конечно, было явно заблуждение писателя. Уж кого-кого, а писателей «партия и советское правительство» опекало почище любой другой категории интеллигенции. Ведь постановления по литературе выходили постоянно. Что писать, как писать, где ставить запятую, а где и точку, какой набор слов допустим, а какой нет. Всё это было в партийных постановлениях по литературе. В них же казнили, и миловали.

В «довесок», так сказать, Соловьёву следователь приписал и антисоветскую агитацию, которая состояла в том, что он «в своих антисоветских суждениях возводил клевету и допускал оскорбления в адрес руководителей партии и советского правительства. Кроме того, в состоянии опьянения высказывал террористические настроения против главы советского правительства».

Вот что касается клеветы на власть предрежащих, то её словесного оформления, так сказать, в деле разыскать не удалось. Однако можно с уверенностью сказать, что как честный человек Л.Соловьёв видел все пороки существующей системы и в кругу друзей и знакомых рассуждал об этом. Говорил горькую правду о положении наших людей поле опустошительной войны, которая, тем не менее, не принесла ожидаемых политических и экономических свобод. При разговорах в силу открытости характера и доверчивости, писатель все упоминал и имя Сталина, как гаранта этой неспособной на развитие системы, да и связывал ожидаемые перемены с возрастом вождя. Дескать, вот после его смерти можно ждать изменений.

Всё более уплотняющаяся послевоенная атмосфера лжи, доносов, проработок, исключений и арестов, под очередным предлогом борьбы с очередными врагами народа, не могли не оказать отрицательного влияния на впечатлительную натуру Леонида Васильевича, не видевшего выхода из этого положения, кроме как в приобщении к спиртному.

Не менее значительную роль сыграли и взаимоотношения с женой – Седых Т.А.

В пользу этой версии говорит и фрагмент из письма сестры писателя – Зинаиды Васильевны, в Прокуратуру СССР, с просьбой о пересмотре дела брата.

Письмо датировано 2-м февраля 1952 года, когда Соловьёв находился в лагере почти пять лет.

Анализируя жизнь брата и причины, которые послужили его нравственным мучениям, Зинаида Соловьёва пишет:

«Мне одной известны разговоры с ним в 1945 году, когда мы с ним встретились после войны. Вот тогда, с глазу на глаз, а, следовательно, не для позы и рисовки, он мне сказал: «Ты меня прости, но если бы ты посмела заподозрить себя в чём бы то ни было, я бы тебе руки не подал!..»

Его жизнь: он переживал глубокую личную драму в браке. Очень любя жену, он видел, что она к нему ответного чувства не питает такой же силы. Это хлестало его по самолюбию. Бесконечные сцены ревности. Брак не был счастливым.

По личным своим данным он очень неплохой человек. Но воля, увы, не из сильных. Пережить, взять себя в руки, не сумел.

Разрыв с женой и человек задурил не на шутку. Зимой 1945–46 гг. его пришлось поместить в нервнo-психиатри-

ческую клинику для острых алкоголиков в Москве.

Он страдал от негаснущего, несмотря на разрыв, чувства к жене. Пил. И в 1946 г., летом, когда я приехала к нему, не раз пьяным, уткнувшись мне в плечо, скрипя зубами, говорил: «Ну скажи, что мне сделать, чтобы перестать любить Тамару?»...»

Жизнь, как видим, сама собой решила эту драму: писатель был арестован.

Как уже говорилось, следствие по делу Соловьёва тянулось неспешно. И всё же в апреле 1947 г. пришло к своему логическому завершению: составлением обвинительного заключения.

Примечательно, что надзирающий за следствием прокурор засомневался в том, а всё ли сделано для изучения личности писателя Соловьёва, и предложил назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

Но тогдашний Главный военный прокурор Н.Афанасьев, которому пожаловался следователь МГБ на придирки со стороны военного прокурора, непосредственно надзирающего за следствием по делу, высказался категорично: «Оснований для направления Соловьёва на экспертизу не вижу. Он – пьяница, однако это не освобождает его от ответственности к совершённомu преступлению. Бредовых идей у него не было. Идеи определёнno контрреволюционные, которые он и пропагандировал».

Разумеется, коль есть у следователя или прокурора какие-либо сомнения по делу, они должны поступать по закону. И такие сомнения по делу были и потому следователь Рублёв нашёл выход из положения – направить дело для внесудебного рассмотрения в «особое совещание при МГБ СССР и определить меру наказания

Соловьёву Леониду Васильевичу – десять лет ИТЛ».

Отработанная за несколько десятилетий система внесудебной расправы над гражданами своей страны, и на этот раз сработала безукоризненно: 9 июня 1947 г. особое совещание согласилось с мнением Рублёва.

В итоге – 10 лет исправительно-трудовых лагерей, для отбытия которых писатель и прибыл в знаменитый посёлок Явас в Мордовии, на лагкомандировку 385-5, где отбывали наказание «политики», рядом же существовали, как правило на блатных местах, изменники Родины, полицаи, помогавшие немцам уничтожать советских людей на оккупированных территориях. Они ведь тоже проходили по «политическим» статьям. Как и такие, как Л.Соловьёв, называемые в лагерях «болтунами».

Неожиданно, весной 1952 года, писателя переводят из «мордовской Сибири» в Сибирь настоящую – отдалённый лагерь с более строгим режимом, в Камышлаг под Омском.

И обратная дорога для него из Сибири открылась только после смерти «отца народов».

23 июня 1954 года Соловьёв освобождён из Камышлага. Однако с признанием за ним совершённых преступлений, то есть организации покушения на товарища Сталина. По амнистии, то есть с оставлением клейма «антисоветчика», несмотря на ходатайство Александра Фадеева, направленное в высшие судебные инстанции о полной реабилитации писателя.

И вздорные обвинения с Леонида Соловьёва сняты были только в 1958 г.

Сохранились свидетельства, что в мордовском Дубравлаге Соловьёв работал истопником печи для

обжига кирпича, а также в пошивочной мастерской. Какую работу он выполнял в Камышлагге, установить уже невозможно.

Вернувшись на волю, Леонид Васильевич поселился в Ленинграде, где жила сестра, всю жизнь любившая брата и много сделавшая, чтобы выволить его из лагерей. Для чего, уже после смерти Сталина, неоднократно приезжала к Фадееву хлопотать за брата.

Но здоровье писателя было окончательно подорвано, и хотя он и написал, точнее, закончил работу над блестящим «Очарованным принцем», судьба отпустила ему слишком мало времени.

9 апреля 1962 года Леонид Васильевич Соловьёв умер в Ленинграде, так и не завершив свои творческие планы. Среди которых, как поговаривали, было и написание новых походов Ходжи Насреддина. Уже в советских лагерях.

II. ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Время окончания работы над повестью под таким названием у Леонида Соловьёва стоит – 1940-й год. В ней, как сейчас видно, отразились и повседневные реалии советской действительности. Стоит только более внимательно всмотреться в действующих лиц повести, их поступки, обстановку, в которую поместил их писатель.

Известно, что семья Соловьёвых вернулась на родину из Ливана, где проживала в г. Триполи, уже после окончания гражданской войны – в 1925 г., когда будущему писателю было уже 20 лет.

В этой войне несколько миллионов русских людей было истреблено, около 1,5 млн. нашли себе место лишь за границей.

В упадок пришло всё хозяйство России. И то, что увидела семья Соловьёвых в новой стране, никак не было похоже на то, что видел отец, воспитавший детей на чужой земле в любви к России.

Тяжело было найти место в этой новой стране. Как знакомого восточные языки, отца направили в Среднюю Азию. И уже взрослый Леонид мог сравнить то, что он видел на Ближнем Востоке со Средней Азией. И это сравнение, как мы потом увидим, было не в пользу новой власти.

Конечно же, сравнить с прошлым многое из того, что увидела семья Соловьёвых в Таджикистане, вернувшись в Россию, в полной мере могли только родители Леонида, поскольку они отправились за границу в начале века. Разговоры на тему прошлого и настоящего между родителями шли постоянно, и сын внимательно к ним прислушивался. Шло, как говорят, накопление материала. Потому так зримо всё встаёт в этой первой повести Соловьёва.

В «Возмутителе спокойствия» уже через несколько страниц от начала повести читаем:

«Возмутившись, он (имеется в виду Ходжа Насреддин) увидел свою родину ещё более несчастной, чем в те дни, когда он покинул её. Старого эмира давно похоронили. Новый эмир за восемь лет сумел вконец разорить Бухару».

Прикинем эти годы на советской исторической шкале.

Начало работы над повестью относится к 1932 году, когда Леонид уже живёт в Москве и учится в недавно организованном ВГИКЕ на литературно-сценарном факультете.

Это был страшный год – 1932-й. Когда миллионы людей голодали. От Украины и

до Казахстана. Голодали и умирали.

Именно в этот период масса беспризорников, как и семейных людей, двинулась в Среднюю Азию в поисках лучшей доли. Попросту куска хлеба. Именно тогда вспомнилось это крылатое выражение «Ташкент – город хлебный», по которому назван роман писателя А.Неверова. Только вот выражение это появилось гораздо раньше – в период гражданской войны. Но именно на окраинах СССР люди искали спасения.

Сельскому хозяйству недавно прошедшей коллективизацией нанесён страшнейший и невосполнимый урон. И это тоже видно в повести Леонида Соловьёва.

На её страницах мы видим, что при новом эмире разрушение Бухары (кстати отмечу, что этот город никогда не был узбекским, в нём всегда жили таджики, это советская власть решала кому и какие города и земли отдавать), куда поместил своего героя Соловьёв, заключалось в том, что посеяны ячменя и пшеницы стали убогими, поля одичали, мосты на дорогах разрушились, в кишлаках не было скота, «нищие вереницами сидели вдоль дорог, вымаливая подавание у таких же нищих как сами».

Такова была жизнь не в эмирской Бухаре, а в Советском Союзе. И пусть читателя не обманывают слова писателя о времени действия повести – при эмире, в глубине веков. Реалии жизни в повести – начало 30-х годов века XX-го. А место действия – первое в мире «государство рабочих и крестьян».

При таком подходе в исследовании исторической канвы в «Возмутителе спокойствия» напрашиваются такие аналогии: старый эмир – это Ленин, а новый –

Сталин. Он-то и разорил Россию – Бухару.

Ходжа Насреддин удивлён не изобильным урожаем на полях и в садах, а удивлён обилием странников во всех селениях.

Здесь явные картины виденного Соловьёвым в Москве начала 30-х. Столица наводнена людьми из «органов». И в форме и без неё. Они, как и стражники в Бухаре, денно и ночью рыскали по улицам, и стоило только произнести неосторожное слово, как возмутителя спокойствия волокли КУДА НАДО. Там же, как известно, оказывались порой и некоторые знакомые студента Соловьёва. Особенно из среды литераторов, с которыми он общался во время учёбы больше всего. С тем же Наседкиным, Макаровым, Егорашвили.

А по поводу празднования «революционных праздников» в Бухаре, то есть в Москве, то здесь так и просится выдержка из повести: «Поскольку эмир очень набожен, то два раза в год обязательно ездил на поклонение праху святейшего...».

Два раза в год в Советском Союзе, на 1 мая и 7 ноября, эмир – Сталин – ездил на поклонение праху святейшего Ленина.

Мавзолей Ленина высится под стенами Кремля, а гробницы святых в Бухаре находятся под стенами эмирской резиденции – крепости «АРК».

Значит не зря Леонид Соловьёв возвращает Ходжу Насреддина в Бухару именно через восемь лет. Не трудно прикинуть, что, считая с 1917 года, это и будет 8 лет.

Описывая страдания бухарцев от нового эмира, писатель замечает, что они буквально разорены всё новыми и новыми налогами.

А ведь это реальность не Бухары, а Советской России, когда, свернув НЭП «как

временное отступление для нового удара по буржуазным элементам», новая власть стала буквально разоряться. Доходило до того, что сокращались ассигнования на содержание заключённым в тюрьмах и лагерях. Значительная часть армии ходила в лаптях.

Выход, как всегда, был найден быстро: установленные ряда новых налогов на крестьянские хозяйства, особенно единоличные. «Стригли» налоги буквально с каждой головы скота, каждой сажени посевов, каждого ствола дерева, независимо от урожая и погоды. Деревня приходила в упадок.

Соловьёв, уже в сознательном возрасте, видевший тяжёлый труд ливанского феллаха на скудных наделах, под палящими лучами почти экваториального солнца, но с сознанием, что продуктами своего труда он будет распоряжаться по своему усмотрению, понимал – советский крестьянин этой заботы лишён напрочь. Его планомерно уничтожает государство. Загоняя в колхозы, разоряя его хозяйство, а заодно и само государство, покоящееся на благополучии крестьян и тучности нив.

Возвратившись в Бухару, Ходжа спешит к родительскому дому, но видит только его развалины. Отец умер после того, как был брошен в тюрьму за провинности сына. А все родственники Ходжи высланы из Бухары.

И это опять же не бухарские реалии, а советские. Ведь уже восемь лет как родителей неугодного могли арестовать, взять в качестве заложника, посадить в тюрьму и выслать туда, где и тот самый Макар телят не гоняет.

Опечаленный увиденным, ходжа идёт по Бухаре, не узнавая её, и наблюдает всё новые и новые подробности

повседневной жизни её жителей. Издевательство над ними со стороны нового эмира.

Помните, чем в повести закончился спор двух братьев из-за козы?

Коза – подохла, но и после этого её бранными остатками пользуется казна: велено снять с козы шкуру, выделывать её и сдать в эмирскую кладовую.

Казалось бы, ну какое отношение имеет этот сюжет к нашему советскому быту? Имеет, даже самое непосредственное: по установленному правилу в СССР все снятые с забитых животных шкуры подлежали сдаче государству за поистине символическую плату. И это требование действовало в нашем государстве до середины 50-х годов, преследуя и материальные и контрольные функции, поскольку позволяло контролировать поголовье скота и в личных хозяйствах граждан.

На этих же страницах повести, относящихся к Бухаре, читатель встретит и такой эпизод, последовавший после обращения в казну козлиной шкуры:

«...весь хор придворных поэтов пришёл в движение и начал славословие на разные голоса:

– О мудрый эмир, о мудрейший из мудрых, о умудрённый мудростью мудрых, о над мудрыми мудрый эмир!..»

Ну чем не осанна Сталину, только облачённая в восточную словесную мозаику?!

В самом деле, ко времени написания повести, поистине сонм поэтов, писателей, композиторов, художников, скульпторов, всю прислуживал Сталину. Славословил его на все лады. Порой даже словами более превосходными, чем славили мудрость бухарского эмира.

Будучи студентом литературно-сценарного факульте-

та столичного вуза, Соловьёв видел, каким путём идёт перерождение литературы, всего искусства. И это тоже отразилось в его повести.

Однако всё же в повести Леонид Васильевич, сказав такое об эмире, как бы и оправдывает его, перенося всю ответственность за творящееся в Бухаре на окружение эмира.

В повести эмир постоянно спит, а потому все дела вершит его великий визирь. Снисходительность или же непонимание, что в таком государстве как советское, по-другому и быть не может?

Кажется – заблуждение автора и вера, извечная вера в доброго царя, которого постоянно обманывают то лихие бояре, то челядь у трона.

Тем не менее эмир в повести нарисован красками, достойными кисти сатирика:

«...Он был не очень красив с виду. Лицо его, которое придворные поэты всегда сравнивали в своих стихах с полной серебристой луной, гораздо более напоминало перезрелую, вялую дыню. Тело эмира было тучным, грузным, руки коротенькие, ноги столь кривые, что даже халат не мог скрыть их уродства».

Сравним этот портрет эмира с неотретушированными фото Сталина, и наверняка придём к выводу, что некоторые физические недостатки «вождя» попали на страницы повести о каком-то там Ходже.

Следует сказать, что выведя эмира перед дворцом-крепостью и посадив его на трон, Соловьёв в эту часть повести поместил множество других эпизодов, характеризующих нравы средневековой Бухары. Но говоря о Бухаре, он видел перед собой картины своего отечества.

Вот Ходжа выручает горшечника и его дочь, суд эмира идёт своим чередом. Кто посажен на кол, а кто удостоился милости быть каз-

нённым отрубанием головы.

Как же ведёт себя во время казней эмир?

«Но стоны и крики не достигали слуха дремлющего эмира, заглушённые хором придворных льстецов, охрипших от усердия».

Опять невольно напрашивается аналогия с советской действительностью во времена «нового эмира»: крики миллионов казнённых не достигали слуха не только Сталина, но и большинства людей, так как были заглушены победными рапортами об успехах, искоренении очередных банд очередных врагов народа, славословием в адрес вождя и его окружения.

В повести вокруг гробницы старого эмира, причисленного к лику святых, кишат шпионы, готовые неосторожно брошенное слово в момент записать и донести до ушей стражи.

Старый эмир, причисленный к лику святых – не Ленин ли? А гробница его, вокруг которой кишат шпионы, не мавзолее ли Ленина, так тщательно охраняемый?

Соловьёв, живя в Москве, в большей или меньшей степени, видел нравы властей, слышал о них, и всё это в переработанном виде ложилось в канву повести.

Рассказывая о вельможах, окружавших эмира, писатель указывает, что они не замечают красоты вокруг, «ибо все мысли их заняты заботами о собственном возвышении, о предохранении от ударов со стороны врагов и о нанесении, в свою очередь, таких же ударов».

В этой повести Соловьёв вывел и образ «царя поэтов», поместив его в окружение эмира. Однако, при зрелом размышлении, вряд ли мы найдём человека, который бы в окружении Сталина носил такой титул.

Ибо это образ собирательный, равным образом

относящийся как к поэтам, так и к прозаикам.

Коснулся писатель и доблестей военных из эмирского окружения, обратив внимание на Асланбека – начальника дворцовой стражи.

Асланбек, как явствует из повести «...победил Хиву тем, что разрушил своим же войском свои же города и сёла и те ушли – делать здесь нечего».

Обращаясь к этому эпизоду, следует иметь в виду то, что творилось в СССР в период коллективизации, и всё это Соловьёв хорошо увидел как на примере европейской части страны, так и в Средней Азии. Кстати, крестьян из Средней Азии при коллективизации выселяли не только в Сибирь, как может показаться. Их переселяли в... Херсонские степи, для того, чтобы они наладили там производство риса на местных полях.

И вместе с местными, туда же попали ... украинцы, переселившиеся при царе в так называемое Семиречье из малоземельных губерний юго-западной части России. Такие вот «великие переселения».

Известно, что как раз в ответ на коллективизацию вспыхнули восстания во многих областях Советского Союза. И даже войска не всегда могли в короткие сроки справиться с восставшими.

Руководили тогда войсками, направленными с карательными целями в ту же тамбовскую губернию, нарком Ворошилов и его заместитель Тухачевский. Как раз последний непосредственно руководил войсками, подавлявшими восстание.

Может быть, как раз их имел в виду Соловьёв, с сарказмом описывая «подвиги» великого визиря и Асланбека, которые прославились разорением собственной армией собственных же сёл?

В этом же контексте все поступки и мысли Ходжи, высказанные им в эмирской Бухаре, были мыслями и поступками возмутителя спокойствия.

Однако всё это, изложенное на страницах повести-аллегии, является мыслями истинного возмутителя спокойствия – Леонида Соловьёва.

Он именно на это направил сюжет повести, передав в ней реальности советского быта, советской действительности, в которой средневековье было всё ещё живо.

Атмосфера в стране ко времени создания «Возмутителя спокойствия» накалилась до предела. Процессы над «врагами народа» шли уже один за другим, чем общество удерживалось в состоянии постоянного напряжения и отвлекалось от тех ужасающих условий жизни, в которых вынужден был жить народ самого богатого государства мира. Неизбежно и на самом себе испытал это давление Соловьёв.

Он видел, как пропадают в недрах Лубянки многие знаковые литераторы, у которых он учился. Те же Наседкин, Макаров, Корнилов, Смеляков, обруганные А.М. Горьким. Следом пошли и другие поэты и писатели.

Ощущал автор «Возмутителя спокойствия» и давление органов НКВД, делавших свою чёрную работу, усердно уничтожая с жестокостью завоевателя свой собственный народ.

Леониду Соловьёву, воспитанному в интеллигентной семье, были глубоко противны сами методы этого ведомства, построенные на доносах, слежке, подглядывании, перлюстрации писем. Делали это люди, которые в повести обозначены одним словом – «шпионы».

Издётся ждёт сценарисправы над таким «шпионом» перед эмирским дворцом,

инспирированная слугами эмира. Чтобы порок, так сказать, был наказан.

Ходжа наслаждается видами прекрасного утра на благословенной бухарской земле – пушистыми облаками, изразцами минаретов, мокрыми от утренней росы листьями, водой, травой, цветами, даже простым булыжником, пчелой, усевшейся на кувшине. И всё же в этой идиллии писатель не забывает своей роли повествователя и сообщает, что всё же шпион неисправим, как неисправима порода людей, владеющих этим ремеслом. Неисправим потому, что «...гнилому не дано стать цветущим и свежим, зловоние не может превратиться в благоухание», и в этом, предупреждает писатель, вскоре сможет убедиться Ходжа Насреддин.

В этом месте автор вводит философские размышления своего героя. Какова же самая заветная мечта Ходжи?

«...мечта о мире, в котором все люди будут жить как братья, не зная ни алчности, ни зависти, ни корысти, ни злобы, помогая друг другу в беде и разделяя радость каждого как общую радость».

Ну, кто же не мечтал и не мечтает о таком обществе? Только где же оно, такое государство, такая благословенная земля?!

Вспомним о том, что повесть создана в социалистическом обществе. Так неужели и здесь нет всего того, о чём так мечтает средневековый Ходжа Насреддин? Тем более, что в 1936 г. уже принята самая справедливая и совершенная «сталинская» Конституция, закрепившая победу социализма в СССР. Полностью и окончательно. Так в чём же сомнения Л.Соловьёва?

«...мечтая о таком счастливом мире, он с горечью видел, что люди живут неправильно, угнетают

и поработают друг друга и оскверняют души всяческой мерзостью».

Это и эмир, приказывающий через визиря казнить, и сам визирь, и те, кто отрубает головы и сажает на кол, кто сочиняет доносы или же шпионит за ближним.

При этом страдает масса невинных людей, казнимых и пытаемых.

Эмир приказывает казнить 60 человек за то, что они якобы укрывали Ходжу Насреддина. Но из повествования известно, что его ведь никто не укрывал. Значит и на этот раз рубят головы невинным? Да. Таковы порядки в «благословенной Бухаре». Но не так ли, повторимся, обстояло дело в тот период в Советском Союзе? Ведь и тогда людей расстреливали сотнями тысяч за грехи, ими не допущенные.

Причём, приказывая отрубить голову горшечнику Ниязу, эмир требует чтобы остальные смотрели на это, ожидая своей участи, «казнь же их и будет определена эмиром позже».

Ну чем не репрессивный механизм НКВД? Одних расстреливают, других нет, но направляют в лагеря, чем дают возможность самим избрать казнь для себя: от голода и цинги, ножа уголовника или упавшего дерева, воспаления лёгких или самоповешения. Набор достаточно широкий. И его уже знал Соловьёв из широкого обсуждения всего этого среди людей. И ему было уже понятно выражение «десять лет без права переписки».

Словом, на какой странице ни откроешь «Возмутителя спокойствия», везде под средневековыми сюжетами далёкой Бухары спотыкаешься о современность 30-х годов XX века.

Зная о работе органов НКВД в то время, совсем по-другому читаешь страницы повести, посвящённые

жизни Ходжи Насреддина. Его путешествие в завязанном мешке к водоёму в центре Бухары так и просится в канву рассказа о методах работы НКВД, двуличности его сотрудников, их алчности и продажности.

Причём сами же стражники смеются над тем, как распутник всё время говорит о благочестии. То есть пороки системы видны даже самим слугам этой системы. Но кто же из них выйдет из неё, если после этого будет немедленно брошен в зиндан, то есть в тюрьму НКВД.

После прочтения 37-й главы «Возмутителя спокойствия», создаётся впечатление обрванности повествования. Видимо поэтому следующую главу Л.Соловьёв называет длинно и исчерпывающе: «Глава тридцать восьмая, которая могла бы послужить началом для новой книги».

Значит у писателя уже складывался план следующей книги о Ходже Насреддине. Однако что же удерживало его от написания этого продолжения?

Вчитаемся в эту заключительную главу «Возмутителя спокойствия»: «...не следует человеку рассказывать о том, чему он сам не был свидетелем, и описывать страны, которых не видел. Этими словами мы и закончим в нашем повествовании последнюю главу, которая могла бы послужить началом новой книги о дальнейших похождениях несравненного и бесподобного Ходжи Насреддина в Стамбуле, Багдаде, Тегеране, Дамаске и во многих других прославленных городах...».

Что же видел писатель? «Я совершил семь путешествий и про каждое путешествие есть удивительный рассказ...».

Не была ли это заявка на то, что следующие книги о

Ходже Насреддине проведут автора по улицам Багдада, Тегерана, Дамаска, Стамбула, по тому же Самарканду и Хиве?

Может быть, Соловьёв сам хотел посмотреть эти города, мечтал о них?

Однако, как мы знаем, потом Ходжа смог пойти только в Коканд и опять же в Бухару. Других путешествий, с помощью автора, он так и не совершил. Причины известны: сначала война, потом Дубравлаг, которому на смену пришёл Камышлаг. Вот какие путешествия совершил Леонид Соловьёв.

III. РАЗОЧАРОВАННЫЙ ХУДОЖНИК

Пришла пора поговорить об «Очарованном страннике» Соловьёва, эпиграфом к которому он избрал такие строки Саади: «Много странствовал я в разных краях земли; я побывал в гостях у многих народов и срывал по колоску с каждой нивы, ибо лучше ходить босиком, чем в тесной обуви, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома...

И ещё скажу: на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь, — друг, — прошлогодний календарь не годится сегодня!...»

Что касается путешествий писателя после ареста и осуждения, то они действительно были. Побывал он сначала в Мордовии, а потом этапом его две недели везли до Омска.

За время нахождения в тюрьмах, на пересылках и в лагерях он встречался со многими народами. Не только с теми, кто проживал в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. И с востока, и с запада.

Рядом с ним в лагерях были чехи, румыны, немцы, японцы, китайцы, англичане, венгры и несть числа и названия народам, которые были узниками ГУЛАГа.

И повесть «Очарованный принц», как нам кажется, вобрала в свою сюжетную ткань всё, что видел в этих «путешествиях» писатель за свои 8 лет тюрем и лагерей.

Только если в «Возмутителе спокойствия» от стралиц веет оптимизмом, то в «Очарованном принце» Ходжу Насреддина водит человек с саркастически-

трагической улыбкой на лице. И каждая страница новой повести дышит аллегорией, питается ею, живёт ею. На этом приёме и построена повесть.

Прошедший все круги ада тюрем и лагерей, Соловьёв избавляется от чувства преклонения перед вождём, глубоко размышляет над причинами случившегося как с ним, так и со страной, с миллионами таких же как он. И в его новой повести читатель найдёт и объяснение того, что он не сумел сказать. Хотел, а не мог. Потому писатель постоянно как бы объясняется с читателем.

Такими вот, скажем, словами:

«...В те далёкие годы нередко случалось, что иной мудрец сеял в своей книге семена богатства и почёта, но пожинал – уввы! – одни неисчислимы бедствия. По этой причине мудрецы были крайне осторожны в словах и мыслях, что видно на примере благочестивейшего Мухаммада Расуля ибн-Мансура: переселившись в Дамаск, он приступил к сочинению книги «Сокровища доверительных» и уже дошёл до жизни многогрешного визиря Абу Исхака, когда вдруг узнал, что дамаский градоначальник – прямой потомок этого визиря по материнской линии. «Да будет благословен аллах, вовремя ниспославший мне эту весть!» – воскликнул мудрец, тут же отсчитал десять чистых страниц и на каждой написал только: «Во избежание», – после чего сразу перешёл к истории другого визиря, могущественные потомки которого проживали далеко от Дамаска. Благодаря такой дальновидности указанный мудрец прожил в Дамаске без потрясений ещё много лет и даже сумел умереть своей смертью, не будучи вынужденным вступить на загробный мост, неся

перед собой в руках собственную голову, наподобие фонаря...».

С высоты сегодняшнего познания истории нашей многострадальной страны, можно найти в этом отрывке из второй повести Леонида Соловьёва «Очарованный принц», являющейся продолжением «Похождений Ходжи Насреддина», многие аналогии как в собственном бытии писателя, так и в судьбе и творчестве многих поэтов и писателей Советского Союза.

Действительно, мы читали книги мудрецов – вождей и писателей, учились по ним, но жизнь почему-то не шла от этого, как там было написано.

Мудрецы, которых мы называли многие десятилетия «основоположниками», сеяли вроде бы в своих книгах алмазы, а когда мы их подбирали, то оказывалось, что это попросту бутылочные осколки.

А мысли мудрецов этих с такой силой пропагандировались и такими методами насаждались, что мы поверили – да алмазы ведь! И только враг видит в них бутылочные осколки. А от такого понимания в землях русских произошли ужасные и неисчислимы бедствия.

Именно об этом и говорит Л.Соловьёв в предисловии к этой повести, хотя ни единым словом не раскрывает кто же эти мудрецы, сеявшие семена богатства и почёта, которые вошли разрушением и нищетой. Но анализируя сами приёмы творчества этого писателя, понятно, что он имел в виду «основоположников», портреты которых «по четыре вряд», выстраивались на всех плакатах и в каждом мало-мальски солидном учреждении.

Конечно же, Мухаммада Расуля ибн-Мансура в при-

роде не существует, однако за него Леонид Соловьёв ловко упрятал самого себя. Более того, он переселил Расуля аж в Дамаск! Не указав, разумеется, причины этого. Но, как видим, Расуль пишет книгу «Сокровища добродетельных».

Проведённые автором исследования рукописей Л.Соловьёва, позволяют сделать вывод, что во время нахождения в Дубравлаге, он работал над «Очарованным принцем». Ну а Дамаск? Так ведь название Дубравлаг тоже начинается с этой же буквы!

Прежде всего, в пользу этого говорит тот факт, что окончание повести Л.Соловьёв относит к 1954 году. Между тем, он освобождён из Камышлага только 23 июня 1954 г.

Одесский журналист М.Григорьев, отбывавший наказание в Дубравлаге вместе с Л.В. Соловьёвым в 1948–52 гг., указывает в своих воспоминаниях, что автор «Возмутителя спокойствия» в лагере сочинял стихи, но никуда их не записывал, а заучивал наизусть. Эту повесть Соловьёва Григорьев почему-то упорно называет «Хафиз».

Правда в «Очарованном принце» есть стихи, правда они посвящены покровителю детей Турахону. Тем не менее, свидетельство Григорьева о лагерном периоде в жизни Л.Соловьёва не стоит игнорировать.

Более того, Григорьев так рассказывает о своих вечерних посиделках в Дубравлаге с писателем:

«...в один из таких вечеров Леонид Васильевич сказал: – Я так и не оставил за воротами лагеря надежды на освобождение. Как не оставил надежду закончить вторую книгу о Ходже Насреддине. И мне нынешнее положение полезно. В этом Дантовом аду, в этой

многоликой массе зека, я имею возможность изучать людей. Сюда собрали из всей нашей необъятной страны колхозников, рабочих, интеллигенцию, блатных, политических, подонков, священников.

Здесь рядом русские, украинцы, белорусы, туркмены, персы, австрияки, мадьяры, евреи, монголы, японцы, поляки, финны, грузины... И все здесь как в бане. Без всяких побрякушек, что были на них на свободе...».

Однако лагерь не лучшее место для творчества, тем более что даже крохотный клочочек бумаги вызывает гнев начальства и немедленно изымается. В этих условиях писатель должен был соблюдать особую осторожность и никому не показывать свои записи. Если же они велись, то должны были быть спрятаны в надёжном месте и, на случай изъятия, не содержать какой-либо «крамолы».

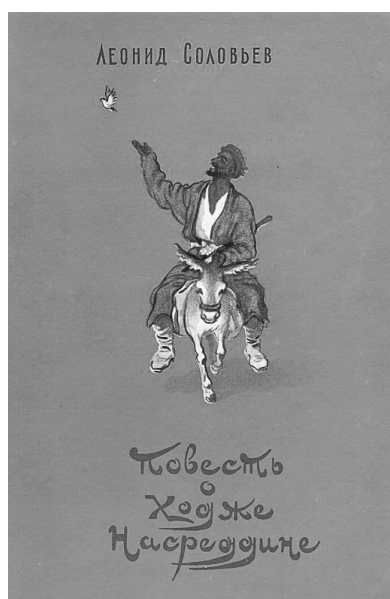
Понимая всё это, Соловьёв и сочинил, по всей видимости, такое двусмысленное предупреждение к повести. Дескать, речь не обо мне, а о безвестном Расуле и живёт он далеко – аж в самом Дамаске. Но эта ссылка и предупреждение писателя – читай внимательно, взглядишь в повествование как следует! Ну а уж для совсем непредвиденного случая, ещё более двусмысленное предупреждение. В виде двух слов на десятке чистых листов: «Во избежание».

Понятно во избежание чего – обыска и изъятия рукописи, и для предупреждения читателя, чтобы он своей фантазией смог вникнуть в смысл повествования и в глубине строк увидеть всё то, что туда вложил писатель.

В этот же контекст укладывается и рассуждение Расуля о причине пропу-

ска повествования о жизни многогрешного визиря Абу Исхака.

Известно, что «кумом» в лагерях называют оперуполномоченного, занимающегося оперативной работой среди заключённых и опекающего «стукачей» из их числа. Отсюда понятно, какой смысл вкладывал Л.Соловьёв в выражение, что здешний, т.е. дамасский градоначальник – прямой потомок многогрешного ви-

зиря Абу Исхака. То есть здешний «кум» – прямой потомок того, кто сидит далеко и надо опасаться как одного, так и другого. Поэтому я и пропускаю в книге десять листов.

Символично и то, что новая книга о Ходже Насреддине называется также двумя словами, как и книга Расуля ибн-Мансура и оба названия – в одном музыкальном, как говорится, ряду. Вслушаемся: «Сокровище добродетели» – «Очарованный принц».

И уж совсем понятен смысл фраз предупреждения к этой повести, где говорится о судьбе Мухаммада Расуля, который был столь предусмотрителен, что умер

своей смертью и он не вынужден был, вступая в загробный мир, нести свою отрубленную за прегрешения перед эмиром, голову.

Ранее уже говорилось, что до войны многих писателей, с которыми дружил Л.Соловьёв, постигла трагическая участь: основная масса была расстреляна, многие отправлены в лагерь, где значительная часть умерла. Л.Соловьёв как бы хотел сказать, что в своём творчестве он избрал историческую тематику не зря. Хотелось написать о дне сегодняшнем, но предусмотрительность помогла сделать выбор.

Начиная новую повесть о Ходже Насреддине Л.Соловьёв замечает что: «Книги молчат о Ходже Насреддине. Тяжёлый камень запрета лежал в те годы на его имени. Так повелели могущественные властители... в надежде отомстить ему хотя бы в последующих веках, лишив его посмертной славы. Но спросим: удалось ли им достичь своей цели?.. нет. Ибо есть одна книга, над которой не властны каллифы: память народа...».

Здесь опять видна биография самого Соловьёва.

После осуждения его особым совещанием в 1947 г. повесть «Возмутитель спокойствия» не изъята из библиотек, даже продолжали поступать гонорары за постановку повести «Ходжа Насреддин», что позволило Л.Соловьёву оказывать помощь престарелому отцу, проживающему к тому времени в Ставрополе.

Однако это продолжалось только до 1950 г., когда судебные инстанции обратились к секретарю Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкину с ходатайством о лишении Л.В. Соловьёва ордена Отечественной войны, которым он награждён в 1944 г. Одновременно

направлен запрос во Всесоюзное управление по охране авторских прав Союза писателей СССР о проверке всех произведений писателя «на предмет их идеологической выдержанности».

Распоряжением Главлита в феврале 1952 г. постановка «Ходжи Насреддина» запрещена, книги писателя изъяты из продажи и из библиотек.

Как видим, это обстоятельство тоже нашло отражение в «Очарованном принце». И понятно, кого имел в виду Л.Соловьёв под «могущественными властителями», которые запретили его книгу и пьесу. Но эти запреты ничего не дали, ибо Ходжа Насреддин уже стал народным героем, раз его знали даже те, кто содержался в лагерях. И эта книга, оставшаяся в памяти народа, давала силы писателю работать даже в лагере над её продолжением.

И это продолжение имеет такое символическое вступление: «Облачившись в халат усердия и вооружившись посохом терпения, мы посетили все эти места. Мы ночевали под многими кровлями, грелись у многих костров, беседовали о Ходже Насреддине со многими людьми, судьба благоприятствовала нам в поисках...».

За время войны и пребывания в лагерях писатель действительно ночевал под многими кровлями и грелся у многих костров. Но если во время войны путешествия были определены прежде всего долгом военачемника, то теперь перемена крыш и костров совершенно не находилась во власти писателя, ставшего одним из многих миллионов узников ГУЛАГа.

Писатель замечает, что судьба «благоприятствовала ему в поисках» новых образов, новых характеров.

И снова сквозь эти слова так и сквозит горькая ирония: поневоле такая судьба благоприятствует в этих поисках, только бы она была более милостива!

Местом действия «Очарованного странника» избран древний Ходжент. И это понятно: герой ведь обретается на востоке. Ну а что остальное в повести – отражение жизненных реалий.

В Дубравлаге Леонид Соловьёв несколько лет находился на 7-м лагпункте, в котором были собраны наиболее немощные и старые зеки. Лагпункт был буквально наполнен стариками, постоянно кашляющих и еле волочащих ноги.

Что же касается «чалмоносности» ходжентских стариков, то следует иметь в виду одну особенность востока: чалму носили наиболее уважаемые и мудрые старики, совершившие хадж – путешествие к святым местам Востока и потому имеющие право прибавить к имени это возделенное слово «Ходжа». То есть совершивший это путешествие – хадж.

И в этом лагпункте Дубравлага действительно были собраны уважаемые и высокообразованные старики. Достаточно назвать митрополита Харбинского Нестора, микробиолога Гроссе, инженера-конструктора КВЖД фон Барса, старого революционера Полонского, иконописца Пьянышева, журналиста Н.И. Лебедева, профессора Шемпонара...

Эти старики совершили не одно путешествие и по Востоку, и по Западу. Своего роля хадж. Много видели, много пережили. Это было поистине скопление чалмоносных стариков в одном городе, только город назывался не Ходжентом, а 7-м отделением Дубравлага.

Как и земля, которой они отдавали свой прах, была не жёлтой – ходжентской,

а серой – мордовской. И съехались туда старики не сговариваясь, и не только со всего мусульманского мира. Они все попали под каток сталинских репрессий и были брошены доживать век в лагерях.

Таковы факты из биографии Л.Соловьёва, и они ложатся горькими строками в канву «Очарованного принца».

На страницах этой удивительной повести есть персонаж – глуховатый нищий, раз в год могущий быть слышащим и говорившим. Он назвал Ходжу Насреддин по имени и добавил, что видел его в Бухаре и Самарканде.

Насреддин же достаточно насмотрелся на козни властей и потому, когда нищий заявляет о своей принадлежности к обществу Постигающих, подозрительно спрашивает: «...а не из тайного ли общества Молчащих и Постигающих или Подслушивающих, Подматривающих и Выслеживающих?...»

И эта подозрительность объяснима собственной жизнью писателя, так как он тоже претерпел от тайной полиции, получившей после войны название МГБ.

Это действительно тайное общество таинственно и многозначительно молчащих, но зато всё и везде постигающих, подслушивающих и выслеживающих. Они выследили и Л.Соловьёва.

Убедившись же, что перед ним не эмирский соглядатай, Ходжа выслушивает нищего, правда временами он засыпает, пользуясь темнотой обители этого представителя «общества Постигающих».

Так и хочется сказать: а не во время ли очередных политзанятий, когда талдычат очередное «откровение», происходит исповедь и рассказ нищего? Не они ли навевают такую скуку,

что впору уснуть, дабы сохранить ясность рассудка. Ходжа так и делает, справедливо полагая – если есть в рассказе нищего рациональное зерно, то разум сам разбудит хозяина.

Символичен и диалог между этим странным нищим и Насреддином на тему веры:

– ...познал ли ты уже свою веру? – спрашивает нищий у Ходжи.

– Свою веру? ... Я знал её с детских лет. Ислам – вот моя вера, хотя, должен признаться, что частенько против неё грешу.

– Это общая вера... Я спрашиваю о твоей частной вере, для тебя.

– Стамбул следствий, Багдад сомнений и Дамаск отрицаний...».

Какой веры может быть Ходжа? Конечно же, только мусульманской. И об этом даже не надо спрашивать нищему. Достаточно посмотреть на белую чалму Насреддина, означающую, что этот человек совершил хадж к святым мусульманским местам, чтобы вопрос сам собой отпал.

Но, как видим, нищий всё же спрашивает о вере самого Ходжу.

Какую же веру знает сам автор повести?

Разумеется, учение марксизма-ленинизма, как и все советские люди. Вот наша вера! И это единственная вера, хотя против неё, признаётся Ходжа – писатель Соловьёв, приходится грешить и довольно часто. Значит это уже не вера, раз против неё можно грешить и не испытывать никаких мук совести.

Что же осталось в душе? Вот это неопределённое и туманное: – Стамбул следствий, Багдад сомнений и Дамаск отрицаний.

И это не просто перечисление городов с прибавлением

философских категорий. За ними точный расчёт автора и реалии лагерного быта, выстроенные в философскую схему с тремя городами.

Прежде всего среди названных городов самый большой – Стамбул. Значит в вере для себя у Ходжи больше следствий, то есть того, что уже с ним случилось.

Дальше, по порядку, два других города с числом жителей поменьше: Багдад сомнений. Сомнений прежде всего в том, что же будет дальше и всё ли случившееся закончится благополучно.

Дамаск отрицаний – название этого города в пользу того, что лагерь может закончиться смертью, что случилось со многими стариками в 7-м лагпункте. Даже до отбытия срока, словом – отрицания равны Дамаску.

Сама же схема не навеяна ли философствованиями профессора Шемпаньера в зоне 7-го лагпункта Дубравлага?

По воспоминаниям М.Григорьева, этот когда-то видный мужчина в зоне превратился в худого, унылого, с помутневшим взором старца, чем-то внешне напоминающего картинного Дон-Кихота. Лагерного питания ему явно не хватало. Однажды экспромтом Шемпаньер придумал способ подзаработать пайку хлеба, вызвавшись прочитать лекцию об атомной энергии. Это как раз после сообщения ТАСС об испытаниях первой в СССР атомной бомбы в 1949 г.

Дальше же, по запискам М.Григорьева, события на этой «лекции» разворачивались так:

– Прежде чем приступить к лекции, я хочу вас предупредить, что для наглядного эксперимента, мне необходимо четыре хлебные пайки, – объявил профессор.

После некоторого замешательства и шушуканья, присутствующие общими усилиями собрали эти четыре куска хлеба и положили перед лектором.

Профессор положил пайки на стол, правда, не четыре, а три.

– Попрошу вас вообразить, что это три великие державы, обладающие секретом расщепления атома..

Тотчас, после этих слов, глотая голодную слюну и глядя на хлеб безумными глазами, профессор ловкими движениями рук сгрёб все три хлебные пайки со стола, распихал их по карманам и, как ни в чём не бывало, с торжественной дрожью в голосе сообщил:

– Итак, господа, вам известно, что от похищения огня Прометеем до практического применения пылающего пламени прошёл довольно долгий период времени, измеряемый сотнями лет... Но с момента расщепления атома и появления первых водородных бомб пройдут не столетия, а всего лишь несколько, не более полутора десятков лет, и тогда человечество...

Дальше профессор наскоро пересказал содержание какой-то брошюры на эту тему и, слегка наклонив голову, сказал:

– Я кончил, господа!

Не один такой вот эпизод из лагерной жизни трансформировался в задуманный сюжет, получив жизнь на страницах «Очарованного принца».

В лагере содержались люди самых разных религий, в том числе и индуистской, покоящейся на том, что человек как до рождения, так и после смерти, может быть птицей, животным или растением.

В связи с этим любопытно прочитать в этой повести Соловьёва такие строки,

приписанные дервишу из общества Постигающих.

Нищий просит Ходжу, перед тем как лечь на погребальные носилки, произнести:

– Спаси меня от возвращения в первоначальное состояние, в котором я уже был в незапамятные времена.

Чем не вера дервиша, сформулированная Соловьёвым, за которой наверняка стоит судьба какого-то заключённого именно этой веры, которую бедолага посмел отстаивать, как последнее убежище своей души?

Не менее любопытно и то, что царствие земное дервиш обещал Ходже не раньше чем «через тысяч пятьсот лет». А ведь Ходже хочется «скорее навести порядок в этом доме».

Потому, услышав пророчества мудрого дервиша, Ходж сокрушённо восклицает: – Пятьсот тысяч лет! Умственный взор теряется в этой необозначимости...

Эта часть повести словно даёт ответ на мудрствования как тогдашних, так и нынешних последователей «самого передового учения»: мир подлежит совершенству, но никак не в такие строки, как вы думали сами и силой убеждали в это поверить людей.

Ну а поскольку Ходжа, как он сам говорит, с детства воспитан в этой вере, то он сражён этой новостью, сообщённой мудрым нищим, постигающим мир своим умом, а не умом каких-то там мудрецов. И всё же Ходжа никак не хочет верить, что царствие земное теряется в необозримости времени.

Дервиш возвратил Ходжу на ходжентскую землю и тем самым как бы сказал: твори добро вокруг себя сейчас, без заглядывания в мир далёкий. Вот бы заглянуть в те времена хоть одним кривоватым дервишским

взглядом, – как бы сказал в этом случае Насреддин.

Заметим, что в «Очарованном принце», в отличие от «Возмутителя спокойствия», больше внимания уделено и описанию природы. Будь то цветение деревьев или пора полива земли, восход ли солнца или ночной луны.

Может быть, сказывается возраст писателя? Ему ведь уже к 50. Но главное, как нам кажется, страдания человека, лишённого свободы, до предела обостряют чувства к природе, её проявлениям. Чего на свободе вроде и не замечаешь.

На 7-м лагпункте Л.Соловьёв, как уже говорилось, работал кочеваром печи для обжига кирпича. Печь горела круглосуточно. По ночам утихомиривалась лагерная администрация и лагерные «придурки». Можно было хоть на несколько часов побыть самим собой. Не из этих ли ночных часов в повести появились такие строки:

«...однажды ночью Ходжа Насреддин... вышел в свой маленький садик – и замер в восхищении. Земля была в голубом тумане, а тёмно-прозрачный воздух над нею весь гудёт и стонал, наполненный призывным гоготанием гусей. Вольные птицы летели на север...».

Именно только вольные птицы и могли лететь куда хотят и когда зов природы позвал. С какой же тоской слушал их крики писатель, уже находящийся в лагерях больше семи лет?!

Ну а некоторые сюжеты, описанные Ходжей и показывающие результаты его «общения» с властью, точно списаны с того, что было с писателем после ареста.

Так сцена избиения Ходжи в чайхане могла быть рождена после допросов Л.Соловьёва на Лубянке. Уж очень точные подробности

описаны в этом избиении, когда, как говорится, семеро на одного.

А уж слова старика в этой чайхане, когда он Ходже жалуется на власти: «...если бы ты знал наших добродетельных правителей, этих кровопийц...». Но, словно споткнувшись, старик добавляет: «...То есть этих светочей справедливости».

Двуличие ходжентцев Ходжа видел везде. Оно его поражало. Вызывало неприязнь к власти, для которой человек – не больше муравья и убить его можно с такой же лёгкостью, как прихлопнуть комара или мошку на щеке.

И каким же сарказмом дышит поправка старика о «светочах справедливости»! Между прочим, такие слова свойственны не только традиционному восточному раболепству.

Стоит только открыть газеты эпохи Сталина, и на каждой странице – целые гроздья славословий в адрес вождя. Оставляя далеко позади лесть в адрес эмиров и ханов.

Восьмилетнее пребывание Леонида Соловьёва в лагерях и тюрьмах придало совершенно другое звучание его лире. Она стала трагичнее, за каждым словом – сарказм и за каждым словом – глубинное содержание. Уничижительность сквозит в каждом выражении не только Ходжи, но и его собеседников.

Потому у гробницы святого Турахона дервиш утверждает:

«– Ничего не иметь, ничего не жалеть, ни к чему не стремиться, ничего не бояться, а меньше всего телесной смерти... Как же иначе жить в скорбном мире, где ложь громоздится на ложь, где все клянутся, что хотят помочь друг другу, но помогают только умирать...»

Перед нами не выписка из канонов какой-то секты дервишей, а кодекс заключённого советского лагеря. Причём ещё сдобренный несколькими аллегорическими словами.

Узнав эти законы, Л.Соловьёв счёл необходимым поместить их в повесть. От себя писатель только придал им философское звучание через речь Ходжи. И предупредил его же словами, что без соблюдения этих законов просто не выжить.

Под «миром», Соловьёв наверняка разумел не только зону 7-го лагпункта, не только весь архипелаг ГУЛАГа, но и всю страну, называемую Советским Союзом. Где действительно ложь громоздилась и растекалась от края и до края. Во всех сферах общества и по любому поводу.

В этих условиях человеку можно себя утешить только тем, что «...в нём есть ещё и внутренняя, духовная жизнь – единственное наше достояние, над которым не властен никто. Человек должен выбирать между пожизненным рабством и свободой...».

Как бы подводя итог своему рассуждению о бренности жизни человека в несвободном государстве, Ходжа добавляет:

«...но ведь любой покойник ещё свободнее, чем ты, ибо ему вовсе уже ничего не нужно от жизни, даже глотка воды!»

Тоже ведь мысль, выведенная и культивируемая в зонах и лагерях.

Что это именно так, и именно в этом направлении работала мысль Л.Соловьёва, опять же соплёмся на воспоминания М.Григорьева:

«Самым старым среди нас был Н.И. Лебедев. Может быть, поэтому он и допуская всяческие вы-

сказывания по адресу администрации.

Действительно – 75 лет, это возраст уже настолько солидный, что из лагеря вряд ли сможет выйти. Только в гробу вывезут.

Л.В. Соловьёв предложил нам мысленно начертить диаграмму жизни и смерти и получила она, в его изложении, такой:

– Вы, Николай Иванович, – сказал он, обращаясь к Лебедеву, – занимаете первое место. Вполне понятно почему: преклонный возраст, слабое состояние здоровья. Второе – Никитин. За ним – Григорьев, – он указал на меня. – Замыкающими будут Петя Чернобай и я. Следовательно, самый счастливый среди нас Николай Иванович. Ему недолго осталось мучиться в Дубравлаг...».

В лагерях Л.Соловьёв видел многие тысячи людей с самими разными политическими пристрастиями, которые не смогли снивелировать даже неволя. И, что самое главное, люди эти рассуждали, раздумывали не только о том, по каким причинам они оказались за колючей проволокой, но и о причинах падения и обнищания некогда богатого и процветающего государства. Рассуждения эти так или иначе входили в повесть. Вот в таком, например, виде:

«– От холода, ветра, дождя люди защищаются стенами, от жестокой правды – различными выдумками...».

Ладно бы это сделал один человек, но это делалось всеми и во всём масштабе государства. Нemoшь и неспособность властей дать достойное существование народу обращалось в изобретение всевозможных «врагов народа». И так – не годами – десятилетиями.

Причём дервиш, а не человек, может сделать выбор. Он – свободнее в выборе.

От человека требуют быть дервишем. То есть «ничего не желать, ни к чему не стремиться, ничего не бояться, а меньше всего телесной смерти». И закон лагеря стал законом жизни целого государства. Вот в чём трагедия, описанная в повести Л.Соловьёва.

Читатель, даже читатель конца 50-х, мог и должен был задуматься над своей жизнью. Сопоставить её с теми лозунгами, которые он видел ежедневно и еже часно в любом уголке обширной страны. И именно эту задачу ставил перед собой Л.Соловьёв, создавая книгу о Ходже Насреддине.

Те реалии советской жизни, которые использованы в повести, побуждают ум людей, заставляют их думать и делать выводы из виденного и слышанного.

Вот ещё одна «реальность» из «Очарованного принца».

Ходжа Насреддин и одноклазый вор приехали в Коканд. «По мере их продвижения в глубину города всё больше попадалось им на пути стражников разных типов. Стражники снова ли по улицам, площадям и переулкам, торчали на каждом углу. Ворами действительно нечего было делать в Коканде».

Но при виде такого порядка Ходжа Насреддин невольно воскликнул:

«Но во сколько же обходится бедным кокандцам вся эта начальственная орава?.. Никакие воровы, даже за сто лет непрерывного воровства, не смогли бы нанести им таких убытков!»

И действительно, после войны, когда страна изнемогала, вытаскивая себя из руин, стремительно рос аппарат принуждения, в том числе МГБ. И этот аппарат, как саранча, объедал государственный стебель и он хирел. Не мог как следует

накормить собственных же граждан. В 1947 г. в стране снова разразился голод. Его, естественно, списали на засуху. Хотя причина то в условиях не погодных, а общественных: вместо того, чтобы дать людям свободу, над ними ставили всё новых и новых надсмотрщиков, чтобы контролировать, по Ленину, «меру труда и меру потребления». Да разве безболезненно может государство прокормить всю эту ораву, не разорив себя?

Ходжа Насреддин сочувствует кокандцам, назвавшим свой город «Коканди-Лятиф», то есть весёлый, приятный.

Сочувствует потому, что город-то стал уже и не весёлым, и не таким уж приятным. Так он в последние годы помрачнел и притих «под тяжёлой десницей хана».

Если в годы войны советские люди почувствовали хоть какие-то дуновения свободы, то после её окончания снова начались довоенные строгости. И перед нами отнюдь не кокандская история, а советская. Всевластие хана – Сталина распространялось над всем и всеми с новой силой. Кажется, даже во сне люди были под бдительным надзором его стражи.

«От своих вельмож хан требовал такого же целомудрия, от жителей – благочестия. Коканд был полон стражников и шпионов».

Ну чем не страна сталинская?!

«То и дело оглашались новые запреты с новыми угрозами. Как раз на днях вышел фирман о прелюбодеяниях, по которому неверные жёны подлежали наказанию плетями, а мужчины – лишению своего естества под ножами лекарей; много было и других фирманов, подобных этому; каждый кокандец жил словно сплетениями тысячи нитей

с подвешенными к ним колокольчиками: как ни остерегайся, всё равно заденешь какую-нибудь ниточку и раздастся тихий зловещий звон, чреватый многими бедами...».

Запретов послевоенная сталинская эпоха родила много. Здесь и запрет гражданам СССР – мужчинам, вступать в брак с иностранцами. И новый закон о «колосках», с угрозой 25-летним заключением. Запрет аборт и усиление ответственности за их производство. Несчастливая женщина становилась перед выбором – или рожать, оглашая свою неверность, или пойти на криминальный аборт, со всеми вытекающими последствиями.

Мужчинам оставалось одно – самим себя оскотплить.

Таковы гримасы истории. Нашей истории. Только замаскированной Л.Соловьёвым под историю кокандцев.

Советский человек действительно жил в постоянном страхе от всевозможных доносчиков и репрессий не только на себя. Но и на своих близких. Причём все эти «нити с колокольчиками» были подвешены в самых неожиданных местах: не хлопал на собрании словам очередного неуча о бессмертности Сталина – вынашивает террористические цели; хлопает – двуличен и таким способом хочет показать свою лояльность к советской власти... Можно перечислять и перечислять. Постоянно в ушах советского человека, кем бы он ни был, звенел колокольчик, зловец обещая беды. И они приходили немедленно. В масштабах, сопоставимых по массовости и жестокости с довоенными.

В таком государстве даже добрые поступки людей получают совершенно другую окраску.

Вот Ходжа Насреддин на базаре предлагает выпустить птицелову на волю несколько птичек.

А как эти его слова переворачивает приближённый к хану вельможа с медалями: «...слова «выпускал на волю» он произнёс искривив губы, с брезгливым отвращением к их смыслу», точно подмечено, ибо сами эти слова «выпустить на свободу» считались крамолой: ведь они не укладывались в известную банальность: «свобода – это осознанная необходимость».

И далее с сарказмом Л.Соловьёв добавляет к сказанному слова вельможи:

«– Давно пора запретить все эти «выпускания на волю»... все эти обычаи, позорящие мой народ!».

Окончательно понятно, что разговор идёт не о кокандской власти, а о власти в Советском Союзе, где эта власть свою основную миссию видит не в даровании народу свободы, а в избавлении от неё народа.

И как ни упорно Л.Соловьёв уверяет читателя, что всё действие с главным героем, его приключения происходят в Коканде, даже при первом чтении понимаешь – это Москва.

Скажем, такая запоминающаяся деталь: оказывается к кокандскому хану вельможи ходят на доклад по ночам. Причина этого? «Таков был заведённый ханом порядок; могут подумывать, что повелителю не хватало дневного времени – вовсе не так; он просто боялся оставаться по ночам один, так как издавна подвержен приступам внезапного удушья».

Кому в Москве докладывали по ночам все московские вельможи, теперь известно. И что этот человек, принимавший такие ночные доклады, мог спать только при свете дня, заправляя

шестой частью мира, тоже известно.

Как видим, даже такую деталь советского быта Л.Соловьёв использовал в своей повести. Правда, он постарался замаскировать причины ночной бессонницы Сталина, превратив её из психической в биологическую. Но персонаж узнаваем доподлинно.

О чём же по ночам докладывают хану вельможи?

Так, в одном из докладов, что попал на страницы «Очарованного принца», фигурирует сообщение о «старом и заслуженном воине Ядгарбеке». И выясняется такой грех, грех непростительный, этого старого воина: «Ядгарбек подвержен прелюбодеянию, так как живёт с женщиной, муж которой вовсе не погиб с караваном на пути в Индию, а продан в рабство в Пешавар».

Не напоминает ли этот доклад реляции «железного наркома Ежова» Сталину в 1937 г., когда решалась судьба всех заслуженных людей армии, да и государства тоже? Ведь эти люди обвинены в самых страшных преступлениях, обвинены облыжно, бессмысленно и так чудовищно, что это сейчас отказывается понимать каждый здравомыслящий человек.

Разве может быть старый человек прелюбодеем? Ему бы думать о Боге, о месте, по которому он пойдёт в Вечность, но никак не о девах юных.

И где уж думать советским военачальникам об убийстве Сталина, если они всеми силами стремились усилить его власть, укрепить себя при нём, даже если это идёт вразрез с интересами армии и государства! Но, тем не менее, они обвинены. И, как и Ядгарбек, приняли смерть за преступления, которые не совершили.

Упоминание же о муже, который не пропал, а жив, представляет очень тонко прослеженную ситуацию, сложившуюся в советской жизни во времена массовых репрессий: арестованные не получали никакой возможности известить родных о своей судьбе. Чтобы хоть как-то устроить свою жизнь, складывались новые семьи, потом уже выяснялось, что мужья не «погибли с караваном по пути в Индию» – не были расстреляны, а отбывают наказание в лагере – «проданы в рабство в Пешавар».

Откуда же берутся эти сведения? Как правило, от чудом оставшихся в живых и выпущенных на свободу. В повести такие сведения – о муже женщины, с которой якобы прелюбодействовал старый Ядгарбек, принесли два пешаварца «ещё в прошлом году, схваченные на базаре за чародейные замыслы против великого хана».

Очень похоже на то, что этих двух пешаварцев-узников лагеря повторно, так сказать, «загребли» в НКВД просто потому, что они уже были в лагере. Их надо было хоть за что-то схватить, пусть даже это будет совершенно вздорное обвинение. В повести это – чародейные замыслы, причём «против великого хана».

Так в 30-х годах людей хватили подряд, и все они признавались в терактах против Сталина – великого хана. Об этом моменте – процессе в Коканде – Москве, есть тоже двусмысленное замечание, опять же относящееся к «двум пешаварцам»: «...в своих преступлениях они, разумеется, полностью признались на первых же допросах... на днях они дополнительно показали, что встречали на пешаварском базаре мужа этой женщины... вот, о повелитель, что показали на

допросе пешаварцы – оба и причём одними и теми же словами...».

Ну чем всё это хуже тех сообщений газет 30–40-х годов прошлого века, когда подсудимые на самых различных процессах на себя наговаривали с три короба такое, что нельзя при всём желании увидеть на пешаварском базаре, причём наговаривали одними и теми же словами. И, главное, все видели глупость этих признаний, все понимали вздорность обвинений, но... так надо! Даже сам хан:

«– У тебя на допросах все показывают одними и теми же словами...» и далее замечает «Что-то нечисто, говорю я. Пешаварцы схвачены полтора года назад, а показали на встречах с мужем этой женщины только сейчас. Почему же они не показывали до сих пор?»

Типичный образчик того, что происходило на процессе 30-х и 40-х годов, когда люди не то что через полтора года, но и через полтора десятка лет «прозревали» и вспоминали мельчайшие подробности произошедшего с ними и не снимли. И твердили это в один голос в застенках НКВД, а потом уже и на судебных процессах. Лишь для вида вельможа говорит хану о причине молчания пешаварцев:

– Упорствовали...

Но его перебивает хан:

– Упорствовали в отрицании?... Это в твоих-то подземельях, в твоих-то руках?..

Хан – Сталин, знал силу своих верных сатрапов Ягоды-Ежова-Берии-Абакумова. И даже он не верил, что в подвалах Лубянки человек, туда попавший, в их руки, не признается в чём угодно.

Это почувствовал на себе и Л.Соловьёв. И этот переход от отрицания к безучастности, а потом и в сломленность, он, как намдумается, именно так передал

на страницах «Очарованного принца», повести, которую, чем дальше читаешь, тем более глубинный смысл в ней обнаруживаешь.

Даже в мельчайших подробностях это тот путь, которым прошёл сам автор повести.

Вот он отмечает сквернословие стражников кокандской тюрьмы, речь которых «состояла на девять десятых из одного только сквернословия». Так оно и было во всех лагерях, на всех пересылках, во всех тюрьмах, через которые прошёл Л.Соловьёв. Это обычный язык лагеря, а не только кокандской тюрьмы, хотя действие повести и перенесено в другую эпоху и в другую часть света.

Пешаварцам всё же повезло: Л.Соловьёв решил их выпустить из кокандской тюрьмы, хотя это и противоречило ходу событий. Это, может быть, сделано для того, чтобы позволить сказать на страницах повести, в заключение XI главы: «Их дальнейшая судьба нам не известна, однако мы верим, что они уже больше не попадали на помол в ту distinguished мельницу, где воды своекорыстных вертят колёса хитростей, где валы честолюбий приводят в движение зубчатки доносов и жернова зависти размалывают зёрна лжи...».

В этих словах Л.Соловьёв как бы передал тот механизм репрессий, который всю работу, не останавливаясь ни на секунду, на всём протяжении существования государства, названного, по злому недомыслию, самым народным, да ещё и самым демократичным.

Он точно передал те приводные ремни, на которых держалась эта самая чело-веконенавистническая система, показал, что каждый из живущих в стране так или иначе тоже причастен

к этому уничтожению людей в ужасающих масштабах. Каждый может и должен найти своё место в этой машине и остановиться, а значит остановить её.

Проходя по островам архипелага под названием ГУЛАГ, Леонид Соловьёв не забывал и о той жизни, что осталась позади, в которой он, собственно говоря, вырос и сам. Прежде всего, как писатель.

Грызня в литературном цехе, которую почему-то опять же фарисейски партийная печать называла не иначе как «борьба за идейное единство и социалистический реализм», тоже попала на страницы повести, правда, получила соответствующую аллегорическую окраску и звучание.

Литературный цех следует искать прежде всего на мосту отрубленных голов в Коканде – Москве.

Он знаменит тем, что вдоль него сидят кокандские гадалки и предсказатели.

Иерархия гадалщиков поразительно напоминает иерархию литературного цеха в СССР: самые заслуженные – в нишах моста. Чем это не секретари союза писателей? С их персональными квартирами и дачами?

Остальные гадалчики сидят, где попало. Как и вся писательская братия – сидит где придётся, живёт тоже по такому же принципу. И нравы в этой среде тоже – как в писательской среде недавней поры: уже занявшие места на мосту отрубленных голов ревниво берегут свои места, стремятся устранить конкурентов, выбирая для этого самые разнообразные способы, только бы не появился на мосту ещё один претендент на звание гадалщика – писателя.

Ходжа Насреддин тоже приходит на этот мост. Заметим, что и сам Соловьёв пришёл в литературу уже к тому

времени, когда все ниши в ней были заполнены. Да и возле ниш места стремительно занимались более ловкими и проворными, уловившими направление и силу литературного потока.

Разумеется, те и другие очень ревниво посматривают на новичка. Ведь это конкурент!

Появление Ходжи на мосту, естественно не вызвало энтузиазма у прорицателей. И хотя ему всё же разрешают гадание, но только по ограниченному кругу: на кражи да на розыск похищенного. И то Ходже разрешили гадать на эти случаи только потому, что остальные гадалчики не претендовали на такой чёрствый кусок лепёшки.

Конечно же, в данном случае Соловьёв описывает свой путь в литературу.

И он счастливо избежал зависти собратьев по перу только потому, что тогда подавляющее большинство советских писателей взялись за описание победы социализма в СССР. Соловьёв же взялся за историческую тему, да ещё и с сатирико-юмористическим уклоном, отнеся место действия далеко на восток страны.

Никто из русских советских писателей эту тему не разрабатывал и потому, может быть, путь Л.Соловьёва не усеян ругательными статьями-рецензиями.

Словом, литературная элита не почувствовала в нём серьёзного конкурента.

Именно в главах XIII–XV «Очарованного принца» Соловьёв достигает наибольшей концентрации в описании нравов, царивших в литературном цехе, да и во всей стране. Именно в этих главах встречаем наиболее узнаваемые типы обитателей Московского Кремля.

Так, Л.Соловьёв указывает на, казалось бы, совершенно незначительную

деталь обуви одного из вельмож: высокие каблуки его сапог.

Казалось бы, ну указал эту деталь, да и пошёл дальше. А уж пусть читатель сам догадывается, зачем эта деталь приведена.

Но не таков Л.Соловьёв. Он подробно начинает описывать и самого владельца сапог, указывая, что он среднего, даже весьма среднего роста, такого, что «...возникало несоответствие его важности, его высокому и многовластному типу... потому, «с целью исправить эту досадную оплошность природы, он всегда носил узкие лакированные сапоги на громадно высоких и тонких каблуках, благодаря чему прибавил себе роста и величия...».

Однако и этого мало писателю. Он столько раз потом обращается к этим каблукам, что уж самому недогадливому становится понятно, о ком здесь идёт речь.

Понятно дело, что здесь идёт речь о вожде Сталине, хотя, заметим, он к таким вот прибавкам к своему росту никогда не прибегал.

Далее идёт описание самого устройства власти в Коканде.

Даже цех гадалщиков – литераторов и тот несёт государственные функции. Положение гадалщиков-литераторов очень даже понятно из такой реплики вельможи на высоких и тонких каблуках: «терпит их... только ради того, чтобы не держать на жалованьи лишних шпионов»!

Замечание поистине не в бровь, а в глаз. Достаточно открыть любую газету или литературный журнал 30–50-х годов, как увидим на их страницах обилие зубодробительных статей, больше смахивающих на политические доносы. По ним НКВД оставалось только составить списки, дабы начать в очередной

раз «чистить поле советской литературы от сорняков».

Причём часто случалось, что вчерашние гонители уже сегодня превращались в гонимых. Выживших в этой гонке доносов-статей-рецензий практически не было.

Большинство ушли «либо с караванами в Индию», или же были «продаваемы в рабство в Пешавар».

Последовательно уничтожение писателей в довоенное время прошло, можно сказать, на глазах Л.Соловьёва. И он прекрасно изучил весь механизм этих акций, направленных прежде всего на писателей и поэтов, имеющих свой голос и потому не согласных петь осанну вождю в общем хоре, не замечая страданий народа, очень даже неплохо устроившихся в обозе псевдолитературы.

Именно таких деятелей от литературы Л.Соловьёв расположил вдоль моста срубленных голов и заставил заниматься гаданием. Ибо поистине литераторы в нашей стране тогда постоянно гадали, не смея заглянуть хотя бы на несколько лет вперёд, что же следует сказать, чтобы не выпасть из литературной «обоймы».

А ведь загляни чуть вперёд, убавили бы пыл в словословии того, кто ежедневно усиленно копал могилу русскому народу.

Если эти страницы «Очарованного принца» являются биографией страны, отдельных её частей, то некоторые главы повести полностью автобиографичны и отражают те круги ада, через которые прошёл Л.Соловьёв в течение восьми лет.

Сюда можно отнести описание тюрьмы и свирепого афганца Абдуллы Полуторного, вершившего все дела в этом первом круге ада.

Важная подробность: этот тюремщик не носит плети,

но зато все его пальцы «на сгибах были покрыты ссадинами от зуботычин».

Действительно, ведь лубяньские и лефортовские палачи, за долгие годы применения к узникам различных пыток, выбили немало зубов. Но и на их, палаческих руках, остались следы этих пыток. О которых и пишет Л.Соловьёв.

Такая вот деталь, а как она играет в повести! Сколько вызывает ассоциаций!

Разумеется, что палачи на Лубянке были самой высокой квалификации. И одного из этой когорты Л.Соловьёв описал так: «...худой кривоносый толстяк с тусклыми, сидящими глубоко подо лбом косыми глазами, сдвинутыми к переносице; этот свирепый угрюмец славился тем, что в его руках любой преступник упорствовал в отрицании своей вины не более двух дней, а затем неукоснительно признавался...».

Имел ли в виду Леонид Соловьёв под этими описанными палачами своих следователей? Конечно. Поскольку все приёмы допросов, которые применены были к писателю после ареста, он описал в повести. Как и признание в абсурдном обвинении в подготовке к покушению на Сталина!

Предварительно писатель позволил себе заметить, что в Коканде пытали так, что даже один торговец признался, что он перекрашивал дыни для продажи.

Рассказывая же о том, как Ходжа был допрашиваем вельможей на высоких каблуках, Л.Соловьёв постоянно вставляет такие подробности, которые с неизбежностью говорят: это со мной случилось, это от мен ядобивались признания в таких вот абсурдных и вздорных обвинениях.

Характерны в этом отношении раздумья вельможи,

как лучше раздавить Ходжу Насреддина.

После долгих размышлений он говорит писцу:

– Где у нас бумаги, касающиеся Ярмата-Мамышоглы, казнённого в позапрошлом году?

Не год, не два или пять лет назад, а именно в позапрошлом году. Почему именно этот срок выбрал для своей повести Л.Соловьёв?

Дальнейшие события показывают, что нужно было обвинить Ходжу, которого мы должны воспринимать как самого писателя, в каких-то серьёзных грехах. И вельможа (следователь) выбирает из архива дела прежних лет, надеясь найти там какие-то зацепки.

И такие зацепки в деле Л.В. Соловьёва заключаются в том, что в 1944 г. были арестованы его знакомые Бондарин С.А., Гехт А.Г., Улин Л.Н., которые на допросах показали, что «вместе с Соловьёвым вынашивали идею об изменении существующего строя». Сам Соловьёв, как указывалось ранее, арестован в 1946 г. Значит, следователи взяли дела именно этих людей. Отсюда понятно, почему в повести вельможа говорит о тех делах, что обозначены как «позапрошлогодние».

Писателя хотели связать с сотрудничеством с фашистами! То есть обвинить в измене родине. Но в 1945 г. смертная казнь отменена, и её к Соловьёву уже не применить, однако «родство с Ярматом-Бондариним-Гехтом-Улиным» можно доказать вполне.

Вот в этом контексте, как нам кажется, и надо читать страницы повести, рассказывающие о следствии в отношении Ходжи Насреддина, так же как и те, которые повествуют о самом следствии.

Прежде всего, Соловьёв указывает, что вельможа-

следователь погрузился в бумаги Ярмата.

«Он сейчас напоминал игрока в шахматы, задумавшегося над доской.

А пешкой, под его пальцами, был гадалщик. То есть Ходжа Насреддин. И из этой ничтожной пешки следовало сделать ферзя.

Надлежало обвинить гадалщика в тяжких злодеяниях и представить хану как опаснейшего преступника».

С самого себя писал Соловьёв эти страницы: его самого хотели подвести под самую тяжкую статью. То есть всяческие разговоры, пусть даже в пьяном виде, со знакомыми и полужнакомыми, касающиеся своего видения недостатков системы, её неспособности обеспечить подданным хотя бы сносное существование, выдавались за антисоветскую деятельность, за стремление «убрать» Сталина, искусно превратившегося на страницах следственных документов в «покушение на главу советского правительства».

И при другом, как говорится, раскладе, Соловьёв мог попасть в суд, который отмерил бы полную меру – «четвертак», то есть 25 лет лагерей.

Но провидение спасло его – он попал в «особое совещание», которое хотя и было органом внесудебной расправы, тем не менее, ограничилось только «червонцем», что по тем временам считалось просто детским сроком.

Писателю на следствии пришлось увидеть многое. В том числе и пытки. Испытать их на себе. Конечно, там не было ни крюков для подвешивания за ребро, ни полос для пытки калёным железом. Всё вершил кулак и сапог. Но и от них страдания были не менее мучительны.

Оказавшись на Лубянке, Соловьёв смотрел на её внутренний мир не только

глазами зека, но и глазами художника. Запоминал всё окружающее, людей. Как и свой первый допрос, проводимый следователем Рублёвым.

В «Очарованном принце» этим занимается вельможа. Допрос Ходжи он начал не сразу, а долго перебирал и перекладывал бумаги, что-то в них подчёркивал ногтем, злоеще усмехался и мычал.

«Наконец, обратив к Ходже Насреддину пронизательный, насквозь проходящий взгляд, он сказал:

– Ты сам знаешь, почему схвачен и ввергнут мною в тюрьму. Мне известно о тебе всё, я уже давно охочусь за тобой. Расскажи теперь сам о своих злодеяниях и открой своё настоящее имя...».

Написано буквально с натуры: подполковник Рублёв, производивший следствие по делу Л.Соловьёва, наверняка так же перекладывал бумаги на столе в своём кабинете, как бы не замечая стоявшего перед ним зека, давая тем самым понять, что арестант – крохотная мошка в том мириаде скоплений человеческих, которые надо рассортировать на чистых и нечистых. И, сортируя эти бумаги с судьбами людей, Рублёв наверняка думал: «Пусть помучается как следует, а когда «дозреет» я его спрошу, как следует».

И спросил: – Раз арестовали тебя, то объясни, за что тебя арестовали. А многозначительное «Мне известно о тебе всё, я уже давно за тобой охочусь» имеет в деле Л.Соловьёва, впрочем как и в других делах многих несчастных, попавших под колёса сталинских репрессий, обоснование в виде доносов и показаний других арестованных.

Как же реагирует Ходжа Насреддин, то бишь Л.Соловьёв, на этот сакраментальный вопрос следователя Рублёва?

«В жизни Ходжи Насреддина это был не первый допрос; он молчал, выигрывая время...».

Здесь, кажется, могут быть размышления в отношении Л.Соловьёва – допрашивался ли он раньше, до войны, по каким-то делам в отношении писателей, с которыми дружил? Но это только догадки: в повести на этот счёт нет никаких следов. В уголовном деле на этот счёт нет никаких упоминаний.

Спутник Ходжи в «Очарованном принце» весьма необычный и уж никак не соответствует «социалистическому реализму»: одноглазый вор, который оказывается честнее многих.

Бесконечно грешный в мелочах, как замечает о нём Л.Соловьёв, одноглазый вор «в больших делах заслуживал доверия». А уж дальше следует совершенно неожиданное окончание фразы об этом персонаже: «не в пример беспорочным, что навязываются людям в друзья, а потом из низменной трусости предадут их первому, кто догадается прикрикнуть построже...».

В чём же здесь дело? Почему именно так Леонид Соловьёв строит фразу о друзьях, предавших его?

Выскажем только предположение, поскольку оно относится к предмету деликатному – взаимоотношениям между людьми.

Во время следствия по делу, в МГБ был допрошен соавтор писателя по сценарию к кинофильму «Ходжа Насреддин» Виктор Виткович, который подтвердил «антисоветские» высказывания Леонида Васильевича.

После окончания следствия Л.Соловьёв читал всё производство по нему, значит и показания Витковича тоже. И потому они вызвали

такую острую оценку в повести и высказаны в таких беспощадных словах.

При решении вопроса о реабилитации Л.Соловьёва, Виткович повторно допрошен и заявил, что в 1946 г. дал показания «исключительно под влиянием следствия, протокол же подписал не читая, под давлением следователя».

Горький упрёк Леонида Соловьёва о переменчивости друзей, попавших на допрос в МГБ, может относиться и к другим свидетелям по делу, которые дали такие же, как и Виткович, показания: Вайнер Е.Г., Русин П.М.

Рассеялись ли у писателя эти рассуждения и осуждения после освобождения из лагеря?

Судя по продолжившемуся сотрудничеству с В.Витковичем по написанию сценария к кинофильму «Весёлый грешник», примирение произошло.

Собственное же состояние Леонида Соловьёва в лагере, несмотря на относительно спокойную работу истопником печей обжига кирпича, оставалось тяжёлым. Прежде всего, из-за моральных мук, что его постоянно терзали, что и живым отсюда уже не выйти. Смертность ведь в этом инвалидном лагере была высокая.

Именно эти мысли, как и сознание того, что он отлучён от творчества, так или иначе потом ложились на страницы рукописи «Очарованного принца».

И тогда её страницы становятся горькими, как августовская полынь в полдень, когда уже видно увядание, а местами уже проступает и желтизна осени. Закат не только солнца, но и жизни. Тогда прорываются у писателя такие вот строки:

«Всё, что происходит: бьют барабаны, и базар затихает – пёстрый базар на-

шей жизни. Одна за другой закрываются лавки суетных, мелких желаний, пустиют ряды страстей, площади надежд и ярмарки устремлений; становится вокруг тихо, просторно, с небалётся грустный закатный свет – близится вечер, время подсчёта прибылей и убытков. Вернее только убытков; вот мы, например, много-скорбный повествователь этой истории, не можем, не кривя душой, похвалиться, что заканчиваем базар своей жизни с прибылью в кошельке...».

Лирически-грустные размышления и сожаления о тех годах жизни, что потеряны. Разумеется, Соловьёв, отождествляющий себя с рассказчиком повести о Ходже Насреддине, считает прискорбным, что закат жизни, её вечер, приходится ожидать за лагерным забором с колючей проволокой. И потому так горьки выводы писателя, что он «заканчивает базар своей жизни с убытком».

Далее в повести следует целый трактат о бренности жизни, молодости и старости, как периодов жизни каждого человека, по-своему прекрасных. И в этой части повести угадывается то личное, что роднит Соловьёва с его героем – Ходжой Насреддином. Местами писатель даже просит, умоляет о том, чтобы судьба наконец к нему смилостивилась: «Да будет ниспослана такая милость и нам за наши горести и утраты...».

В такие грустные минуты размышлений о бренности существования человека, в особенности в неволе, Л.Соловьёва посещают воспоминания о тех местах, куда он направлял стопы Ходжи Насреддина и где когда-то жил сам:

«Есть на земле Фергана, навек покинутая нами и навек незабвенна –

голубой сон души; это её память, её след оттиснулся на сердце...».

Но автор не забывает, где он находится, ведь достаточно выйти из мрака кочегарки, как глаза погружаются в мрак зоны, и тогда рождаются строки:

«Всё это в сердце. Вернусь ли, увижу ли?»

И, видимо, взвесив на весах жизни её остаток и условия нынешнего существования, Леонид Соловьёв обречённо вздыхает:

«Нет, никогда».

Но фантазия писателя не может остановиться и она упорно продолжает будоражить внутренний мир автора, а с ним и героя «Очарованного принца». Как бы сторонним взглядом Л.Соловьёв смотрит на мир, окружающий лагпункт, как и тот, что раскинулся на 1/6 мира. Смотрит и понимает свою обречённость:

«Кому нужен такой товар и такие монеты здесь (товар – возвышенные чувства и мечтания – прим. автора), а вместо золота и серебра в кошельке одни сомнения и глупые вопросы, ибо здесь все заняты торгом: прицениваются и покупают, рвут и хватают, продают и предают, обманывают и надувают, орут и вопят, толпятся и теснятся и не прочь при случае задушить зазевавшегося...».

Можно ли эти размышления писателя отнести только к лагерю, лагерным порядкам? Вряд ли. Действительно, весь мир ожесточился и в лагере он попросту стеснён, спрессован колючей проволокой до критической массы. Но то же самое и за зоной, только там зло рассеяно по гораздо большей поверхности и потому не так заметно.

В таких главах повести проскальзывают и чисто личные мотивы, пережитые самим Л.Соловьёвым.

Прежде всего это касается взаимоотношений с женой – Тamarой Седых. Всепоглощающая любовь без взаимности и искренности, так можно охарактеризовать это состояние писателя. От непонимания – в пьянку. За ней – новый виток непонимания. Наконец, послевоенная разлука. Теперь уже навсегда.

Но в сердце всё ещё горит огонь любви, который рождает всякие мысли и они тоже становятся страницами «Очарованного принца».

Вспомним, что целая глава повести посвящена описанию сцен любовных утех неверной жены ростовщика Рахимбая – пленительной Арзи-биби с начальником стражи Коканда Камильбеком.

Здесь, как говорится, налицо все улики прелюбодеяния: халат с медалями Камильбека и его саблей, но происходит совершенно невероятное: сам же обманутый Рахимбай становится виноватым и просит прощения у Арзи-биби. Не без ехидства писатель замечает на этот счёт: «Женщины умеют убеждать в искренности своей лжи не только мужчин, но и самих себя, что придаёт их коварству особую силу...».

К тому же следует иметь в виду и ту среду, в которой рождаются эти строки: Дубравлаг. Публика здесь не только интеллигентная, но и уголовная, у которой дома остались и жёны, и подруги. Тема женщины – предмет чуть ли не ежедневных разговоров зека, тем более, что большинство так и не изведает женских ласк и сойдёт в могилу. Впереди ведь у кого 10, а у кого и все 25 лет заключения.

Разумеется, и приключения одноглазого вора в доме ростовщика Рахимбая, невольно ставшего свидетелем утех Камильбека

и Арзи-биби, во многом дополнены деталями, взятыми из рассказов зека, какковыми, как известно, богато любое замкнутое мужское общество.

Но и в этой части повести Л.Соловьёв не забывает о том, что делается за пределами зоны. И в произведении появляются реалии, взятые из тех рассказов зеков, принадлежащих к самым разным профессиям.

Скажем, в разговоре с Агабеком, владетельным князем Чорака, Ходжа Насреддин, превознося мудрости бывшего судьи, предлагает, в случае его назначения на должность казначея Хорезма, дабы увеличить ханскую казну, ввести среди жителей города налог на... следы.

И это реальность, между прочим, жизни советской деревни: послевоенный налог не только на скот и птицу, содержащуюся в хозяйстве, но и на фруктовые деревья. Ну чем не налог на следы?

Агабек, как помним, идёт ещё дальше и клянётся, что он бы установил налог и на смех!

Здесь поистине смех сквозь слёзы: у нас-то ведь этот налог был давно установлен! Ещё в 1917 году. И собирался этот налог не монетами, а человеческими жизнями.

Ведь достаточно – было засмеяться на похоронах Кирова (случай достоверный из архивных дел тех лет) и человек должен был заплатить налог в виде нескольких лет лагерей. В лучшем случае, заметим. Всё за ту же «антисоветскую агитацию».

В среде зека, которые отбывали свои годы за такой вот «антисоветский смех», были люди самых разных отраслей знаний, профессий, и память писателя впитывала всё, что говорилось между

ними, переосмысливалось и потом легло на страницы «Очарованного принца».

Здесь и проблемы телепатии – когда одноглазому вору в Коканде становится совсем плохо, то возбуждён и Ходжа Насреддин. И морочение головы Агабека путём построения казалось бы безукоризненно стройных логических схем, умозаключений.

В результате которых, как мы помним, ишак премудрого Ходжи становится действительно принцем царских кровей, очарованного злыми силами.

Отчего, собственно говоря, и повесть-то названа «Очарованный принц»!

За колючей проволокой были не только инженеры, воры, писатели, каменотёсы, артисты, чернорабочие и художники. Но и бывшие партийные работники, да и бывшие судьи с прокурорами, заплечных дел мастера из НКВД и МГБ. Словом, становой хребет репрессивной машины, что в бараний рог сворачивала всех и всё в государстве.

Может быть, поэтому, узнав, что Агабек не кто иной как бывший хорезмский судья, Ходжа начинает его расспрашивать об этих годах. Расспрашивает, заметим, целенаправленно и с таким подтекстом, что понимаешь – наверное и в лагере у Соловьёва был этот диалог с кем-то из служителей Фемиды, ставшим таким же зека:

«– Скажем, в бытность твою городским судьёй в Хорезме, не приходилось ли тебе приговаривать кого-либо к повешению?»

– Приходилось, конечно. По службе...».

Далее Ходжа выводит Агабека на путь показаний и спрашивает, а не испытывал ли он от этого мук совести, отягощённой смертью других. Но Агабек остаётся

самим собою, даже несмотря на пожертвования на ремонт мечети, не отказываясь от вынесенных смертных приговоров, утверждает:

«– Не обязательно вешать. Аллах мог бы наказать их каким-нибудь другим способом...».

И мы понимаем: любым другим способом, но только связанным с лишением жизни.

Тема покаяния как бы получает завершение в беседе Ходжи Насреддина и Агабека, но она всё же говорит, что автор повести, путём логических размышлений и общения с братьями по несчастью, дошёл до мысли, современной и сегодня: ссылка человека на то, что он выносит несправедливые приговоры исключительно по службе, не избавляет его, да и не может избавить, от мук совести.

Но, к сожалению, здесь другое: а хочет ли такой человек, чтобы его терзали муки совести? И с сожалением Л.Соловьёв приходит к выводу, что люди эти не исправимы. Даже на смертном одре они будут твердить, что делали всё по приказу, да по закону. Забывая, что делали это не всегда по совести.

И уж совсем Л.Соловьёв обнажает своё отношение к таким людям, когда словами несправедного судьи Агабека высказывает поддельное негодование в адрес несправедных судей, что «... выносили свои приговоры не по действительной вине преступника, а в угоду вышшим или к собственной выгоде».

Позже писатель снова возвращается к той же теме несправедных судей, когда описывает суд над судьёй Агабеком:

«Бывший судья – вот когда он понял на своей шкуре, как иногда в глазах судей чистейшая правда оборачи-

вается злонамеренной ложью и ничего нельзя с этим поделывать, ничем нельзя доказать свою невиновность; сколько раз ему самому приходилось так же судить и заочать в тюрьму невинных людей только за то что их правда внешне выглядела как ложь».

Причём приговор в отношении Агабека был суров – пожизненная тюрьма. Может быть, писатель имел в виду немилосердные приговоры, когда старцам, вроде Григорьева и другим, «отвешивали» по 25 лет лагерей заведомо зная, что они не только не могут отбыть этого срока, но даже половины или четверти его.

Но на этом не заканчивается сатирическая подача нравов суда несправедного, действовавшего не в Хорезме или в Коканде, а по всей Руси великой.

Зло описаны так называемые «выездные» заседания судов. Этот суд призывает в Чорак в виде кадия, дабы засвидетельствовать сделку между Агабеком и Ходжой Насреддином. Ту, в результате которой Ходжа становится обладателем поместья вельможи, ну а Агабек – очарованного принца, ставшего ослом.

Кадий так ловко манипулирует словами и юридической казуистикой, что совершенно свободно превращает доходное озеро, сад и дом, принадлежащие Агабеку, в захудалый двор. И с таким же успехом превращает в серебро весом четыре пуда и семь с половиной фунтов, серого ишака Ходжи, которому предстоит стать «очарованным принцем».

Прямой намёк писателя на то, что под пером председательствующих на этих выездных судах, самая что ни есть глупая болтовня о жизни, превращалась в государственный заговор, а простые

забитые люди из деревень и городов – в организаторов контрреволюционных банд и обществ?

А их, этих людей, в Дубравлаг попавших с помощью различных юридических крючков, было немало.

И у каждого из них был свой «кадий», каждого он по-своему превратил в злоумышленника и определил нечеловеческую меру наказания, после чего сел в арбу (читай – автомобиль) и уехал дальше творить свои трагические превращения.

В нашем размышлении о судьбах героя повестей о Ходже Насреддине и их авторе Леониде Васильевиче Соловьёве небезинтересны, наверное, и те главы «Очарованного принца», в которых писатель делится своими размышлениями о жизни этого легендарного борца за справедливость в несправедливом обществе.

Возвращаясь к детским годам Насреддина, Л.Соловьёв замечает, что об этом периоде его жизни мы ничего не знаем, как не знаем и о его старости, и вообще вся жизнь Ходжи напоминает реку, которая открывает только половину своего течения. Начало же её закрыто, как неведомо и куда она впадает.

Видя этот «изъяс» повести, писатель лукаво замечает, что он всё же исправит его, и посвящает годам Насреддина 3-ю часть «Очарованного принца».

Не будем заниматься неблагодарным трудом переписывания этих красочных страниц повести, ибо они утратят свой колорит и не прояснят читателю ничего. Только заметим, что о детских годах самого Леонида Соловьёва мы так ничего и не знаем. Нет о них ни слова, ни в краткой автобиографии писателя к своему трёхтомнику, ни в самих произведениях. Впрочем, как нет и

продолжения о жизни писателя после освобождения из лагеря, если не считать нескольких казённых, что называется, просьб о пересмотре дела для полной реабилитации.

Л.Соловьёв только замечает, что «...рассказ о его (Ходжи Насреддина) дальнейшей жизни – это новая книга, писать которую будет уже кто-то другой, наш преемник, идущий за нами следом...».

На этом свою писательскую миссию Леонид Соловьёв считает выполненной. Видимо, он уже в те годы чувствовал, что судьбой ему отпущено немного лет и вряд ли он сможет продолжить рассказ о новых приключениях Ходжи Насреддина, хотя, как помним, он хотел направить его во многие города ближнего Востока и из каждого города дать о нём повесть. Вспомним, что этими городами должны быть Стамбул, Багдад, Тегеран, Дамаск, Самарканд и Хива.

И, как бы объясняя причину отказа от этих замыслов, писатель ещё раз возвращается к напоминанию той обстановки, что была в стране, где ему выпало жить после Ливанского Триполи.

Ходжа Насреддин приходит в Бухару и находит пепелище на месте родительского дома. И великий мудрец плачет.

Он вопрошает вслух: «За что же их пытали? Ведь Ходжи Насреддина в то время не было в Бухаре, я это хорошо знаю!».

На что полуслепой старец отвечает Ходже:

«Никто этого не знает».

Ну чем не советская действительность? Не только до, но и послевоенная. Когда членов семей тех, кто признан «контрреволюционерами», то есть врагами народа, не только выселяли в места не столь отдалённые, но и

в лагеря заключали. Причём независимо от возраста. Часто бывало так, что малолетних детей «врагов народа» отбирали и помещали в детдома, а когда те достигали 16 лет, то шли в лагерь. К закоренелым преступникам из числа уголовных.

И не важно было, что члены семей часто вообще не знали даже о характере работы главы. Для властей важно было, что они жили под одной крышей, а потому уже биологически, так сказать, рождались от «врагов народа».

Пожаловаться? Кому?!

Это ведь только при кровавом царизме, после покушения Александра Ульянова на своего тезку – самодержца всероссийского Александра II, никто в семье Ульяновых не пострадал. Более того, семья не лишилась и своего имущества. Все дети получили возможность получить высшее образование и не обязаны были указывать ни в каких там анкетах, о брате-цареубице. Правда, и анкет тогда не было никаких.

В советскую эпоху стало совершенно по-другому. И потому Ходжа Насреддин – Леонид Соловьёв, мог рассказать о разрушении родительского очага властями только небу, ветру, дереву, солнцу, своему ишаку, наконец, но не людям. И по весьма простой причине: а вдруг донесут.

Люди уходили в себя, как уходит улитка в свою раковину. Ни с кем не общались, старались вообще сузить круг знакомств. Не это ли причина вселенского озлобления в обществе?

Если Л.Соловьёв под базаром разумел жизнь, то интересен и его взгляд на составные части этой жизни.

Вот отправляется маленький Насреддин на бухарский базар и подходит к ряду, где сидят писцы.

«Это было самое вздорное, самое склочное и сварливое место на базаре; здесь всегда стояли споры, взаимные обличения, руготня, попреки, похвальба и неслыханное безудержное враньё, от которого мутился разум...».

Разумеется, что под этим рядом писцов Л.Соловьёв в «Очарованном принце» вывел литературный цех, в котором действительно ежедневно и ежечасно шли бои, общешрифтового и местного масштаба. Постоянно писались доносы друг на друга. Особенно направленные на якобы неверное толкование братьями по этому цеху «самого передового и самого верного учения марксизма-ленинизма-сталинизма».

Здесь постоянно царили дразги, чтобы оказаться «наверху» не по таланту, а по идеологии. И больше получал тот, кто громче всех крикнет очередное слово-слово в адрес «мудрейшего из мудрых».

Окололитературная среда давала возможность Л.Соловьёву хорошо рассмотреть ту обстановку, которая царит среди писателей и потом метко отобразить её в повести, а также с ехидством подметить одну особенность пишущей братии: «Среди обитающих здесь писцов не было ни одного, который в прошлом не занимал бы должность ниже правителя дворцовых дел где-нибудь в Стамбуле, Тегеране, Хорезме, не было ни одного, не подавшего в своё время спасительного совета царю... ни одного, имевшего в прошлом награду ниже знака Большого Орла...».

Разумеется, в обобщённом виде эти строки относятся не только к литераторам. В целом это в полной мере относится к тем, кто занимал хоть какой-то пост, а потом попал в лагерь. Уж здесь действительно Л.Соловьёв

наслушался историй, о которых так аллегорически рассказал на страницах «Очарованного принца».

Ну а своим братьям по перу он бросает со страниц повести гневный упрёк: «И писали они, в основном, доносы». Разумеется, он имел в виду и то, что произошло с ним. Ведь без доноса друзей и знакомых именно из литературной среды, прежде всего, здесь не обошлось. Правда, в уголовном деле писателя именно это отражения не нашло. Осталось, как принято говорить, в «материалах оперативной разработки».

В «Очарованном принце» Соловьёв не обошёл вниманием и служителей новой идеологии, которые своими «научными разработками», насквозь лживыми трактатами, помогали дурачить народ.

Только в повести эти «учёные» сидят в медресе «Мир-Араб», где «учёные улемы и мударрисы... сочиняют с горящими мрачным пламенем глазами толстые книги во славу аллаха, доказывая необходимость уничтожения до седьмого колена всех, не исповедующих ислама».

Именно на трактатах таких вот мужей от марксизма-ленинизма строился террор против собственного народа в нашем государстве. Именно из стен идеологических «кухонь» уходили «на места» всё новые и новые основания «измов». Отсюда же шли распоряжения об уничтожении носителей «опиума для народа» вместе с храмами, а заодно и памятников старины и искусства. Отсюда шло и бесовское насаждение вражды против крестьянства, этого станового хребта русского государства при всех режимах.

Но, тем не менее, даже перед этим учреждением (медресе «Мир-Араб») и

Ходжа Насреддин должен был бы, хотя бы из чувства самосохранения, испытать что-то схожее со страхом или же почтением. Но он поступает совершенно наоборот:

«Ходжа Насреддин ударил ишака пятками, проезжая это страшное место».

И никакого почтения ни к «Мир-Арабу», ни к его служителям Ходжа не испытывает. Да и не может испытывать. Ведь с их помощью и при их участии разрушен родной очаг, сам же он должен скитаться и прятать от народа своё подлинное имя. Из боязни не за себя, а за многострадальный народ.

С грустью расстаёмся с Ходжей Насреддином на страницах «Очарованного принца». Отмечая, что даже в условиях всеобщей подозрительности, доношительства и подсиживания, Леонид Васильевич Соловьёв сумел найти такую форму своего произведения, чтобы обрисовать в форме аллегории язвы родного отечества, побудить у читателей стремление размышлять о дальнейшем пути развития государства. Находить своё место в этом государстве.

Судьба Соловьёва, получив освещение на страницах двух повестей о Ходже Насреддине, как бы слилась с автором. И весьма трудно разделить их – писателя и героя его произведений. Да и стоит ли это делать? Ведь получились две повести о восточном мудреце, который своими похождениями и своими комментариями к ним не утратили злободневности и сейчас.

Рано оборвавшаяся, полная трагичности, судьба писателя Леонида Соловьёва не позволила ему дальше провести своего героя по городам и весям Ближнего Востока и Средней Азии, под которыми он вывел всю Россию.